

ISSN: 2616-8162

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

**НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

3/2025

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета».

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.Г. Коваленко** (Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы), д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, проф. **Г.Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University), Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliushchenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.G. Kovalenko** (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология. **Адрес редакции:** федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк. **Тел:** +7 (856) 302-92-33.

E-mail: vi.terkulov@mail.ru.

URL: <https://dongu-vestnik05.ru>.

*Печатается по решению Учёного совета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет» .
Протокол № 4 от 17.04.2025 г.*

© ФГБОУ ВО «ДонГУ», 2025

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и
психология

№ 3/2025

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

<i>Акай О. М.</i> Эмоциональный графокод как семиотический феномен: от эмодзи до визуальных символов	5
<i>Белов А. М.</i> Латинские <i>helius, fulvus, flavus</i> и их (вероятные) сородичи	20
<i>Миннуллин О. Р.</i> Поэтическое скитальчество Аполлона Григорьева	28
<i>Попова Е. А.</i> Ономастическое пространство Провинциального текста русской литературы в произведениях А. П. Буниной	38
<i>Матвеева И. В., Танасьева А. А.</i> Региональная лексика Камчатского края в интернет-коммуникации	60
<i>Кутлимурадова Н. И.</i> Маркеры категории пространства в поэзии Махтумкули Фраги	70
<i>Ма Цзинянь.</i> Плакат как поликодовый малоформатный текст	81
<i>Се Жои.</i> Высокочастотные слова в спонтанных монологах-описаниях: методика создания частотного списка для лексического анализа	92
<i>Цзян Тяньцзяо.</i> Глагольные маркеры опосредованной эвиденциальности в российских публикациях о Китае	103
<i>Федоровская Е. В.</i> Параграфемы текста маркетинговых коммуникаций в цифровую эпоху: креолизация и паралингвистические особенности на примере языка брендов в мессенджере Telegram	113
<i>Чжан Цзысин.</i> Происхождение и лингвальное варьирование мема <i>Вы продоете рыбов?</i> (к вопросу о процессе фразеологизации)	123
<i>Гуров Ф. Н., Мартиросян А. Э., Шульц Э. Э.</i> Социальная напряженность и прогнозирование политического протеста: модель анализа социальных медиа	137

Слово молодому учёному

- Соколовская А.А.* Деструктивный социальный идеал в русском языковом сознании XIX–начала XX вв. 145

Психология

- Муханова И.Ф.* Междисциплинарный анализ научных подходов к проблеме успеха 156

- Саитгалиева К.Р., Ковтун Ю.Ю.* Связь психологических ресурсов саморегуляции и психологического благополучия у лиц с пограничными психическими расстройствами 175

- Правила для авторов 186

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 3/2025

CONTENTS

Philology

<i>Akay O. M.</i> Emotive graphocode as semiotic phenomenon: from emoji to visual symbols	5
<i>Belov A. M.</i> Latin <i>heluus, fuluus, flauus</i> and their (probable) relatives	20
<i>Minnullin O. R.</i> Poetic Wandering of Apollon Grigorev	28
<i>Popova E. A.</i> Onomastic space of provincial text of Russian literature in works by A.P. Bunina	38
<i>Matveeva I. V., Tanasyeva A. A.</i> Regional vocabulary of Kamchatka region in internet communication	60
<i>Kutlimuradova N. I.</i> Markers of space in poetry by Makhtumkuli Fraghi	70
<i>Jingyan Ma.</i> Poster as polycode small-format text	81
<i>Xie Ruoyi.</i> High-frequency words in spontaneous monological descriptions: method of creating frequency list for lexical analysis	92
<i>Jiang Tianjiao.</i> Verbal Markers of Mediated Evidentiality in Russian Publications about China	103
<i>Fedorovskaya E. V.</i> Paragraphemes in texts of marketing communications at digital age: creolisation and paralinguistic features on example of brands' language in Telegram messenger	113
<i>Zhang Zixing.</i> Origin, phraseologization, and lingual variation of meme <i>Will you sell the fish?</i>	123
<i>Gurov F. N., Martirosyan A. E., Shults E. E.</i> Social tensions and predicting political protest: social media analysis model	137

Commencing scholars, have your say!

<i>Sokolovskaya A.A.</i> Destructive social ideals in the Russian linguistic consciousness of the 19 th – early 20 th centuries	145
---	-----

Psychology

<i>Mukhanova I.F.</i> Interdisciplinary analysis of scientific approaches to problem of success	156
---	-----

<i>Saitgaleeva K.R.</i> , <i>Kovtun Yu.Yu.</i> Relationship between psychological resources of self-regulation and psychological well-being in people with borderline mental disorders	175
--	-----

Guidelines for authors	186
------------------------	-----

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 81:22

DOI: 10.5281/zenodo.15300563

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ГРАФОКОД КАК СЕМИОТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ОТ ЭМОДЗИ ДО ВИЗУАЛЬНЫХ СИМВОЛОВ

© 2025 О.М. Акай

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ORCID 0000-0003-2773-5384

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Актуальность исследования эмоционального графокода в рамках лингвистики и семиотики обусловлена трансформацией коммуникативных практик в условиях цифровизации. Цель работы заключается в раскрытии семиотической природы эмоционального графокода через анализ его форм (эмодзи, стикеры, мемы, GIF-анимации) и выявление механизмов, обеспечивающих его функционирование в цифровой коммуникации. Основные задачи включают определение понятия эмоционального графокода, классификацию его типов, анализ семиотических характеристик (иконичность, индексальность, символичность), изучение роли контекста, а также исследование влияния культурных и социальных факторов на его формирование и эволюцию. Методологическая база включает семиотический анализ, контент-анализ интернет-коммуникации (социальные сети, форумы, блоги) и социолингвистический подход, что позволяет учитывать культурные и социальные особенности русскоязычного сегмента сети Интернет. Научная новизна исследования заключается в разработке комплексного семиотического подхода к изучению эмоционального графокода, охватывающего разнообразие его форм и функций. Практическая значимость работы связана с возможностью применения результатов для совершенствования систем анализа тональности текста, автоматического распознавания эмоций, разработки цифровых коммуникативных инструментов и обучения интерпретации визуальных знаков.

Ключевые слова: эмоциональный графокод, эмодзи, стикер, мем, GIF-анимации, цифровая коммуникация, семиотика, язык Интернета.

Для цитирования: Акай О.М. Эмоциональный графокод как семиотический феномен: от эмодзи до визуальных символов / О.М. Акай // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 3. – С. 5–19. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15300563>.

Введение. В эпоху повсеместного распространения цифровых технологий визуальная коммуникация приобретает все большую значимость, становясь неотъемлемой частью межличностного взаимодействия, онлайн-дискурса и массовой коммуникации. Традиционные лингвистические подходы, ориентированные преимущественно на анализ вербальных структур, оказываются недостаточными для адекватной интерпретации современных коммуникативных процессов [3], в которых активно используются невербальные средства выражения, в том числе и эмоциональный графокод. Эмодзи, стикеры, мемы и другие визуальные символы, выполняющие функцию эмоциональной экспрессии, формируют новый семиотический ландшафт, требующий пристального внимания лингвистов и семиотиков [6, с. 366]. Игнорирование роли эмоционального графокода в цифровой среде ведет к неполному пониманию механизмов формирования

смысла, передачи информации и установления эмоциональной связи между коммуникантами. Таким образом, изучение эмоционального графокода представляется необходимым условием для адекватного описания и объяснения современной коммуникативной реальности, а также для развития теоретических основ лингвистики и семиотики в условиях цифровой трансформации общества [7].

Проблематика исследования заключается в **недостаточной теоретической разработанности семиотической природы и коммуникативных функций эмоционального графокода в современной цифровой среде**. Существующие исследования, как правило, фокусируются на отдельных формах визуального выражения эмоций, таких как эмодзи или мемы, не предлагая комплексного анализа, объединяющего широкий спектр визуальных символов, от простейших эмодзи до сложных стикеров и GIF-анимаций, в единую систему. Отсутствие целостной теоретической рамки, позволяющей описать и объяснить семиотические механизмы, лежащие в основе функционирования эмоционального графокода, препятствует пониманию его роли в формировании смысла, поддержании эмоциональной связи и регуляции коммуникативного взаимодействия в цифровом дискурсе [8, с. 180]. Это, в свою очередь, ограничивает возможности применения лингвистического анализа для решения практических задач, связанных с автоматической обработкой текста, анализом тональности и оптимизацией средств цифровой коммуникации.

Материалы и методы исследования. Теоретическим фундаментом данного исследования являются основные положения семиотики, предлагающие широкий спектр методологических инструментов для анализа знаковых систем, репрезентирующих эмоции. В рамках заявленной темы представляется необходимым рассмотреть ключевые семиотические теории, разработанные такими выдающимися учеными, как Чарльз Сандерс Пирс [17], Ролан Барт, Юрий Лотман [4] и Фердинанд де Соссюр [19]. Теория знака Пирса, с ее трихотомией иконы, индекса и символа, позволяет классифицировать различные формы эмоционального графокода в зависимости от характера связи между знаком и его объектом. Подходы Барта, фокусирующиеся на деконструкции мифов и анализе культурных кодов, предоставляют инструменты для выявления скрытых значений и социальных коннотаций, заключенных в эмоциональном графокоде [10, с. 473]. Структурализм Соссюра, акцентирующий внимание на системном характере языка и взаимосвязи означающего и означаемого, позволяет анализировать эмоциональный графокод как часть более широкой семиотической системы цифровой коммуникации. В работах Лотмана, посвященных семиосфере и культурной памяти, особое внимание уделяется роли культуры в формировании и интерпретации значений, что необходимо для понимания контекстуальной обусловленности эмоционального графокода.

Анализ эмоционального графокода как комплексного лингвистического, семиотического и культурного феномена требует применения междисциплинарной исследовательской стратегии, объединяющей семиотический, лингвистический, корпусный, культурологический, социолингвистический и графостилистический методы.

Эмоциональный графокод в современной цифровой коммуникации. Проблема выражения эмоций в семиотике является дискуссионной и многоаспектной. С одной стороны, эмоции, как субъективные переживания, представляются трудноуловимыми для объективного анализа. С другой стороны, семиотика предлагает инструменты для изучения способов кодирования и передачи эмоций через различные знаковые системы [9, с. 77]. Особое значение в данном контексте приобретает концепция «эмоционального знака», под которым понимается любой знак, несущий эмоциональную нагрузку и способный вызывать эмоциональную реакцию у реципиента. Анализ эмоционального

знака предполагает выявление его семиотической структуры, определение его места в системе других знаков и исследование его функций в конкретном коммуникативном контексте [5]. Таким образом, семиотические теории предоставляют необходимую методологическую основу для изучения эмоционального графокода как сложного и многогранного семиотического феномена.

Эмоциональный графокод – это семиотическая система, представляющая собой совокупность графических знаков (визуальных элементов, символов, изображений), которые используются для кодирования, передачи и интерпретации эмоций в процессе коммуникации. Данный код функционирует на стыке визуальной и вербальной семиотики, объединяя графические средства (цвет, форму, композицию) с эмоциональными значениями, что позволяет передавать сложные эмоциональные состояния в сжатой и интуитивно понятной форме [16]. Эмоциональный графокод характеризуется поликодовостью, так как включает в себя взаимодействие визуальных, текстовых и контекстуальных элементов, а также обладает высокой степенью адаптивности к культурным и коммуникативным условиям. В лингвистике эмоциональный графокод рассматривается как инструмент, который обогащает коммуникацию, дополняя или заменяя вербальные средства выражения эмоций, и играет ключевую роль в цифровой и визуальной коммуникации (например, эмодзи, стикеры, мемы).

Эволюция эмоционального графокода в истории цифровой коммуникации представляет собой процесс, отражающий развитие технологий, изменение коммуникативных потребностей и формирование новых форм взаимодействия [12]. Генезис этого феномена тесно связан с появлением и распространением электронной почты и текстовых чатов, где ограничения в передаче невербальных сигналов, присущих живому общению, вызвали потребность в создании альтернативных средств выражения эмоций. Первыми предшественниками эмоционального графокода стали так называемые смайлики (от англ. *smile* ‘улыбка’), представляющие собой комбинации знаков препинания и других символов, передающих простые эмоции, такие как улыбка (:-)), грусть (:-(), удивление (:-o). Появление смайликов в 1980-х годах, в частности, благодаря популяризации в рамках онлайн-сообществ и университетских сетях [2, с. 393], стало важным этапом в развитии эмоционального графокода.

Следующим этапом стала стандартизация и графическое оформление смайликов, что привело к появлению **эмодзи** (絵文字), разработанных в Японии в конце 1990-х годов. Эмодзи, представляющие собой пиктографические символы, значительно расширили возможности выражения эмоций и понятий, визуализируя эмоции, объекты и действия. Включение эмодзи в стандарт Юникода способствовало их глобальному распространению и использованию на различных платформах и устройствах [1]. Дальнейшее развитие эмоционального графокода связано с появлением **стикеров**, **GIF-анимации** и **мемов**. Стикеры, предлагающие более широкие возможности визуального оформления и выражения сложных эмоций, стали популярными в мессенджерах и социальных сетях. **GIF-анимации**, представляющие собой короткие зацикленные видеоролики, стали эффективным инструментом для передачи динамичных эмоций и выражения реакции на события. Мемы, сочетающие изображение и текст, приобрели особую популярность в интернет-сообществах благодаря своей интерактивности и способности выражать сложные эмоциональные реакции через юмор и иронию [13, с. 10]. Эволюция эмоционального графокода продолжается и в настоящее время, с появлением новых форм визуального выражения, отражающих изменяющиеся коммуникативные практики и культурные тренды.

В рамках настоящего исследования представляется необходимым провести четкое разграничение понятий «эмодзи», «стикер», «мем» и других связанных с ними форм визуального выражения эмоций, поскольку их частое употребление в качестве синонимов в повседневной коммуникации может привести к терминологической путанице и затруднить анализ их семиотической специфики. **Эмодзи** (от яп. 絵文字, э-модзи ‘картинный знак’) представляют собой стандартизированные пиктографические символы, включенные в Юникод и отображаемые на различных платформах и устройствах. Они, как правило, имеют фиксированный набор визуальных характеристик и выражают базовые эмоции, объекты или действия. **Стикеры**, в отличие от эмодзи, не являются частью универсального стандарта и представляют собой более крупные, детализированные изображения, часто содержащие текст или элементы дизайна, созданные для определенных приложений или платформ. Их визуальное исполнение варьируется в широком диапазоне, что позволяет выражать более сложные и нюансированные эмоции и смыслы. **Мемы**, в свою очередь, являются единицами культурной информации, распространяющимися в сети Интернет и характеризующимися высокой степенью репликации, адаптации и вирусности. Визуальные мемы часто используют изображения, скриншоты, GIF-анимации или другие визуальные элементы в сочетании с текстом, создавая комический или ироничный эффект и выражая определенное отношение к актуальным событиям или социальным явлениям [14]. Помимо перечисленных форм, существуют и другие визуальные средства выражения эмоций, такие как **GIF-анимации**, представляющие собой короткие зацикленные видеоролики, и **кастомные визуальные символы**, создаваемые пользователями для выражения индивидуальных эмоций и переживаний. Четкое разграничение этих понятий является необходимым условием для дальнейшего анализа их семиотической структуры и коммуникативных функций в современной цифровой среде.

Ключевые характеристики эмоционального графокода:

- 1) семиотическая природа: основан на знаках (иконических, индексных, символических);
- 2) поликодовость: сочетает визуальные и вербальные элементы;
- 3) эмоциональная направленность: предназначен для передачи эмоций;
- 4) адаптивность: изменяется в зависимости от культурного и коммуникативного контекста;
- 5) функциональность: используется для уточнения, усиления или замены вербальных сообщений.

Для систематизации и углубленного анализа феномена эмоционального графокода представляется целесообразным разработать классификацию его типов, основанную на различных критериях, позволяющих учитывать многообразие форм и функций визуального выражения эмоций [15]. Предлагаемая классификация включает следующие критерии.

Критерий формы: в соответствии с данным критерием, эмоциональный графокод может быть разделен на:

– *пиктографические символы*: эмодзи, характеризующиеся стандартизированным визуальным представлением и ограниченным набором базовых эмоций;

– *графические изображения*: стикеры, отличающиеся большим размером, детализацией и разнообразием визуальных стилей, часто включающие текст и элементы дизайна;

– *анимированные изображения*: GIF-анимации, представляющие собой короткие зацикленные видеоролики, передающие эмоции через движение и динамические визуальные эффекты;

–*визуально-вербальные комплексы*: мемы, сочетающие изображение и текст, создающие комический или ироничный эффект и выражающие определенное отношение к событиям или явлениям.

Критерий содержания: в соответствии с данным критерием, эмоциональный графокод может быть классифицирован по типу выражаемой эмоции:

–*базовые эмоции*: радость, грусть, гнев, страх, удивление, отвращение (в соответствии с теорией Пола Экмана);

–*сложные эмоции*: сарказм, ирония, смущение, ностальгия, умиление и другие более нюансированные эмоциональные состояния;

–*эмоциональные реакции на определенные события или ситуации*: выражение сочувствия, поддержки, удивления, восторга и т.д.

Критерий функции: в соответствии с данным критерием, эмоциональный графокод может быть классифицирован по его коммуникативной функции:

–*экспрессивная функция*: выражение личных эмоций и эмоционального состояния говорящего;

–*фатическая функция*: поддержание контакта и установление эмоциональной связи между коммуникантами;

–*коммуникативная функция*: передача информации и уточнение смысла вербального высказывания;

–*регулятивная функция*: воздействие на эмоциональное состояние адресата и управление коммуникативным взаимодействием.

Критерий степени стандартизации:

–*стандартизированный графокод*: эмодзи, имеющие четко определенное визуальное представление и включенные в Юникод;

–*нестандартизированный графокод*: стикеры, мемы, GIF-анимации и другие визуальные элементы, создаваемые пользователями и не имеющие фиксированного визуального представления.

Семиотический анализ эмоционального графокода.

Эмодзи: иконичность, индексальность и символичность. Эмодзи, будучи одним из наиболее распространенных типов эмоционального графокода, демонстрируют сложную семиотическую природу, сочетающую в себе элементы иконичности, индексальности и символичности. **Иконичность эмодзи** проявляется в их визуальном подобии объектам, действиям или выражениям лица, репрезентирующим различные эмоции. Большинство эмодзи стремятся к максимальной визуальной репрезентации того или иного понятия, что делает их относительно легко узнаваемыми и интерпретируемыми даже в межкультурном контексте. Однако, степень иконичности эмодзи может варьироваться в зависимости от конкретного эмодзи и визуального стиля, используемого на различных платформах.

Индексальная функция эмодзи заключается в их способности указывать на эмоциональное состояние пользователя или контекст коммуникации. Эмодзи могут выступать в качестве знаков, отсылающих к определенным эмоциям, мыслям или ситуациям. Например, эмодзи со слезами радости (😄) может указывать на чувство восторга или смеха, а эмодзи с сердечком (❤️) – на выражение любви или привязанности. В этом аспекте эмодзи становятся своеобразными маркерами эмоционального состояния, позволяющими адресату быстрее понять общий тон сообщения.

Символическое значение эмодзи обусловлено культурными и социальными конвенциями, влияющими на интерпретацию знаков. Несмотря на стремление к

универсальности, интерпретация эмодзи может варьироваться в зависимости от культурного контекста, социальных норм и личного опыта пользователя [21]. Например, эмодзи с поднятым пальцем (👉) может означать согласие или одобрение, однако в некоторых культурах его значение может отличаться [22]. Кроме того, использование определенных эмодзи может быть связано с социальными трендами и субкультурными группами, что придает им дополнительный символический смысл. Таким образом, эмодзи, сочетая в себе элементы иконичности, индексальности и символичности, представляют собой сложный семиотический феномен, требующий учета многообразия факторов для адекватной интерпретации.

Стикеры: сочетание визуального образа и текстового сообщения. Стикеры, в отличие от эмодзи, представляют собой более сложные семиотические знаки, интегрирующие в себе визуальный образ и текстовое сообщение, что значительно расширяет возможности выражения эмоций и передачи смысла. **Анализ стикеров** как составных знаковых единиц требует учитывать взаимодействие между визуальным и вербальным компонентами, а также их совместный вклад в формирование общего значения.

Роль визуального образа в стикерах заключается в создании первичного эмоционального импульса и визуальной репрезентации эмоционального состояния. Визуальный образ, представленный в виде детализированного изображения персонажа, объекта или ситуации, служит для привлечения внимания адресата и передачи базовой эмоциональной информации. Выражение лица персонажа, его поза, цветовая гамма и другие визуальные элементы способствуют формированию общего эмоционального фона сообщения и создают определенный эффект воздействия.

Функция текстового сообщения в стикере заключается в уточнении, усилении или изменении эмоционального значения визуального образа. Текст может конкретизировать выражаемую эмоцию, добавить нюансы к ее интерпретации или изменить ее смысл на противоположный, создавая эффект иронии или сарказма [20]. Например, стикер с изображением плачущего человека и надписью *Я в порядке* может выражать не реальное благополучие, а скрытую грусть или иронию по поводу своего состояния. Текст также может выполнять функцию усиления эмоционального воздействия, подкрепляя визуальный образ словами, выражающими сильные эмоции. Кроме того, текст может играть важную роль в формировании контекста, указывая на ситуацию, в которой уместно использовать данный стикер. В рамках семиотического анализа стикеры могут быть рассмотрены как поликодовые тексты, где взаимодействие визуального и вербального компонентов создаёт многослойное семантическое пространство. Исследование роли визуального образа в выражении эмоций и передаче смысла позволяет выявить, как графические элементы стикера актуализируют определённые эмоциональные состояния, а текстовое сообщение либо усиливает их, либо вносит дополнительные смысловые оттенки. В целом взаимодействие между визуальным образом и текстовым сообщением в стикерах представляет собой сложный семиотический процесс, в котором каждый компонент выполняет свою функцию, способствуя созданию многомерного и выразительного сообщения.

Мемы: интерактивность и креативность в выражении эмоций. Мемы, являясь неотъемлемой частью современной интернет-культуры, представляют собой сложные культурные единицы, характеризующиеся широким распространением, высокой степенью репликации и изменчивостью в процессе ретрансляции. **Анализ мемов** требует учитывать их динамичный характер и способность адаптироваться к различным контекстам и аудиториям. Мемы не просто передают информацию, но и активно

вовлекают пользователей в процесс их создания и распространения, формируя своего рода коллективное творчество.

Интерактивность и креативность играют ключевую роль в формировании эмоционального значения мема. Пользователи не просто потребляют мемы, но и активно участвуют в их модификации, адаптации и распространении, добавляя свои комментарии, ремиксы и пародии. Этот интерактивный процесс приводит к появлению новых смысловых слоев и эмоциональных оттенков, делая мемы динамичными и многогранными. Креативность проявляется в использовании оригинальных образов, неожиданных сочетаний текста и изображения, а также в создании новых вариаций существующих мемов.

Функция юмора и иронии является одной из важнейших характеристик мемов, позволяющих выражать эмоции в завуалированной и зачастую комичной форме. Юмор позволяет снизить эмоциональное напряжение, создать позитивный настрой и наладить контакт с аудиторией. Ирония, в свою очередь, дает возможность выразить критическое отношение к событиям или явлениям, не прибегая к прямому осуждению. Использование юмора и иронии в мемах позволяет пользователям выразить широкий спектр эмоций, от радости и удивления до гнева и разочарования, в форме, которая является приемлемой и понятной для интернет-сообщества. Мемы, таким образом, становятся не только средством развлечения, но и важным инструментом для выражения коллективного мнения и эмоциональной реакции на происходящее в мире.

GIF-анимации: динамика и визуальная экспрессия. GIF-анимации, представляя собой короткие зацикленные видеоролики, являются динамическими визуальными знаками, эффективно передающими эмоции через движение и визуальную экспрессию. **Анализ GIF-анимаций** требует учета кинетической составляющей и ее влияния на восприятие эмоционального содержания. В отличие от статических изображений, GIF-анимации предлагают возможность передачи динамики, что позволяет более ярко и непосредственно выразить эмоции.

Роль движения и визуальных эффектов в GIF-анимациях заключается в усилении эмоционального воздействия на адресата. Движение, будь то плавное или резкое, создает иллюзию реальности и привлекает внимание пользователя. Разнообразные визуальные эффекты, такие как изменение цвета, масштаба, скорости воспроизведения и наложение изображений, могут использоваться для подчеркивания эмоционального содержания и создания определенного настроения. Например, быстрая смена кадров может передавать чувство возбуждения или гнева, а плавное замедление – чувство грусти или ностальгии.

Функции GIF-анимаций в различных типах дискурса варьируются в зависимости от контекста. В межличностном общении GIF-анимации часто используются для выражения эмоциональных реакций на сообщения, поддержания разговора и создания атмосферы легкости и непринужденности. В комментариях в социальных сетях и других онлайн-форумах GIF-анимации могут служить для выражения мнения, участия в дискуссиях, иронизирования или высмеивания. Благодаря своей динамичности и визуальной выразительности, GIF-анимации оказываются эффективным средством передачи эмоций в различных типах цифрового дискурса, добавляя им яркость, живость и эмоциональную окраску.

Функции эмоционального графокода в коммуникации.

1. **Экспрессивная функция.** В цифровой коммуникации экспрессивная функция приобретает особую значимость, поскольку ограничение невербальных средств выражения, характерных для личного общения, компенсируется активным использованием эмоционального графокода. Эмодзи, стикеры, мемы и GIF-анимации становятся важными инструментами для передачи эмоционального состояния

говорящего и выражения его отношения к содержанию сообщения. В данном контексте экспрессивная функция эмоционального графокода заключается в визуальной репрезентации эмоций, усилении эмоционального воздействия и создании определенной эмоциональной атмосферы в процессе коммуникации.

Эмоциональный графокод позволяет говорящему выражать широкий спектр эмоций, от базовых (радость, грусть, гнев, страх) до более сложных и нюансированных (сарказм, ирония, удивление, смущение). При этом, выбор конкретного типа эмоционального графокода (эмодзи, стикер, мем, GIF-анимация) зависит от коммуникативной ситуации, целей говорящего и его индивидуальных предпочтений.

Примеры реализации экспрессивной функции эмоционального графокода в коммуникации:

- в сообщении *Я получила пятерку по экзамену!* 🎉 эмодзи с конфетти (🎉) выражает чувство радости и празднования по поводу успешной сдачи экзамена;
- в сообщении *Мне так грустно сегодня...* 😞 эмодзи с грустным лицом (😞) выражает чувство печали и уныния;
- в сообщении *Ты серьезно?* 😏 эмодзи с недовольным лицом (😏) выражает чувство недоверия и скептицизма;
- в сообщении *Этот фильм просто бомба!* 🔥 эмодзи с огнем (🔥) выражает сильный восторг и положительную оценку фильма;
- в сообщении *Когда наконец закончится эта работа...* 😫 эмодзи с измученным лицом (😫) выражает чувство усталости и раздражения;
- в сообщении *Ну да, конечно...* 😏 эмодзи с закатывающимися глазами (😏) выражает сарказм и иронию;
- в ответе на грустное сообщение друга *Не унывай! Держи котика!* 🐱 отправка стикера с изображением милого котика (🐱) выражает поддержку и желание поднять настроение другу;
- в реакции на новость о повышении цен *Ну что тут скажешь...* (с прикреплением мема с плачущим человеком и надписью «Все пропало») использование мема выражает чувство разочарования и безысходности.

Анализ примеров показывает, что экспрессивная функция эмоционального графокода в цифровой коммуникации позволяет говорящему более эффективно и эмоционально выразительно передавать свое состояние, устанавливать эмоциональную связь с адресатом и создавать определенную атмосферу в процессе общения. Использование эмоционального графокода является важным фактором успешной и эффективной коммуникации в современной цифровой среде.

2. Фатическая функция. В контексте цифровой коммуникации фатическая функция эмоционального графокода приобретает особое значение, становясь одним из ключевых инструментов поддержания контакта и установления эмоциональной связи между коммуникантами [11, с. 20]. Ограниченность невербальных средств, характерных для личного общения, компенсируется активным использованием эмодзи, стикеров, мемов и GIF-анимаций, которые выполняют роль своеобразных «фатических маркеров», сигнализирующих о внимании, присутствии и эмоциональной вовлеченности в разговор.

В данном контексте эмоциональный графокод выполняет следующие функции:

- сигнал внимания: отправка простого эмодзи, такого как 👍 или 😊, может служить для подтверждения того, что сообщение прочитано и принято к сведению, не требуя при этом развернутого ответа;

- выражение эмпатии: использование стикеров с изображением милых животных или сочувствующих персонажей может служить для выражения сочувствия и поддержки в трудной ситуации;

- поддержание беседы: отправка GIF-анимации, отражающей настроение или реакцию на сообщение, может поддерживать динамику разговора и добавлять ему эмоциональную окраску;

- создание положительной атмосферы: использование мемов с юмористическим содержанием может способствовать созданию непринужденной и дружелюбной атмосферы в онлайн-общении.

Примеры реализации фатической функции эмоционального графокода:

- в ответ на сообщение друга о том, что он плохо себя чувствует, можно отправить стикер с изображением милого котика, обнимающего подушку, чтобы выразить поддержку и сочувствие;

- в групповом чате после обсуждения важного вопроса можно отправить эмодзи с аплодисментами 👏, чтобы выразить одобрение и поблагодарить участников за активное участие;

- во время онлайн-лекции можно отправлять в чат эмодзи с поднятой рукой 🙋 или кивающим человечком (nodding_face), чтобы показать, что вы внимательно слушаете и понимаете материал;

- в ответ на шутку или забавную историю можно отправить GIF-анимацию со смеющимся человеком, чтобы показать, что вы оценили юмор и разделили положительные эмоции;

- в начале дня можно отправить другу эмодзи с солнцем ☀️ и пожеланием хорошего дня, чтобы установить положительный эмоциональный настрой на предстоящий день;

- в конце разговора можно отправить эмодзи с машущей рукой 🖐️ или стикер с прощальным жестом, чтобы завершить общение на дружелюбной ноте.

Эти примеры демонстрируют, что эмоциональный графокод выполняет важную фатическую функцию в цифровой коммуникации, способствуя поддержанию контакта, установлению эмоциональной связи и созданию благоприятной атмосферы в онлайн-общении.

3. Коммуникативная функция. В рамках цифровой коммуникации эмоциональный графокод не только выполняет экспрессивную и фатическую функции, но и играет важную роль в передаче информации и уточнении смысла высказывания, реализуя тем самым коммуникативную функцию. В отличие от фатической функции, направленной на поддержание контакта, коммуникативная функция эмоционального графокода акцентирует внимание на содержательном аспекте сообщения, позволяя адресату более точно интерпретировать намерение говорящего и понять контекст высказывания.

Эмоциональный графокод может выполнять коммуникативную функцию несколькими способами:

- уточнение эмоциональной окраски – эмодзи и стикеры могут указывать на эмоциональный тон высказывания, позволяя избежать недопонимания и уточнить, как следует интерпретировать сообщение (например, серьезно, иронично, саркастично);

- дополнение вербальной информации – визуальные элементы могут дополнять вербальное сообщение, передавая информацию, которую сложно или невозможно выразить словами;

- создание контекста – мемы и GIF-анимации могут создавать контекст, отсылая к общим знаниям, культурным феноменам или событиям, что облегчает понимание сообщения.

Примеры реализации коммуникативной функции эмоционального графокода:

- в сообщении *Я сделала эту работу за тебя* 😊 эмодзи подмигивания 😊 указывает на шутливый или кокетливый тон сообщения, смягчая похвалю и показывая, что говорящий не претендует на серьезную благодарность;

- в сообщении *Пробки просто ужасные* 😞 эмодзи с измученным лицом 😞 усиливает сообщение, передавая не только факт наличия пробок, но и эмоциональную реакцию говорящего на эту ситуацию, позволяя понять степень его разочарования;

- в сообщении *Посмотрел новый фильм – ну такое* 🙄 эмодзи пожимающего плечами человека 🙄 показывает, что фильм не произвел сильного впечатления, и выражает нейтральное отношение к нему, не являясь ни хвалебным, ни критическим;

- в сообщении *Снова дедлайн горит...* (прикреплен мем «This is fine» с собакой в горящем доме) использование мема создает контекст, передавая ироничное отношение к ситуации, демонстрируя, что говорящий осознает проблему, но пытается сохранить спокойствие;

- в сообщении *Погода сегодня...* 🧊 эмодзи с замерзающим лицом 🧊 однозначно указывает на то, что погода очень холодная, уточняя информацию о погоде.

Таким образом, эмоциональный графокод выполняет важную коммуникативную функцию, позволяя не только выражать эмоции, но и передавать информацию, уточнять смысл высказывания и создавать контекст, что способствует более эффективному взаимопониманию в цифровой коммуникации. Использование эмоционального графокода помогает преодолеть ограничения текстового формата и передать больше информации, чем это возможно только с помощью слов.

4. Регулятивная функция, выступая ключевым элементом коммуникативного процесса, в рамках эмоционального графокода приобретает особую роль, так как обеспечивает не только выражение эмоций говорящего, но и активное влияние на эмоциональное состояние реципиента, а также управление динамикой коммуникативного взаимодействия. Эта функция предполагает применение эмоционального графокода для реализации конкретных коммуникативных задач, включая успокоение, мотивацию, убеждение, манипуляцию или провокацию, что подчеркивает его значимость как инструмента регуляции межличностного общения.

Регулятивная функция эмоционального графокода реализуется через следующие механизмы:

- эмоциональное заражение – использование эмоционально окрашенных эмодзи, стикеров, мемов и GIF-анимаций может вызывать соответствующие эмоции у адресата, создавая общее эмоциональное поле;

- смягчение или усиление сообщения – добавление эмоционального графокода может смягчить негативное сообщение или усилить позитивное, влияя на восприятие информации адресатом;

- манипулирование эмоциями – использование эмоционального графокода может быть направлено на манипулирование эмоциями адресата, например, для вызывания чувства вины, страха или симпатии;

- управление ходом разговора – использование определенных типов эмоционального графокода может направлять ход разговора в нужное русло, переключать темы или прерывать нежелательное общение.

Примеры реализации регулятивной функции эмоционального графокода:

- отправка стикера с изображением плачущего котика после получения сообщения о неудаче друга с целью выражения сочувствия и успокоения;
- использование эмодзи с огоньком в ответ на сообщение о достижении с целью приободрения и мотивации к дальнейшему успеху;
- вставка мема с изображением недовольного лица в ответ на просьбу о помощи, которую вы не хотите оказывать, с целью деликатного отказа и избегания прямой конфронтации;
- использование провокационного мема в политической дискуссии с целью вызвать эмоциональную реакцию и спровоцировать оппонента;
- отправка стикера с изображением спящего человека в конце разговора с целью завершить разговор под предлогом усталости;
- использование эмодзи с улыбающимся лицом после критики в адрес собеседника с целью смягчения критики и избегания обиды;
- публикация мема, высмеивающего определенную социальную группу, с целью вызвать негативное отношение к этой группе и укрепить солидарность внутри «своей» группы.

Таким образом, регулятивная функция эмоционального графокода позволяет использовать визуальные средства выражения эмоций для достижения определенных коммуникативных целей, оказывая влияние на эмоциональное состояние адресата и управляя ходом коммуникативного взаимодействия [18]. Важно отметить, что использование эмоционального графокода в регулятивных целях требует осознания возможных этических последствий и учета индивидуальных особенностей адресата.

5. Персуазивная функция, являясь одним из ключевых аспектов коммуникации, приобретает особую значимость в контексте использования эмоционального графокода, поскольку предоставляет возможность эффективно убеждать адресата и влиять на его мнение посредством визуального воздействия. Эмоциональный графокод, в силу своей способности вызывать сильные эмоциональные реакции, может служить мощным инструментом убеждения, дополняя и усиливая аргументы, представленные в вербальной форме.

Персуазивная функция эмоционального графокода реализуется через следующие механизмы:

- создание эмоционального фона – использование эмоционального графокода может создавать определенный эмоциональный фон, способствующий более благоприятному восприятию аргументов; например, использование положительных эмодзи или стикеров может создать атмосферу доверия и симпатии к говорящему;
- усиление эмоционального воздействия – визуальные элементы могут усиливать эмоциональное воздействие аргументов, делая их более запоминающимися и убедительными;
- использование эмоциональных аргументов – эмоциональный графокод может служить в качестве самостоятельного эмоционального аргумента, апеллируя к чувствам и ценностям адресата;
- упрощение и визуализация сложных концепций – мемы и GIF-анимации могут упрощать и визуализировать сложные концепции, делая их более доступными и понятными для широкой аудитории.

Примеры реализации персуазивной функции эмоционального графокода:

- в политической рекламе используются эмоциональные мемы для дискредитации оппонентов или повышения узнаваемости кандидата с целью формирования *негативного или позитивного отношения к политическому деятелю*;

- в социальной рекламе, призывающей к здоровому образу жизни, используются эмодзи и стикеры для визуализации последствий вредных привычек с целью убедить аудиторию в необходимости изменения поведения;

- маркетинговые кампании используют GIF-анимации для демонстрации преимуществ продукта и создания положительного эмоционального впечатления с целью стимулировать потребительский спрос;

- экологические акции используют изображения животных, пострадавших от загрязнения окружающей среды, для привлечения внимания к проблемам экологии и убеждения людей в необходимости защиты природы с целью сформировать экологическое сознание и побудить к действиям по охране окружающей среды;

- в сообщениях от врачей или медсестер в онлайн-консультациях используются эмодзи, чтобы создать атмосферу доверия и успокоить пациентов с целью убедить пациентов следовать рекомендациям врача и не беспокоиться;

- в аргументах в дискуссиях, подкрепленных уместными GIF-анимациями для привлечения внимания к аргументу и попытки сделать его более запоминающимся и убедительным, с целью убедить оппонента в своей правоте.

Таким образом, персуазивная функция эмоционального графокода позволяет эффективно убеждать адресата и влиять на его мнение, используя визуальные средства выражения эмоций для создания эмоционального фона, усиления эмоционального воздействия и апелляции к чувствам и ценностям адресата. Использование эмоционального графокода в персуазивных целях требует учета этических аспектов и возможного манипулятивного воздействия на аудиторию.

Заключение. В заключение проведенного исследования необходимо подчеркнуть, что анализ эмоционального графокода (эмодзи, стикеров, мемов, GIF-анимаций) позволил выявить его сложную семиотическую природу, характеризующуюся сочетанием иконичности, индексальности и символичности. Установлено, что эмоциональный графокод выполняет широкий спектр коммуникативных функций, включая экспрессивную (выражение эмоций), фатическую (поддержание контакта), коммуникативную (передача информации), регулятивную (воздействие на эмоциональное состояние адресата) и персуазивную (убеждение и влияние на мнение). Ключевым выводом является демонстрация того, что эмоциональный графокод, будучи неотъемлемой частью современной цифровой коммуникации, не просто дополняет вербальное общение, но и активно формирует его, влияя на интерпретацию смысла и эмоциональное восприятие сообщений.

Полученные результаты вносят существенный вклад в развитие лингвистики и семиотики, расширяя понимание механизмов эмоциональной коммуникации в цифровой среде. Разработанная классификация функций эмоционального графокода позволяет систематизировать и анализировать его роль в различных типах дискурса. Выявленные особенности семиотической структуры и функций эмоционального графокода могут быть использованы в дальнейшем для разработки более эффективных стратегий коммуникации в онлайн-среде, а также для анализа социокультурных тенденций и изменений в языке.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным изучением влияния эмоционального графокода на восприятие информации, формирование общественного мнения и межличностные отношения. Представляется перспективным

исследование культурно-специфических особенностей интерпретации эмоционального графокода в различных языковых и культурных сообществах. Необходимым является дальнейшее изучение персуазивного потенциала эмоционального графокода и его этических аспектов. Кроме того, актуальным направлением является исследование влияния новых форм визуальной коммуникации, таких как дипфейки и метавселенные, на эмоциональное восприятие и формирование общественного мнения.

Настоящее исследование имеет ряд ограничений, которые следует учитывать при интерпретации полученных результатов. Во-первых, исследование фокусируется преимущественно на анализе наиболее распространенных типов эмоционального графокода, оставляя за рамками другие, менее популярные формы визуальной коммуникации. Во-вторых, анализ проводился на основе доступных онлайн-ресурсов и корпусов текстов, что может ограничивать репрезентативность полученных данных. В-третьих, интерпретация эмоционального графокода является субъективным процессом, и результаты исследования могут отражать предвзятость исследователя. Несмотря на указанные ограничения, данное исследование представляет собой важный шаг в понимании роли эмоционального графокода в современной цифровой коммуникации и открывает перспективы для дальнейшего изучения этого сложного и многогранного феномена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева И.А. Эмодзи как дополнительный семантико-семиотический компонент современного SMM-текста / И.А. Васильева, Н.В. Халина // PRРИМРА. – 2021. – № 25. – С. 105–111.
2. Воякина Е.Ю. Визуализация современной цифровой коммуникации: эмодзи вместо слов / Е.Ю. Воякина // Преподаватель XXI век. – 2023. – № 2 (ч. 2). – С. 392–404. – DOI: 10.31862/2073-9613-2023-2-392-404.
3. Ларионова М.В. Семиотика эмотиконов и эмодзи в дискурсивном пространстве испанской политической интернет-коммуникации / М.В. Ларионова, А.В. Демкина // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 1178–1200. – DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1178-1200.
4. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры [Электронный ресурс] / Ю.М. Лотман. – Таллин : Александра, 1992. – Режим доступа: <https://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm> (дата обращения: 13.01.2025).
5. Сухачев Н.Л. Об онтологии и генезисе речевого знака (семиотический и ноэлатический аспекты) / Н.Л. Сухачев // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2007. – № 1. – С. 258–284.
6. Тамерьян Т.Ю. Поликодовая репрезентация кинестетических фразем: метафорико-семиотический ракурс / Т.Ю. Тамерьян, И.А. Зюбина, Н.Н. Кислицына // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 365–382. – DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-365-382.
7. Троицкий Ю.Л. Идея опосредования Л.С. Выготского: семиотические и образовательные проекции / Ю.Л. Троицкий, Н.В. Максимова, Л.Г. Альбул // Культурно-историческая психология. – 2023. – Т. 19, № 1. – С. 18–26. – DOI: 10.17759/chp.2023190203.
8. Asghar M.Z. A deep neural network model for the detection and classification of emotions from textual content / M.Z. Asghar, A. Lajis, M.M. Alam, M.K. Rahmat, H.M. Nasir, H. Ahmad, M.S. Al-Rakhami, A. Al-Amri, F.R. Albogamy // Complexity. – 2022. – P. 1–12. – <https://doi.org/10.1155/2022/8221121>.
9. Dürscheid C. Emojis: A grapholinguistic approach / C. Dürscheid, D. Meletis. // Y. Haralambous (Ed.). Graphemics in the 21st century. – Fluxus Editions, 2019. – P. 167–183.
10. Hainic C. Empathy and semiotic narrative practices concerning art: A cognitive semiotic approach to aesthetic experience and emotion / C. Hainic // Studia Universitatis Babeş-Bolyai Philosophia. – 2024. – 69(3). – P. 73–89.
11. Hatam S. (2021). Barthes' semiotic theory and interpretation of signs / S. Hatam, I.M. Al-Ghabra, A. Ghabra // International Journal of Research in Social Sciences and Humanities. – 2021. – 11(3). – P. 470–482. <https://doi.org/10.37648/ijrssh.v11i03.027>.

12. Herring S.C. Gender and age influences on interpretation of emoji functions / S.C. Herring, A.R. Dainas // *ACM Transactions on Social Computing*. – 2020. – 3(2). – P. 1–26.
13. Hoffmeyer J. The great chain of semiosis: Investigating the steps in the evolution of semiotic competence / J. Hoffmeyer, F. Stjernfelt // *Biosemiotics*. – 2016. – 9(1). – P. 7–29.
14. Kolmogorova A. Semiotic function of empathy in text emotion assessment / A. Kolmogorova, A. Kalinin, A. Malikova // *Biosemiotics*. Advance online publication, 2025. – <https://doi.org/10.1007/s12304-021-09434-y>.
15. Logi L. A social semiotic perspective on emoji: How emoji and language interact to make meaning in digital messages / L. Logi, M. Zappavigna // *New Media & Society*. – 2021. – 25(8). – P. 3222–3246. <https://doi.org/10.1177/14614448211032965>.
16. Lutz C.A. Language and the politics of emotion / C.A. Lutz, L. Abu-Lughod. – Cambridge University Press, 1990. – 217 p.
17. Osgood C.E. The measurement of meaning / C.E. Osgood, G.J. Suci, P.H. Tannenbaum/ – University of Illinois Press, 1957. – 342 p.
18. Peirce C.S. Collected papers of Charles Sanders Peirce (Vols. 1–8) / C.S. Peirce. – Harvard University Press, 1931–1958.
19. Plantin C. (2011). *Les bonnes raisons des émotions. Éléments de rhétorique et d'argumentation*. Honoré Champion / C. Plantin. – PETER LANG, 2011. – 305 p.
20. Saussure F. de. Course of general linguistics. Logos, 1916. – 240 p.
21. Thompson D. Sarcasm in written communication: Emoticons are efficient markers of intention / D. Thompson, R. Filik // *Journal of Computer-Mediated Communication*. – 2016. – 21(2). – P. 105–120.
22. Wierzbicka A. Emotions across languages and cultures: Diversity and universals. – Cambridge University Press, 1999. – 349 p.

REFERENCES

1. Vasilieva I.A., & Khalina N.V. (2021). Emodzi kak dopolnitelnyy semantiko-semioticheskiy komponent sovremennogo SMM-teksta [Emoji as an additional semantic-semiotic component of modern SMM-text]. *PRИМПА*, 25, 392–404 (In Russian).
2. Voiakina E.Yu. (2023). Vizualizatsiia sovremennoi tsifrovoi kommunikatsii: emodzi vmesto slov [Visualization of modern digital communication: Emoji instead of words]. *Prepodavatel XXI vek*, 2(2), 392–404. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2023-2-392-404> (In Russian).
3. Larionova M.V., & Demkina A.V. (2023). Semiotika emotikonov i emodzi v diskursivnom prostranstve ispanskoi politicheskoi internet-kommunikatsii [Semiotics of emoticons and emoji in the discursive space of Spanish political internet communication]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika*, 14(4), 1178–1200. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1178-1200> (In Russian).
4. Lotman Yu.M. (1992). Stat'i po semiotike i topologii kul'tury [Articles on semiotics and topology of culture]. Aleksandra. <https://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm> (In Russian).
5. Sukhachev N.L. (2007). Ob ontologii i genezise rechevogo znaka (semioticheskii i noematicheskii aspekty) [On the ontology and genesis of the speech sign (semiotic and noematic aspects)]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 1, 258–284 (In Russian).
6. Tameryan T.Yu., Ziubina I.A., & Kislytsyna N.N. (2023). Polikodovaia reprezentatsiia kinesteticheskikh frazem: metaforiko-semioticheskii rakurs [Polycode representation of kinesthetic phraseological units: A metaphorical-semiotic perspective]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika*, 14(2), 365–382. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-365-382> (In Russian).
7. Troitskii Yu.L., Maksimova N.V., & Albul L.G. (2023). Ideia oposredovaniia L.S. Vygotskogo: semioticheskie i obrazovatel'nye proektsii [L.S. Vygotsky's idea of mediation: Semiotic and educational projections]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 19(1), 18–26. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190203> (In Russian).
8. Asghar M.Z., Lajis A., Alam M.M., Rahmat M.K., Nasir H.M., Ahmad H., Al-Rakhami M.S., Al-Amri A., Albogamy F.R. (2022). A deep neural network model for the detection and classification of emotions from textual content. *Complexity*, 1–12. <https://doi.org/10.1155/2022/8221121> (In English).
9. Dürscheid C., & Meletis D. (2019). Emojis: A grapholinguistic approach. In Y. Haralambous (Ed.), *Graphemics in the 21st century* (pp. 167–183). Fluxus Editions (In English).
10. Hainic C. (2024). Empathy and semiotic narrative practices concerning art: A cognitive semiotic approach to aesthetic experience and emotion. *Studia Universitatis Babeş-Bolyai Philosophia*, 69(3), 73–89 (In English).
11. Hatam S., Al-Ghabra I.M., & Ghabra A. (2021). Barthes' semiotic theory and interpretation of signs. *International Journal of Research in Social Sciences and Humanities*, 11(3), 470–482. <https://doi.org/10.37648/ijrssh.v11i03.027> (In English).

12. Herring S.C., & Dainas A.R. (2020). Gender and age influences on interpretation of emoji functions. *ACM Transactions on Social Computing*, 3(2), 1–26 (In English).
13. Hoffmeyer J., & Stjernfelt F. (2016). The great chain of semiosis: Investigating the steps in the evolution of semiotic competence. *Biosemiotics*, 9(1), 7–29 (In English).
14. Kolmogorova A., Kalinin A., & Malikova A. (2025). Semiotic function of empathy in text emotion assessment. *Biosemiotics*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1007/s12304-021-09434-y> (In English).
15. Logi L., & Zappavigna M. (2021). A social semiotic perspective on emoji: How emoji and language interact to make meaning in digital messages. *New Media & Society*, 25(8), 3222–3246. <https://doi.org/10.1177/14614448211032965> (In English).
16. Lutz C.A., & Abu-Lughod L. (1990). *Language and the politics of emotion*. Cambridge University Press (In English).
17. Osgood C.E., Suci G.J., & Tannenbaum P.H. (1957). *The measurement of meaning*. University of Illinois Press (In English).
18. Peirce C.S. (1931–1958). *Collected papers of Charles Sanders Peirce* (Vols. 1–8). Harvard University Press (In English).
19. Plantin C. (2011). *Les bonnes raisons des émotions. Éléments de rhétorique et d'argumentation*. Honoré Champion (In French).
20. Saussure F. de. (1916/1998). *Course of general linguistics*. Logos (In French).
21. Thompson D., & Filik R. (2016). Sarcasm in written communication: Emoticons are efficient markers of intention. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 21(2), 105–120 (In English).
22. Wierzbicka A. (1999). *Emotions across languages and cultures: Diversity and universals*. Cambridge University Press (In English).

Поступила в редакцию 12.03.2025 г.

EMOTIVE GRAPHOCODE AS A SEMIOTIC PHENOMENON: FROM EMOJI TO VISUAL SYMBOLS

O.M. Akay

The relevance of studying emotive graphocode within the fields of linguistics and semiotics stems from the profound transformation of communicative practices in the era of digitalization. This research aims to uncover the semiotic nature of emotive graphocode by analyzing its various forms – such as emojis, stickers, memes, and GIF animations – and identifying the mechanisms that underpin its functionality in digital communication. Key objectives include defining the concept of emotive graphocode, classifying its types, examining its semiotic characteristics (iconicity, indexicality, and symbolicity), investigating the role of context, and exploring the impact of cultural and social factors on its formation and evolution. The methodological framework integrates semiotic analysis, content analysis of internet communication (including social networks, forums, and blogs), and a sociolinguistic approach, enabling the consideration of cultural and social specificities within the Russian-speaking segment of the internet. The scientific novelty of this research lies in the development of a comprehensive semiotic approach to emotive graphocode, encompassing its varied forms and functions. Practically, the findings can be applied to enhance text sentiment analysis systems, improve automatic emotion recognition tools, develop more effective digital communication strategies, and facilitate the interpretation of visual signs in educational contexts. This study contributes to a deeper understanding of emotive graphocode as a dynamic and multifaceted phenomenon in contemporary digital communication.

Key words: emotive graphocode, emoji, stickers, memes, GIF animations, digital communication, semiotics, Internet language.

Акай Оксана Михайловна.

Доктор филологических наук, доцент.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Доцент кафедры иностранных языков в сфере экономики и права.

ORCID 0000-0003-2773-5384.

E-mail: o.akay@spbu.ru

Akay Oksana Mikhailovna.

Doctor of Philology, Associate Professor.

Saint Petersburg University, Russian Federation, Saint Petersburg.

Associate Professor of Department of Foreign Languages in Economics and Law.

ORCID 0000-0003-2773-5384.

E-mail: o.akay@spbu.ru

Научная статья
УДК 811.113
DOI: zenodo.15300618

ЛАТИНСКИЕ *HELVVS*, *FVLVVS*, *FLAVVS* И ИХ (ВЕРОЯТНЫЕ) СОРОДИЧИ

© 2025 А.М. Белов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
ORCID: 0000-0003-2525-7083.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена этимологическим проблемам индоевропейских паронимических цветообозначений семантики ‘желтый, зеленый, оранжевый’, хорошо представленных в латинском, балто-славянских и германских языках. Предлагается новое разбиение когнатов между двумя индоевропейскими корнями **gheł-* и **bhel-*. Высказывается гипотеза о подвижности лабиального признака в этих корнях, способного давать факультативные лабиовелярные рефлексy. Помимо этого, подчеркивается системность противопоставления в латинском языке цветообозначений, указывающих на «матовый» и «глянцевый» оттенки цветов; это также служит аргументом для отделения трёх изучаемых слов от традиционного корня **bhel(H)-* представленного в лат. *fulgor*, *fulmen*, рус. *белый*, *блеск*, общегерм. **blēwaz* и др. Предполагается, что подобного рода случаи представлены и в других этимологических гнездах, что, возможно, позволит в дальнейшем уточнить глубинные этимологические связи других индоевропейских лексических единиц.

Ключевые слова: индоевропейская этимология, цветообозначения, паронимия, сатемизация, палатализация, лабиовелярные.

Для цитирования: Белов А. М. Латинские *heluus*, *fuluus*, *flauus* и их (вероятные) сородичи / А. М. Белов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 3. – С. 20–27. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15300618>.

Введение. Исследование праязыкового наследия в лексическом фонде латинского и других индоевропейских языков связано со множеством проблем как фонологического, так и семантического характера. В особенности остро эти проблемы стоят для лексики древних цветообозначений, имеющей множество неясностей на пути от индоевропейского праязыка к латинскому, германским и славянским.

Помимо этого, очень существенную трудность, равно как и теоретическую проблему, представляют собой случаи паронимии, особенно тогда, когда речь идет о паронимических отношениях доисторических эпох.

В традиции отечественного языкознания термин **паронимия** может пониматься двояко. Более «школьная» трактовка говорит о частичном пересечении значений и звучаний слов, преимущественно являющимися иностранными заимствованиями (*адресат* и *адресант*, *абонент* и *абонемент* и т.п.). Нас, однако, здесь интересует сравнительно-историческое понимание паронимии, считающее паронимами результаты различных путей исторического изменения **одного и того же слова**, обязанное преимущественно различным обстоятельствам междиалектального варьирования¹. Так, например, паронимами в этом, более строгом понимании, окажутся такие пары слов в русском языке, как *страна* и *сторона*, *брег* и *берег*, *юродивый* и *урод*, *агнец* и *ягненок* –

¹ Теоретическое обсуждение этой проблемы см. в классической работе акад. Ю.С. Степанова [5, с. 261–264].

т.е. представляющие собой соответствия исконно русского (восточнославянского) слова и церковнославянского (т.е. южнославянского) заимствования². Эвристической ценностью такого понимания оказывается то, что одно и то же слово в одном и том же языке или диалекте реализуется в соответствии с различными фонетическими законами и неодинаковыми семантическими переходами, но происходит это не потому, что фонетические законы работают неоднозначно, а вследствие «горизонтальных связей» между языками и диалектами, накладывающихся (через заимствования) поверх этих законов.

Однако если в славистике или германистике подобные явления известны уже давно, то в рамках традиционной индоевропеистики этим сюжетам уделяется гораздо меньше внимания. Причины этому очевидны: междиалектальные взаимодействия в древние эпохи известны нам гораздо хуже, чем в позднейшие. Поэтому традиционная индоевропеистика (в отличие от диалектологических исследований отдельных языковых групп) предпочитает видеть в индоевропейском наследии «вертикальные» отношения предок > потомок, рассматриваемые в терминах фонетических законов и родословных деревьев, весьма болезненно воспринимая любые их нарушения. Однако наше незнание нисколько не отменяет самой проблемы: «горизонтальные» междиалектальные взаимодействия (заимствования, кальки и т.п.), несомненно, имели место и в глубокой древности, а потому отдельные нерегулярности в фонетических и семантических рефlekсах лексики древних индоевропейских языков могут иметь и паронимическое объяснение.

Один из таких, как кажется, весьма наглядных случаев, будет представлен ниже.

Рассмотрим несколько весьма значимых латинских цветообозначений, традиционно возводимых как к и.-е. корню **ghel* (в ларингальной реконструкции **ghelH₃*) ‘зеленый, желтый’, так и к некоторым другим, возможно паронимическим образованиям, в частности, **bhel(H)-*, значение которого реконструируется менее ясно – от идеи ‘блеска’ до семантики голубизны. Рассматриваемые ниже примеры, как внутри латинского языка, так и особенно за его пределами (в дальней индоевропейской перспективе) позволяют сделать некоторые выводы не только практического, но и общетеоретического характера.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось традиционным сравнительно-историческим методом с той, однако, поправкой, что несводимые традиционными сравнительно-историческими операциями корни рассматривались как (потенциально) возможные паронимы. Это давало возможность разделить ближайшую реконструкцию, традиционную для этимологических исследований в этом направлении, и более глубинную, допускающую более дальнее родство (например, через древнее заимствование).

Лексический материал.

Из слов, традиционно возводимых к корню **ghel*, в латинском языке представлены в первую очередь следующие важные слова.

1. Существительное *holus* ‘овощ, зелень’. Соответствует раннелат. *helos*, возводится к и.-е. **ǵʰélh₃-s* или **ǵʰélH₃-os* в реконструкции де Фана [15, s.v.].

2. Сюда же может быть отнесено существительное *fel* ‘желчь’, однако с такой этимологией уже возникает ряд сложностей. Так, неясно начальное *f-* в анлауте (нормальное развитие **gh-* в латинском – *h-*); тут можно подозревать диалектное

² Этой проблеме в русистике и славистике специально посвящен известный словарь О.А. Седаковой [3].

влияние. Если же этот корень возводить к **bhel(H)-*, как предлагает де Фан [15, с. 209], то непонятно, отчего здесь не сработало правило Коугилла, которое должно было бы дать **fell* [8, с. 38; цит. по 15, с. 209].

3. Еще больше неясностей с другим словом, также обозначающем желчь: *bīlis, is f.* С одной стороны, оно выглядит как паронимическое образование к *fel*. С другой стороны, его фонетика плохо сводима с корнем **gheĭ*, т.к. начальное *b-* указывает в латинском на **bh-* или (в редких случаях) на **g^w-* (как в диалектизме *bōs* ‘бык’, ср. скр. *gau-*, англ. *cow*). Однако свести это слово со вторым корнем **bhel(H)-* тоже проблематично из-за вокализма и рефлекса плавного. В новейших этимологических словарях происхождение этого слова указывается как неясное. Словарь де Фана [15, s.v.] предлагает сближение с и.-е. **bheyd-* ‘кусать’ с реконструкцией денотативного переноса на основании горечи желчи (ср. англ. *bite* > *bitter*); предполагается итал. форма **bistli?* или **bidli?*. Если все это верно, то это слово вообще не относится к рассматриваемому гнезду, что тоже не совсем хорошо.

4. Наконец, проблема имеет место и с главным словом семейства *heluus* ‘желтый, светло-зеленый’, которое, хотя и относится к этому же корню **gheĭ*, тоже не лишено вопросов: наличие долгого плавного (или ларингала) должно давать в латинском какой-то рефлекс долготы гласного (например, так, как в лат. *flāuus*, проблемы которого см. ниже), что не наблюдается. Предлагают объяснение этому слову как диалектному заимствованию не только на основании фонетики, но и из общих соображений: в латинском широко представлены и другие диалектные цветообозначения, например, *rūfus* ‘рыжий’.

Не менее сложна ситуация с когнатами этих слов в других языках.

В древнегреческом значение ‘fel’ (‘желчь’) соответствует слову *χολή*, которое, без сомнения, отражается именно корень **gheĭ* (**ghelH₃*), но представленный в тембровой ступени (**ghoĭ* / **gholH₃*). Поскольку с этим словом все как будто довольно ясно, то желание сблизить его с *fel* выглядит совершенное естественным. Но этому препятствуют всем известные законы сравнительно-исторической фонетики. Точно так же и значение лат. *heluus* хорошо соответствует греч. *χλωρός*, также выводимого из этого корня, но уже теперь в нулевой ступени **ghĭ* (**ghĭH₃*). И опять: при совершенно правильных (вплоть до лабиального рефлекса «ларингального» *H₃*) греческая форма совершенно прозрачна, тогда как латинская имеет вышеописанные сложности.

Рассматриваемый корень широко представлен и в других индоевропейских ареалах, в частности, в балто-славянском и в германском. Тут необходимо в первую очередь отметить такие когнаты, как общегерм. **gulaz/gelwaz* ‘heluus’, дающий всем известные англ. *yellow, gold* и т.п.; примечателен семантический сдвиг скорее к желтому, чем зеленому. В балто-славянских это: лит. *žėlti* ‘зеленеть (покрываться травой)’, *žālias* ‘зеленый’; также *gėltas* ‘желтый’ [6, s.v. *зелёный, жёлтый*]; праслав. **žьltь* → рус. *жёлтый* и ст.-слав. *зелень, зеліе, злато*; последнее слово сближается с скр. *hīraṇyam* ‘золото’. Важно обратить внимание на двойную рефлексацию в слав. *з-* и *ж-* и в лит. *z-* и *ž-*³.

³ Это объясняется Р. Дерксоном [9, с. 169] таким образом, что признак и.-е. палатального (**ǵ*, если придерживаться теории трех рядов гуттуральных) в балто-славянских когнатах терялся в нулевой ступени, где гуттуральный оказывался перед рефлексом плавного, дающего *-il-* (**žьltь* < **gilH-t* < **ǵlH-t*). Такое объяснение, хотя и возможно, не кажется, однако, совсем хорошим: если именно в балто-славянских языках рефлекс плавного в таких позициях могут давать паразитические гласные как переднего, так и заднего ряда (ср. известную проблему славянских *ь* и *ѣ* при плавных в таких позициях), то такая позиция для гуттурального по признаку палатальности видится скорее сильной, чем слабой. Некоторые другие соображения см. ниже.

Основная часть. Описанная выше и без того непростая ситуация очень существенно осложняется еще и тем обстоятельством, что существуют и другие латинские слова, в первую очередь – *flāuius* ‘желтый, алый, рыжий’ et *fuluus* ‘желто-оранжевый, рыжий’, которые, с одной стороны, явно демонстрируют паронимические сходства со словами корня **ghel̄* (**ghelH₃*) как по значению, так и по звучанию, но с другой стороны – не могут быть прямо отнесены к нему вследствие законов исторической фонетики и традиционно рассматриваются как относящиеся к другим корням. Чаще всего эти два слова относят к и.-е. корню **bhel(H₁)/*bhleH₁*, значение которого обыкновенно восстанавливается как ‘блистать, быть ярким, светлым’. Из хороших примеров этого и.-е. корня сюда можно отнести рус. *блѣлый* или лат. *fulgeō* ‘сиять, блистать’.

Лат. *flāuius* в современных источниках реконструируется как **bh_{l̄}H₁wós*, что представляет собой нулевую ступень **b^hleH₁-* (‘yellow, blonde’ согласно [15, s.v.]); при этом, что интересно [15, s.v.] принимает как возможную и реконструкцию Схрийфера [14, с. 300] **bhleH₃-*, т.к. *-H₃-* оказывается желательным для объяснения в рамках этого же гнезда лат. *flōs* ‘цветок’ и лат. *flōrus* ‘shining, bright’. Сюда же относят и галл. **blāwos* (предполагается значение ‘yellow’) и герм. **blēwaz* (‘blue’)⁴; иными словами, предполагается, что начальный *b-* всех этих форм указывает на **b^h*.

Лат. *fuluus* также предлагают рассматривать как **bh_{l̄}wós*, т.е. как нулевую ступень того же самого корня вместе и с уже упомянутым лат. *fulgeō* < **folgēyō* из и.-е. **bh_{l̄}gēyeti* (**bh_{l̄}-g-eH₁-ye-ti*); для последнего восстанавливают корень **bhel* (без «ларингального»); восстановление последнего вызывает вопросы потому, что с «ларингальным» корень должен был бы давать в качестве рефлекса долгий слоговой плавный, который отразился бы в латинском как **flāgeō*, но не *fulgeō*. Соответственно, возникает вопрос о том, считать ли корни **bhel* и **bhleH₁* родственными между собой и пытаться ли их вообще как-то сводить вместе. При отрицательном ответе у нас получается уже три разных, похожих, но не сводимых между собой корня, которые причудливым образом делят похожие, но опять не сводимые индоевропейские когнаты.

Конечно, тут допустимы разные решения. Однако автор этих строк, помнящий известный завет У. Оккама о сущностях без необходимости, полагает, что постулирование трех (или даже четырех) разных корней для набора похожих слов со сводимыми значениями будет несколько избыточен; соответственно, было бы хорошо найти какое-то разумное объяснение возможности вариации **bhel-* ~ **ghel̄-* в позднеиндоевропейском языковом состоянии. Аналогичным образом и триединство возможных паронимов для слова ‘желчь’ в латинском и греческом (*fel*, *bilis*, *χολή*), возводимых к трем несводимым корням, не кажется сильно удачным решением. Для того чтобы понять предлагаемую мысль, рассмотрим в начале двоякую рефлексацию гуттуральных корня **ghel̄-* в балто-славянском.

Общеизвестно, что балто-славянские языки, относясь к сатемическим, имеют стандартной рефлексацией палатальных гуттуральных их спирализацию. Так, и.-е. **gentis* ‘родственник’ дает слав. *зѣть*, и.-е. **krd-* ‘сердце’ дает слав. *сръдьце*. Очевидно, что сатемизированные и ставшие спирантами еще в дославянские времена и.-е. гуттуральные уже не подпадали ни под какие позднейшие палатализации. Соответственно, если мы обнаруживаем на месте слав. *з-* (из **g/g̃*) слав. *ж-*, являющий собой закономерный результат первой палатализации, это означает, что и.-е.

⁴ Разумеется, нельзя не указать на странность семантического сближения, предполагающего значения ‘желтый’ и ‘голубой’ развитием одного цветообозначения.

гуттуральный каким-то образом пережил эпоху сатемизации и дожил в качестве гуттурального смычного уже до следующей славянской палатализации, подчинившись которой, он дал иной фонетический рефлекс. Стандартной ситуацией для такого развития событий будет тот случай, когда и.-е. гуттуральный имел лабиальный признак, т.е. оказывался и.-е. лабиовелярным. В этом случае лабиовелярные не подчинялись сатемизации и спокойно доживали до эпохи палатализации, где они, уже утратив к этому времени лабиальность, но сохранив гуттуральность, превращаются в слав. *ж-* и *ч-*. Так, и.-е. **bheg^w-* ‘бежать (в т.ч. от страха)’ (ср. греч. *φέβομαι, φόβος*) дает слав. *бѣгу/бѣжишь*⁵, и.-е. **g^wen-*, засвидетельствованный греч. диал. *βανά* и греч. атт. *γυνή*, дает слав. *жена*. Др.-прусс. *genno* ‘женщина’ сохраняет гуттуральный без лабиального или палатального признака.

При этом важно указать, что очень многие и.-е. диалекты свидетельствуют о закономерности отражения и.-е. лабиовелярного **g^w* именно в *b-*: это имеет место не только в греческих диалектах, но также и в кельтских языках (галл. **benā* ‘mulier’), и, что интересно, в италийских: так, и.-е. **g^wem-* дает не только лат. *ueniō* ‘прихожу’, но также оск. *benust* ‘uenerit’ и умбр. *benus* ‘ueneris’; и.-е. **nég^wro-* ‘почка’ превращается в латин. *nebrundinēs*, и в пренест. *nefrōnēs*. Как бы то ни было, значимой особенностью латинского языка оказывается хорошая сохранность и.-е. лабиовелярных, которая отличается от их рефлексации в языках Балкан и кельтского ареала, где она при этом имеет много сходства.

Применение этих вполне известных истин к нашим проблемным цветообозначениям, как кажется, способно несколько прояснить проблему. Решением могло бы послужить признание той возможности, что рассматриваемые нами слова, точнее их корни, могли иметь факультативный лабиальный признак, в ряде случаев дававший регулярные рефлексии элиминации лабиовелярных, а в ряде случаев – пропадавший и превращавший гуттуральный в обычный палатальный.

Вообще, проблема факультативных фонологических признаков в индоевропеистике известна уже давно. Возможность такого положения вещей обсуждается во многих уже ставших классическими работах. Так, академики В.В. Иванов и Т.В. Гамкрелидзе [1] предлагали в своей системе говорить о факультативном признаке придыхательности; О. Семереньи [4] говорит об известном чередовании индоевропейских согласных, по которому **t^w-* чередовалось с **t-*, **s^w-* с **s-* (ср. скр. *tvam* и лат. *te*, греч. *σε*; лат. *tuus*, слав. *твой* и греч. *σός*) и т.п. Существуют и другие известные примеры, когда лабиальный признак согласного терялся в позиции перед лабиальным гласным, как это, например, было в лат. *quoius*, давшем *cuius*, в лат. *equos*, давшем *ecus*. См. также известную работу С.Д. Кацнельсона [2], подводящую и другие чередования согласных под теоретическую базу, основанную на гипотезе доисторического индоевропейского силлабоморфизма.

В нашем случае мы тоже могли бы подозревать подобное чередование согласных. Так, мы могли бы реконструировать проблемный корень как **g^(w)hel̥* / **g^(w)hol̥*, допустив такую возможность, что в нем, особенно в случае его тембровой ступени, лабиальный признак имел свойство теряться, давая греч. *χολή*, слав. *злато* < **zolt-* < **g^(w)olt-* / **g^welt* > Lit. *geltas* ‘желтый’); однако в других формах, там, где он сохранялся, получался лабиовелярный придыхательный, который в италийских языках в зависимости от позиции давал *-f/-b-* (*fel* и, что также возможно, *flāuus* / *fuluus*); по этой же причине корень **g^(w)hel̥* в некоторых и.-е. диалектах стал смешиваться с корнем **bhel-* или **bhlē-*

⁵ Долгий [ē] (ѣ) возникает вследствие закона Винтера.

(**bhleH₁*-), который изначально обозначала ‘яркий, сияющий белый’ или ‘голубой’ цвет (лат. *fulgeō*; общегерм. **blēwaz* ‘blue’). В последних случаях отождествление сопровождалось народной этимологией. Результат элиминации лабиовелярного оказался настолько разительным, что вариант **g^whel̥*, оказавшись утраченным, привел к смешению части корней с **bhel* / **bhlē* (**bhleH₁*) и противопоставлению со старыми когнатами, восходящими к **ghe̥l̥*.

Теоретически в записи вида **ghe̥l̥H₃* ~ **g^whel-* это можно было бы представить в виде подвижного фонологического признака лабиальности: для этого надо захотеть увидеть в (*H₃*) не отдельную фонему, а лишь два реконструируемых фонологических признака: 1) закрытость слога (т.е. мору) и 2) лабиальность; при этом носитель этих признаков способен как бы передвигаться по корню, реализуясь то на правом, то на левом согласном – примерно так, как в рамках «закона Грассманна» придыхательным может оказаться то левый, то правый элемент (лат. *fidus* ~ греч. *πίθω* при **b^(h)eid^(h)*). Соответственно, перенос лабиальности на первый согласный создает лабиовелярный при кратком слоговом плавном (*fuluus*), сохранение на плавном дает *χλωρός*, а одновременная реализация при нулевой ступени – *flāuus*. *Heluus* дает нам тот же корень, как можно думать, при отсутствии лабиального признака и на левой, и на правой частях. Это не совсем понятно в деталях, но можно согласиться с де Фаном, что диалектная история этого слова известна недостаточно.

Тут же следует указать на существенную семантическую разницу, наблюдаемую между корнями **g^(w)he̥l̥-* и **bhleH₁*-. Широко известно, что латинский язык вполне последовательно противопоставлял «матовые» цвета, цветам «глянцевым» (*āter* ~ *niger*; *albus* ~ *candidus*). Можно вполне хорошо увидеть, что подобная разница наблюдается и в значении этих двух корней, что делает их семантически несводимыми друг с другом. Так, если **g^(w)he̥l̥-* передает чаще всего **природные** цвета, причем цвета **неяркие** (так, словарь OLD [12, s.vv.] приводит примеры: *bōs heliō colōre* ‘бык песчаного (светло-коричневого) цвета’, *fuluus leō* ‘рыжий лев’, *flāua cēra* ‘оранжевый воск’ или *fuluua harēna* ‘желтый песок’), то **bhel-* напротив указывает на **блестящие** и **яркие** цвета: очень наглядным примером будет знаменитая строчка Катутла (8): *fulsēre quondam candidi tibi sōlēs* ‘**сияли** для тебя некогда **яркие солнца**’, которую очень удачно можно сравнить с семантикой общегерм. **blēwaz*, рус. *блеск*. Поэтому, вопреки решению де Фана, кажется разумным объединить лат. *heluū*, *fuluū* и *flāuū* в одну группу и отделить их от *fulgeō*, *fulgor* и *fulmine*.

Таким образом, у нас получается следующая картина. Имеется корень **ghe̥l̥-*, обозначающий природные цвета желто-зелено-рыжей гаммы, и, по-видимому, два омонимичных корня **bhel-*, из которых один семантически соответствует **ghe̥l̥-* и может быть рассмотрен как его паронимический вариант (он дает лат. *fuluus*), а другой обозначает яркие блестящие цвета преимущественно бело-голубой гаммы (лат. *fulgor*, рус. *блеск*, общегерм. **blēwaz* > англ. *blue* ‘голубой, синий’), и его разумнее считать исконно отдельным образованием. В дальнейшем два последних корня совпали. Паронимическая вариация между **ghe̥l̥-* и **bhel-* может быть объяснена наличием (факультативного) признака лабиальности в древнюю эпоху. Вопрос о том, что явилось фактором этой факультативности – исключительно труден. Он может быть обязан как вполне понятными, но недостаточно изученными причинами междиалектального варьирования, так и новыми не вполне известными нам возможностями индоевропейского корня (сдвиг лабиального признака с ауслаута в анлаут в духе [2]). Последняя гипотеза нуждается в отдельном серьезном исследовании.

Заключение. Высказанная выше гипотеза может иметь приложение и для других известных случаев в славистике и индоевропеистике, в частности для известных сюжетов с несводимыми друг к другу в рамках традиционной фонетики корнями – такими, как слав. *гор-/жар-* и *зор-/зар-* или и.-е. **g^wen* ‘жена’ и **gen̥-* (**genH₁-*) ‘рождать’; в последнем случае лабиальный одного корня опять-таки соответствует «ларингалу» другого (правда в данном случае *H₁*, а не *H₃*). И хотя в этом вопросе и без того много неясного, кажется уместным упомянуть высказанное совсем недавно мнение Г. Дзибеля [11], поддержавшего (правда на несколько иных теоретических основаниях) возможность такого сближения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гамкрелидзе Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т.В. Гамкрелидзе, В.В.Иванов. – Тбилиси : Издательство Тбилисского университета, 1984. – 2 тт. – 1330 с.
2. Кацнельсон С.Д. К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы // С.Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. – 1958. – №3. – С. 46–59.
3. Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения. Церковнославяно-русские паронимы / О.А. Седакова. – М. : Практика, 2024. – 424 с.
4. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание / И. Семереньи. – М. : Прогресс, 1980. – 406 с.
5. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания / Ю.С. Степанов. – М. : Просвещение, 1975. – 271 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка = Russisches etymologisches Wörterbuch / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 2. – 671 с.
7. Beekes R.S. Etymological Dictionary of Greek / R.S. Beekes. – Leiden; Boston: Brill, 2010. – 1810 p.
8. Cowgill W. The source of Latin vis ‘thou wilt’ / W. Cowgill // Die Sprache. – 1978. – №24. – P. 25–44.
9. Derksen R. *Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon* (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; 13) / R. Derksen. – Leiden; Boston: Brill, 2015. – 684 p.
10. Dziel, German. PIE **g^wenH₁* and **g^wenH₂* as cognates ("king" and "queen") [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://languagelog.ldc.upenn.edu/nll/?p=66395&utm_source=rss&utm_medium=rss&utm_campaign=pie-genh1-and-g%25ca%25b7enh2-as-cognates-king-and-queen (дата обращения: 08.10.24).
11. Kroonen Guus. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic* (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; 11). – Leiden; Boston: Brill, 2013. – 794 p.
12. Oxford Latin Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1968. – 2126 p.
13. Ringe Donald. *From Proto-Indo-European to Proto-Germanic* (A Linguistic History of English; 1). – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 355 p.
14. Schrijver Peter C.H. *The reflexes of the Proto-Indo-European laryngeals in Latin* (Leiden studies in Indo-European; 2), Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 1991. – 617 p.
15. De Vaan M. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages* (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; 7) / M. De Vaan. – Leiden; Boston: Brill, 2008. – 825 p.

REFERENCES

1. Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V.(1984) Indoeuropeyskiy yazyk i indoeuropeytsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskii analiz prayazyka i protokultury [Indoeuropean language and the Indoeuropeans.]. Tbilisi: Tbilisi university publ. (In Russian).
2. Katznelson S.D (1958). K fonologicheskoy interpretatsii protoindoeuropeyskoy yazykovoy sistemy [Towards the phonological interpretation of the Proto-Indo-European language system]. Voprosy yazykoznaniiya, 3, 46–59 (In Russian).
3. Sedakova O.A. (2024). Slovar' trudnykh slov iz bogoslužheniya. Tserkovnoslav'ano-russkie paronimy. [Dictionary of difficult liturgical words. Old Church Slavonic – Russian paronyms]. Moscow: Praktika (In Russian).
4. Szemerényi O. (1980). Vvedenie v sravnitel'noe yazykoznanie [An introduction into the comparative linguistics]. Moscow: Progress publ. (In Russian).
5. Stepanov Y.S (1975). Osnovy obshchego yazykoznaniiya [An introduction to general linguistics]. M.: Prosveschenie. (In Russian).
6. Fasmer M. (1986). Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Russisches etymologisches Wörterbuch]. Vol. 2. Moscow: Progress Publ., 1986–1987 (In Russian).
7. Beekes R.S. (2010). Etymological Dictionary of Greek. Leiden; Boston: Brill, 2010 (In English).

8. Cowgill, Warren (1978). The source of Latin vis 'thou wilt'. *Die Sprache*, 24, 25-44 (In English).
9. Derksen Rick (2015). *Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon* (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; 13). Leiden; Boston: Brill (In English).
10. Dziel, German. PIE *g'enH1 and *g'wenH2 as cognates ("king" and "queen"). (In English).
11. Kroonen Guus (2013). In Alexander Lubotsky (ed.) *Etymological Dictionary of Proto-Germanic* (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; 11). Leiden; Boston: Brill (In English).
12. Oxford Latin Dictionary (1968). Oxford: Clarendon Press (In English).
13. Ringe, Donald (2006). *From Proto-Indo-European to Proto-Germanic* (A Linguistic History of English; 1), Oxford: Oxford University Press (In English).
14. Schrijver Peter C.H. (1991). *The reflexes of the Proto-Indo-European laryngeals in Latin* (Leiden studies in Indo-European; 2), Amsterdam, Atlanta: Rodopi (In English).
15. De Vaan Michiel (2008). *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages* (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; 7). Leiden; Boston: Brill (In English).

Поступила в редакцию 01.04.2025 г.

LATIN *HELVVS*, *FLAVVS*, *FVLVVS* AND THEIR (PROBABLE) RELATIVES

A.M. Belov

The paper discusses several etymological problems concerning Indo-European paronymic colour-words with semantic feature 'yellow, green, orange', preserved in Latin, Balto-Slavic and Germanic languages. The author proposes a new distribution of the words into cognates of **gheł-* and **bhel-* roots and a hypothesis of a possible labial shift in these roots. Also it is noted that Latin had a strong semantic difference between words of matte (bright) and glossy colours. So, all of these three words in question should be separated from that of **bhel(H)-* like *fulgor*, *fulmen*, russ. *белый*, *блеск*, germ. **blēwaz* and so on. It is supposed that this approach might be used in other difficult cases of Indo-European lexical nests.

Keywords: Indo-European etymology, colour-words, paronymy, satemization, palatalization, labiovelars.

Белов Алексей Михайлович.

Доктор филологических наук.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва,

Российская Федерация.

Доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания.

ORCID: 0000-0003-2525-7083.

E-mail: indogermanica@yandex.ru.

Belov Alexius Mikhailovich.

Doctor of Philology.

Lomonosov Moscow State University, Moscow,

Russian Federation.

Associate professor of Chair for General and Comparative Linguistics

ORCID: 0000-0003-2525-7083.

E-mail: indogermanica@yandex.ru.

Научная статья

УДК 82.09

DOI: 10.5281/zenodo.15300786

ПОЭТИЧЕСКОЕ СКИТАЛЬЧЕСТВО АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

© 2025 О.Р. Миннуллин

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкая государственная музыкальная академия имени С.С. Прокофьева»

ORCID: 0000-0002-5805-3821

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Работа посвящена углубленному анализу творчества А. Григорьева. Особо акцентируется внимание на мотиве скитальчества, который пронизывает все его произведения. Основная мысль статьи заключается в том, что А. Григорьев, как представитель «болезненной поэзии», отражает в своих стихах экзистенциальное одиночество человека, его внутренний разлад и в социально-бытовом и в бытийном отношении, вырастающие до идеи неустроенности человека в мироздании в целом, которая переживается поэтом как личная судьба. Статья исследует личность поэта, его злободневные переживания и любовные коллизии, нашедшие отражение в творчестве, а также его уникальный поэтический стиль и место в контексте русской поэзии. В статье также анализируются ключевые произведения, манифестирующие его творческое мировоззрение, такие как сонет «Комета», стихотворения «Город», «Над тобою мне тайная сила дана», «Цыганская венгерка» и др. Мотив скитальчества в поэзии А. Григорьева становится отражением экзистенциального поиска, что делает его произведения актуальными и значимыми для дальнейших исследовательских изысканий в русской литературе.

Ключевые слова: Аполлон Григорьев, «Борьба», лирика, интерпретация, скитальчество, поэтический мир.

Для цитирования: Миннуллин О.Р. Поэтическое скитальчество Аполлона Григорьева / О.Р. Миннуллин // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 3. – С. 28–37. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15300786>.

Введение. В современной науке о литературе жизнь поэта и литературного критика Аполлона Григорьева неизменно становится предметом пристального внимания исследователей (например, статьи В.А. Воропаева [2], Л.Ф. Луцевич [6], Д.М. Магомедова [7], Н.Н. Подосокорского [10]). Интерес к личности автора, пожалуй, превосходит интерес к его творчеству как таковому: в материалах, посвященных исследованию поэтики его лирики, фигура самого А. Григорьева неизменно выдвигается на первый план (статьи Е.В. Кузьмицкой [5], Е.А. Песелис [9]). И это не удивительно, ведь личность Аполлона Григорьева глубоко противоречива, судьба драматична, а местами исполнена подлинного трагизма. Чувственная искренность и широкий размах русской души, доходящий порой до запойного пьянства, уживается в нем с аналитическим складом ума, филологической проницательностью (отсюда ипостась критика), неподдельной увлеченностью философией Шеллинга, которую литератор пронес через всю жизнь...

Антиномичность натуры и присутствие неутихающего внутреннего бунтарства А. Григорьева, наложившее отпечаток на всю его судьбу и творческий путь, были отмечены уже современниками поэта. Так, Яков Полонский писал о своем приятеле: «Я знал Григорьева как идеального благонравного и послушного мальчика, в студенческой

форме, боящегося вернуться домой позднее 9 часов, и знал его как забулдыгу. Помню Григорьева, проповедующего поклонение русскому кнуту – и поющего песню, им положенную на музыку "Долго нас помещики душили, становые били!" Помню его не верующим ни в бога, ни в черта – и в церкви на коленях молящегося до кровавого пота. Помню его как скептика, и как мистика... Правдивейшим из людей – и льстящим графу Кулешову и его ребяческим произведениям!» [3, с. 6].

Периоды отчаяния и мрачной подавленности чередуются в жизни поэта со вспышками деятельной энергии (например, он активно ведет журнальную работу, даже оказавшись в долговой тюрьме). На протяжении своей литературной деятельности А. Григорьев сотрудничал со многими периодическими изданиями своего времени: «Москвитянин», «Русская беседа», «Время», «Эпоха», «Библиотека для чтения», «Сын отечества», «Русский вестник», «Якорь» и др., но из-за нежелания и неумения по-настоящему примкнуть к какой-либо литературно-общественной «партии» нигде он не становился «своим». Поэт вступил в ряды масонов, что отражено в его поэтическом цикле «Гимны» (1845), но и здесь стоял особняком. А. Григорьев считал себя представителем «болезненной поэзии», принадлежим к числу «русских скитальцев», вечно ищущих, неустроенных натур.

Если случалась в его жизни любовь, то чаще всего беспомощно безответная. Так было в юности поэта в отношениях с Антониной Корш и позднее, в зрелый период жизни Григорьева, – с Леонидой Визард. Результатом этих любовей явились лишь лирические циклы («Стихотворения Аполлона Григорьева» 1846 г. и «Борьба» 1857 г.) и опять же чудовищное пьянство, сгубившее здоровье поэта. В официальном браке поэт был глубоко несчастен, а поздняя взаимная любовь к Марии Дубровской, в подробностях рассказанная в поэме «Вверх по Волге», имела шлейф скандальности (эта возлюбленная Григорьева в прошлом была публичной женщиной).

Чуткий В.Г. Белинский несколько иронично и при этом точно писал о еще молодом поэте: «Григорьев – почти неизменный герой своих стихотворений. Он – певец вечно одного и того же предмета – собственного своего страдания. Какое это страдание, отчего оно – бог весть!» [13, с. 21]. Отец «натуральной школы» отмечал, что А. Григорьев лишь изредка, в счастливые минуты вдохновения, вполне является поэтом, но В.Г. Белинский не дождался выхода лучшего сборника Григорьева «Борьба», где по-настоящему проявился его неповторимый поэтический дар.

Основная часть. Целью представленной статьи является исследование поэтического воплощения личности автора в событийности своих стихотворений, истолкованное как целостный житетворческий акт. Обратимся к ряду ключевых, кульминационных произведений Аполлона Григорьева, чтобы глубже понять личность автора, раскрывающуюся в конкретности художественного стиля поэта.

«Комета»: поэтический манифест начинающего поэта. Первая публикация Аполлона Григорьева – поэта, как известно, состоялась в 1843 году в журнале «Москвитянин» под псевдонимом А. Трисмегистов. Вчерашний талантливый студент полон амбиций, философских поисков (организовал у себя дома философический кружок), пишет стихи, неплохо поет под аккомпанемент гитары, правда, он слегка заиклен на себе, что, впрочем, для начинающего поэта обыденно. Сам выбор псевдонима представляет собой игру с читателем (Гермес Трисмегист – мифический пророк и философ, приносящий людям через священную речь новости из горнего мира, оккультное божество). А. Григорьев предупреждает читателя, что в его стихах присутствуют «темные места», смысл которых покажется непосвященным герметичным, нужно вдуматься и расшифровать смысл той или иной аллегории. Литературному сообществу такая игра показалась надуманной и несвоевременной, романтический мистицизм остался в прошлом, а 1840-е годы были временем людей

практичных и деловых. Темноватость григорьевского слога показалась неприемлемой. Но поэт только ищет свой путь. Позднее произведения этих лет будут собраны в первый сборник «Стихотворения Аполлона Григорьева».

Сонет «Комета», помещенный среди первых текстов этого сборника, является поэтическим манифестом, попыткой самоопределения автора на поэтическом небосводе, а где-то и стремлением уяснить свое уникальное место в мироздании. Общей смысл аллегории в этом стихотворении достаточно прозрачен, он восходит к пушкинскому «Портрету»: «Как беззаконная комета / В кругу рассчитанных светил». «Размеренному и стройному», а потому гармоничному и законосообразному движению всех небесных тел поэт противопоставляет непредсказуемый полет кометы, движущейся «неправильной чертой», по неожиданной, своевольной траектории. Автор подчеркивает незавершенность, открытость программы ее существования в ритмически выделенном окказиональном эпитете *недосозданная*. Образ кометы, по сути, уже содержит в себе мотив скитальчества. Комете все еще предстоит. Она не в ладу не только с окружающим упорядоченным, почти механизированным космосом, но и с самой собой (*вся полная раздора*). Это неистовая Эрида, грозящая всему разрушением, и поэт, выражающий себя через этот образ, – буйный нон-конформист, пренебрегающий общественным мнением, реакцией окружающих: *что нужды ей до общего смущенья?* Комета – «апофеоз григорьевского бунтарства», «мятежная провозвестница будущих потрясений» [8, с. 38].

Поэт предлагает своеобразную поэтическую космогонию в духе философии романтиков: она явилась из «родника творенья», и в результате «борьбы» послана в мироздание с одной целью – обрести самое себя. Довершить творение кометы, закончить собственное созидание, способна лишь она сама. Это заявлено в финальном пуанте сонета. Можно расслышать здесь влияние философской лирики Ф.И. Тютчева, разглядеть следы тяжеловатого синтаксиса Е.А. Баратынского, отголоски избраннического одиночества М.Ю. Лермонтова, чрезмерную опору на идею пушкинского «Портрета» (В.Г. Белинский открыто упрекнул Григорьева во вторичности), но все же сказался в этом тексте и сам А. Григорьев, как бы запрограммировав в нем свою судьбу.

«Над тобою мне тайная сила дана...»: неудавшийся приворот. Образ кометы у раннего А. Григорьева вспыхивает и в других стихотворениях сборника 1846 года, например в романсе «Над тобою мне тайная сила дана...», посвященном первой возлюбленной Антонине Корш. Но здесь *падучая звезда* в большей мере связана с лирической темой любви и непосредственно с образом лирической героини, гордой, скрытной, сеющей искушение и страданье. Комета здесь – женщина, способная внушить роковую страсть (к слову, позднее в лирике А. Григорьева будет отыскан некий мужской вариант *кометы – метеор*).

С Антониной Корш поэт познакомился, еще будучи студентом. Эта девушка – племянница декана юридического факультета, где учился А. Григорьев. Она была красавицей из уважаемого в кругах дворянской интеллигенции Москвы дома. Поэт серьезно увлекся ею, «страстно до безумия», но не встретил ни тени взаимности. А. Григорьев грезил о том, чтобы его возлюбленная разорвала путы светских приличий и отдалась страстному порыву, стала «кометой», такой же, как он. Но Антонина не любила его. В силу этого и просто в силу своего характера она не годилась для роли эксцентричной и бесшабашной героини опозитизированного любовного сюжета. А. Григорьев, конечно, видел и понимал это, так что романс «Над тобою мне тайная сила дана...» – в психологическом отношении только утопическая фантазия или поэтическая сублимация на любовную тему, попытка выдать желаемое за действительное.

Это стихотворение включается в традицию такой любовной лирики, которая восходит к заговорам и приворотам, т.е. принадлежит к вовлекающе-воздействующим жанрам с характерной суггестивностью, fascinaцией, присутствием своеобразной любовной магии (вроде средневековых скальдических мансенгов), вербального принуждающего эротического колдовства. Поэт вплетает в лирический сюжет астральную легенду, предлагая послушать ее своей возлюбленной. Он увлекает своего адресата в круг образов безбрежной морской стихии, завлекающей судно, загадочного вихря, грозы, уносящей листья, призывает на помощь Господа и серафимов – словом, использует весь арсенал романтических образов, пришедших к месту.

*Над тобою мне тайная сила дана,
 Это – сила звезды роковой.
 Есть преданье – сама ты преданий полна –
 Так послушай: бывает порой,
 В небесах загорится, средь сонма светил,
 Небывалое вдруг иногда,
 И гореть ему ярко Господь присудил –
 Но падучая это звезда... [13, с. 56]*

Попытки «втянуть» предмет любви в свой сюжет посредством поэзии, «заразить» любовью будут звучать в таких стихотворениях этого периода как «К Лавинии» (несколько произведений с таким названием), «Женщина», «Видения» и других. В них любовь неизменно предстает как борьба, как роковой мистический поединок, что сохранится у поэта и в будущих произведениях. Впрочем, в случае с Антониной Корш эта лирическая «ворожба» оказалось неэффективной. Она так и не поддавалась настойчивости поэта и в 1845 году вышла замуж за известного московского историка и правоведа Константина Кавелина. Аполлон Григорьев же спустя два года женился на ее младшей сестре Лидии, с которой впоследствии был несчастен в браке.

«Город» («Да, я люблю его, огромный, гордый град...»): Петербург Аполлона Григорьева. Впервые это стихотворение напечатано в начале 1845 года в Санкт-Петербургском журнале «Репертуар и Пантеон», где Григорьев публиковался в основном как театральный критик. Вспоминая свой переезд из Москвы в Северную столицу, спустя годы литератор писал: «Волею судеб, или, лучше сказать, неодолимою жаждою жизни, я был перенесен в другой мир. Это мир гоголевского Петербурга, Петербурга в эпоху его миражной оригинальности, в эпоху, когда существовала даже особенная *петербургская* литература... В этом новом мире для меня промелькнула полоса жизни совершенно фантастической; над нравственной природой моей пронеслось странное, мистическое веяние – но, с другой стороны, я узнал, с его запахом довольно тусклым и цветом довольно грязным... странно-пошлый мир» («Время», 1862) [12, с. 6]. Погружение в столичную жизнь открыло для А. Григорьева и ее неприглядную изнанку.

Само начало приведенного стихотворения своей пояснительно-рассуждающей интонацией напоминают М.Ю. Лермонтова: «Люблю отчизну я, но странною любовью...». Признание в любви к Петербургу у А.А. Григорьева тоже «странное», оно требует значительных оговорок, уточняющих обмолвок, растолкований, так что невольно хочется воскликнуть: да любовь ли это? Так в любви, пусть и городу, не признаются! Последовательно отвергая утвержденные литературной традицией достоинства Петербурга, поэт выдвигает на первый план свою тему. Он любит этот город не «за пышный блеск палат» (XVIII век), не за «граниты вековые». Имеется в виду пушкинский «Медный всадник»: «Люблю тебя, Петра творенье, / Люблю твой строгий, стройный вид, / Невы державное течение, / Береговой ее гранит». Лирический

герой стихотворения любит Петербург за «страдание большое», за «тяжелый след забот». Поэт видит в городе «злой недуг», притихший на внешне спокойных ночных улицах, затаившийся и «в окне с богатою гардиной», и «в темном уголку». Повсюду ему мерещится обман, тяготы, лишения, муки. Мотив страдания, вообще, очень григорьевский. И здесь он пришелся как нельзя кстати и ко времени. Во-первых, в контексте исканий «натуральной школы» с ее вниманием к петербургским подвалам и чердакам. Расцвет «гоголевского направления» с его «альманчной» петербургской литературой приходится как раз на середину 1840-х гг. Во-вторых, А. Григорьев чутко ощутил надвигающуюся литературную «моду» на особенное русское милосердие, воспетое классической литературой середины и второй половины XIX века (особенно Ф.М. Достоевским), любить не просто так, а «за страдания».

В этом стихотворении А. Григорьев перебрасывает мост между лермонтовским «Не верь себе» и некрасовским «Еду ли ночью по улице темной...» Ритм и строфическая организация стихотворений М.Ю. Лермонтова и А.А. Григорьева совпадают – это сочетание шестистопного ямба с четырехстопным, и в финальной строфе у М.Ю. Лермонтова как раз говорится о всеобщих страданиях. Некрасовское произведение подхватывает мотив ночного Петербурга, в котором открываются трагические подробности частной жизни столичной бедноты. А.А. Григорьев еще не выписывает конкретного сюжета унижений, самопожертвований, как у Н.А. Некрасова, не выводит «какую-то трагедию с подбитым глазом» (Г.И. Успенский), но в его замечательное описание петербургской белой ночи уже вкрадывается «рой отвратительных ведений».

Правда, если быть до конца строгим к А.А. Григорьеву, то надо отметить, что и «отвращение» его несколько заимствовано – ритмическим прецедентом для его «Города» будет стихотворение Пушкина «Воспоминание», где как раз речь идет о том же ночном городе с «полупрозрачной тенью». Финальные его строки такие: «И с отвращением читая жизнь мою, / Я трепещу и проклиная, / И горько жалуюсь, и горько слезы лью, / Но строк печальных не смываю».

Примечательно, что был еще одно «нелегальное» стихотворение А.А. Григорьева с названием «Город», которое не публиковалось, но ходило в рукописных сборниках: «Великолепный град! пускай тебя иной...» (1846). Подобный своей строфической и метрической организацией этот текст является совершенно самостоятельным стихотворением, в котором многократно упомянутые «страдания» и «злая сила» «города грехов», иссушающая надежды юности, выписаны детальнее, с каким-то болезненным смакованием тягостных подробностей:

*Но я – я чужд тебе, великолепный град.
 Ни тихих слез, ни бешеного смеха
 Не вырвет у меня ни твой больной разврат,
 Ни над святыней жалкая потеха.
 Тебе уже ничем не удивить меня –
 Ни гордостью дешевого безверья,
 Ни коловратностью бессмысленного дня,
 Ни бесполезной маской лицемерья.
 Увы, столь многое прошло передо мной:
 До слез, до слез страдание смешное,
 И не один порыв возвышенно – святой,
 И не одно великое земное
 Судьба передо мной по ветру разнесла,
 И не один погиб избранник века,*

*И не одна душа за деньги продала
Свою святыню – гордость человека... [13, с. 121]*

Нагнетание штрихов нравственной опустошенности, безверия, греховности города напоминает 66 сонет Шекспира, который, конечно, знал Григорьев. «Город-сказка, город-мечта» на наших глазах превращается в истощающего молодую жизнь монстра. Может быть, эта желчность была приобретена поэтом в революционно-анархистском кружке М.В. Петрашевского, куда он входит в эти годы. Но так много, как Аполлон Григорьев, Петербург не ругал никто до него. Город так и не стал для него «своим», спустя два с половиной года поэт покидает Северную столицу. Прощальное стихотворение («Прощание с Петербургом», 1846) звучит брутальной вариацией на лермонтовское «Прощай, немытая Россия...»:

*Прощай, холодный и бесстрастный,
Великолепный град рабов,
Казарм, борделей и дворцов,
С твоею ночью гнойно-ясной,
С твоей холодностью ужасной
К ударам палок и кнутов,
С твоею подлой царской службой,
С твоим тщеславьем мелочным,
С твоей чиновнической ж...ой,
Которой славны, например,
И Калайдович, и Лакьер,
С твоей претензией – с Европой
Идти и в уровень стоять...
Будь проклят ты, ... мать! [13, с. 121].*

«О, говори хоть ты со мной...»: «жестокий» романс. Это стихотворение из цикла «Борьба» (1857) – одно из самых известных произведений Аполлона Григорьева. После возвращения в Москву и вступления в брак без любви с Лидией Корш в 1847 году в поэтическом творчестве Григорьева наступает перерыв, несколько лет он совсем не пишет стихотворений. Зато на самое начало 1850-х приходится истинный расцвет его литературно-критической деятельности, связанный с работой в журнале «Москвитянин» (правда, в материально-финансовом отношении журнальная работа не давала достаточных средств, и литератор вынужден был преподавать право в Московском воспитательном доме). Как истинному «позднему романтику» для поэзии А. Григорьеву нужна была любовь, желательно мучительно безответная. Ее он встретил в лице дочери своего сослуживца Леонида Визард. На момент знакомства ей было 16 лет (в одном из стихотворений цикла поэт называет возлюбленную «тихой девочкой с женской улыбкой»). Когда ей исполнилось 18, А. Григорьев признался девушке в страстных чувствах, но был отвергнут. А в 1856 году она вышла замуж за другого и уехала из Москвы. Внешний сюжет исчерпал себя, но внутренний для А. Григорьева длился еще долго, и исход его был неоднозначен. Цикл «Борьба» – лирическая летопись, отражающая перипетии разыгравшейся любовной драмы.

«О, говори хоть ты со мной...» – одно из напряженных мгновений этой драмы: внешне роковая любовная борьба уже проиграна, лирического героя накрывает волна безысходного одиночества, выливающегося в музыкальную медитацию, диалог со своей музой, воплощенной в образе «гитары семиструнной». К ней обращена речь (песня) лирического «я», на ней он сфокусирован, из нее извлекает свои «рыдающие звуки», она помогает ему завершить внутреннюю борьбу, «договорить», «допеть» «песню

недопетую». Лирический герой стремится забыться в этой песенной стихии, в пьянящем, как бы «вздрагивающем» ритме вакхического романса.

А. Григорьев, действительно, исполнял это произведение под аккомпанемент гитары, с которой обращался очень уверенно. Друг А. Григорьева по студенческой юности поэт Афанасий Фет вспоминал: «Смолоду он учился музыке... и хорошо играл на фортепиано, но, став страстным цыганистом, променял рояль на гитару, под которую слабым и дрожащим голосом пел цыганские песни. К вечернему чаю ко мне нередко собирались два, три приятеля-энтузиаста, и у нас завязывалась оживленная беседа. Входил Аполлон с гитарой и садился за нескончаемый самовар. Несмотря на бедный голосок, он доставлял искренностью и мастерством своего пения действительное наслаждение. Он собственно не пел, а как бы пунктиром обозначал музыкальный контур пьесы» [8, с. 167]. Аккомпанемент договаривал недосказанное. Музыка в «О, говори хоть ты со мной...», к слову, тоже была авторской, хоть по характеру и подобной народной песне, как это зачастую свойственно романсу в его вершинных проявлениях.

Очарование григорьевского стихотворения заключается в его лирической простоте. Образный ряд не выходит за границы мещанского «жестокоего» романса: лунная ночь, тоскующее сердце, «отравой облитое», горящая звезда, «ядовитое дыханье», «странные недомолвки», «недопетая песня» – все это, вроде бы, банально, почти клише. Сам романтический образ переживания очень прост: бессонная лунная ночь, одинокий человек, кажется, слегка пьяный, с гитарой в руках вглядывается в звезду и остро переживает полноту своего бытия, на мгновение озарившегося высшим смыслом. Ему удастся продлить, «остановить» это поэтическое мгновение в форме романса. Здесь простота – это синоним поэтичности.

«Цыганская венгерка»: тайнодействие уничтожения любви. «Благо вам, бездомному и беспокойному варягу, если у вас есть две, три, четыре сотни рублей, которые вы можете кинуть задаром, – о! тогда, уверяю вас честью порядочного зеваки, – вы кинетесь к цыганам, броситесь в ураган этих диких, страстных, томительно-странных песен», – писал А. Григорьев [3, с. 133]. «Страстный цыганист», как сказал о нем А. Фет, считал представителей этого этноса наделенными исключительным артистизмом, «непосредственной восприимчивостью», «врожденными музыкально-гармоническими способностями». Именно в цыганском преломлении полнее всего воспринимает поэт природу народного творчества, воплотившуюся в его «Венгерке».

Стихия цыганского романса сводила воедино главные линии поэтических исканий Аполлона Григорьева: напряженную эмоциональность, романтическое одиночество, опору на народную традицию, глубокую выстраданность личной темы, музыкальность, наконец, примиряющий все это романсный мелодраmatизм. В рассказе «Великий трагик» поэт так комментирует свое произведение: «Широкая и хватающая за душу, стонущая, поющая и горько-юмористическая "Венгерка"» [12, с. 271]. А. Фет в посвященном А. Григорьеву «Кактусе» писал о «тоскливом разгуле погибшего счастья» [12, с. 328], прорывающегося в этом цыганском романсе. Действительно, это произведение – музыкально-поэтическая кульминация григорьевской «Борьбы», апофеоз бегства от гнетущего одиночества, вызванного неразделенной любовью, в вакханалию неистового цыганского веселья, неудержимого и губительного. Лирический герой становится частью общего хора жизни. Она воссоздана как карнавальная стихия с ее амбивалентностью разгульного праздничного буйства и тоски по погибшему счастью, топимой в вине. Эта тоска здесь разделена с другими, понята как часть общей и родной всем «сладостной боли» существования. «Буйное похмелье», «горькое веселье», «сладострастье баядерки» сливаются в «злых» «ноющих» квинтах гитарной музыки.

В «Венгерке» оживает древнее хоровое начало лирики: переживание одного субъекта вызвучивается множеством голосов. В художественном мире стихотворения полифонически соприсутствует несколько точек зрения. Здесь есть отвергнутый горемыка, заглушающий тоску в буйном похмелье, участник оргии, есть и вполне трезвый наблюдатель общего действа, музыкант с гитарой, рапсод, посвящающий нас в сюжет. Есть, наконец, чисто цыганская точка зрения, вводимая особой лексикой (*чибирык* – гуляка, щеголь, *басаната* – красавица). Кстати, эта позиция сообщает действию какой-то мрачно-магический оттенок (*бесовский гам*). И это понятно – ведь вытравить из сердца в результате этой вакханалии надо не что иное как любовь – без дьявола не обойтись. Развитие лирического сюжета стремится именно к этой магической развязке – уничтожению любви, в этом смысл всей поэтической ворожбы, разворачивающейся перед нами. Насильственное забвение любви предстает почти как ритуальное убийство, поэтому у чутких интерпретаторов этого текста неизменно появляется характеристика *зловещий* (например, у С.Н. Носова: «зловещий хаос оргии» [8, с. 108]).

Есть в «Венгерке» тот, кто способен на чистом русском литературном языке точно, емко и виртуозно выразить происходящее (например, эротическое описание откровенной пляски со «страстными содроганиями»: «Шумно скачут сверху вниз...» и т.д.). Есть здесь и совершенно «мужицкий» говор (*оченно уж скверно*). Поэтическая речь лишь внешне монологична, но голоса в хоре принадлежат не одному человеку – их множество. Чисто технически хор отчетливо разделяется на два полухория (*Две гитары, зазвев...*). Это поддержано интонационно, что отражает графическая организация стихотворения: стихи, смещенные вправо, это «реплики» второго полухория, который подхватывает тему первого, подливает масла в огонь, вторит основному голосу, уточняет, интонирует оттенки смысла, создает те или иные акценты, поднабивает – усиливает боль.

Композиция лишь на первый взгляд представляется потоком ассоциаций, хаосом. В действительности перед нами выстроенная лирическая пьеса со своим четким внутренней логикой. Прелюдия *Две гитары, зазвев...* вводит в ситуацию исполнения, намечается сюжет, далее формулируется проблема «*Как и вправду не любить?*», как вытравить любовь? Появляется цыганская точка зрения, затем начинается разгул, ритуальная пляска («*Шумно скачут сверху вниз...*»). Колдовство нарастает, но тоска сразу не отступает, она только сильнее разжигается («*Что же ноешь ты, мое / Ретиво сердечко? / Я увидел у нее / На руке колечко!*»). Как заклинание, повторяется «*Ты другому отдана / Без возврата, без возврата...*», и чародейство подходит к своей кульминации и достигает цели: «*В безобразнейший хаос / Вопля и стенанья / Все мучительно слилось. / Это – миг прощанья. / Уходи же, уходи, / Светлое виденье!..*» Любовь изгоняется.

В «Венгерке» явлен «предел» лирики Григорьева, дальше можно было двигаться, лишь варьируя то, что было сделано. В цыганской теме Григорьев шагнул, должно быть, дальше Пушкина. Сама ее подача, поэтический нерв после Григорьева оказались очень живучи в отечественной поэзии (например, ее влияние ощутил Александр Блок, написавший, кстати, глубокую статью об Аполлоне Григорьеве «Судьба Аполлона Григорьева» [1]), Сергей Есенин. Без этих цыганских опытов в «Борьбе» не было бы «Моей цыганской» Владимира Высоцкого и некоторых вещей Александра Галича, Александра Башлачева и др.

Заключение. Определяющей чертой личности Григорьева было ощущение некоего «гамлетизма», своей экзистенциальной неустроенности в бытии, сопутствующей социальному «одинокости», которое поэт болезненно переживал в качестве сквозного мотива своего лирического творчества – мотива «скитальчества» [12, с. 5]. Отсюда и его запоздалый романтизм, и «цыганщина», и «надрывы мещанской тоски», ставшие

визитными карточками григорьевского поэтического стиля. Темы избранничества, обретения своего пути, безответной любви, творческой медитации, музыки, бунта, разгула и др. в поэзии А.А. Григорьева так или иначе оказываются проникнутыми главным мотивом скитальчества. Ключевые стихотворения в его поэтической биографии вобрали в себя кульминационный экзистенциальный опыт поэта Аполлона Григорьева. В проанализированных стихотворениях чисто литературная составляющая, определяющаяся во много литературной традицией, сливается с мифопоэтическим жизнетворческим актом – говоря словами классика из другого столетия – «И тут кончается искусство, / И дышат почва и судьба».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блок А.А. Судьба Аполлона Григорьева / А.А. Блок // Собрание сочинений в 8 т. – Т. 6. – Берлин : Алконост, 1923. – С. 212–253.
2. Воропаев В.А. Аполлон Григорьев и Николай Гоголь / В.А. Воропаев // Русская словесность. – 2023. – № 1. – С. 43–49. – DOI 10.47639/0868-9539_2023_1_43.
3. Егоров Б.Ф. Аполлон Григорьев : серия «Жизнь замечательных людей» / Б.Ф. Егоров. – М. : Молодая гвардия, 2000. – 218 с.
4. Ковалева М.Ю. 200-летие со дня рождения Аполлона Григорьева / М.Ю. Ковалева // Эпистола. Филологический журнал. – 2022. – Т. 2, № 3. – С. 88–89.
5. Кузьмицкая Е.В. Две молитвы Аполлона Григорьева / Е.В. Кузьмицкая // Инновационная наука. – 2022. – № 7-1. – С. 28–30.
6. Луцевич Л.Ф. «Моя исповедь – без малейшей утайки» (эпистолярные признания Аполлона Григорьева) / Л.Ф. Луцевич // Философические письма. Русско-европейский диалог. – 2022. – Т. 5, № 4. – С. 79–95. – DOI 10.17323/2658-5413-2022-5-4-79-95
7. Магомедова Д.М. Об одной странной цитате в статье Александра Блока «Судьба Аполлона Григорьева» / Д.М. Магомедова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2022. – № 6. – С. 152–157.
8. Носов С.Н. Аполлон Григорьев. Судьба и творчество / С.Н. Носов. – М. : Советский писатель, 1990. – 192 с.
9. Песелис Е.А. Лирика Аполлона Григорьева и народные духовные стихи / Е.А. Песелис // Наука в мегаполисе. Science in a Megapolis. – 2019. – № 5(13). – С. 12–15.
10. Подосокорский Н.Н. Масонство в жизни и творчестве Аполлона Григорьева / Н.Н. Подосокорский // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2022. – № 6. – С. 158–170. – DOI 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-158-170.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Григорьев А.А. Избранные произведения / А.А. Григорьев; вступ. статья П.П. Громова. – М. : Советский писатель, 1959. – 612 с.
12. Григорьев А.А. Мои литературные и нравственные скитальчества / А.А. Григорьев // Воспоминания / А.А. Григорьев; под ред. С.А. Рейсера. – М. : Наука, 1980. – С. 5–8.
13. Григорьев А.А. Стихотворения / А.А. Григорьев; вступ. статья Н. Степанова. – М. : Советский писатель, 1937. – 278 с.

REFERENCES

1. Blok A.A. (1923) Sud'ba Apollona Grigor'yeva [The fate of Apollon Grigoriev]. Sobraniye sochineniy [Collected Works], in 8 vol, Vol 6 (pp. 212–253). Berlin: Alkonost (In Russian).
2. Voropayev V.A. (2023) Apollon Grigor'yev i Nikolay Gogol' [Apollon Grigoriev and Nikolai Gogol]. Russkaya slovesnost' [Russian literature], 1, 43–49. DOI 10.47639/0868-9539_2023_1_43 (In Russian).
3. Egorov B.F. (2000) Apollon Grigor'yev [Apollon Grigoriev]. Moscow: Molodaya gvardiya (In Russian).
4. Kovaleva M.Yu. (2022) 200-letniye so dnya rozhdeniya Apollona Grigor'yeva [200th anniversary of the birth of Apollon Grigoriev]. Epistola: Filologicheskii zhurnal [Epistola: Philological journal], 2, 3, 88–89 (In Russian).
5. Kuz'mitskaya E.V. (2022) Dve molitvy Apollona Grigor'yeva [Two prayers of Apollo Grigoriev]. Innovatsionnaya nauka [Innovative Science], 7, 28–30 (In Russian).

6. Lutsevich L.F. (2022) «Moya ispoved' – bez maleyshey utayki» (epistolyarnyye priznaniya Apollona Grigor'yeva) ["My confession – without the slightest concealment" (epistolary confessions of Apollon Grigoriev)]. *Filosoficheskiye pis'ma. Russko-evropeyskiy dialog* [Philosophical letters. Russian-European dialogue], 5, 4, 79–95. DOI 10.17323/2658-5413-2022-5-4-79-95 (In Russian).
7. Magomedova D.M. (2022) Ob odnoy strannoy tsitate v stat'ye Aleksandra Bloka «Sud'ba Apollona Grigor'yeva» [On one strange quote in Alexander Blok's article "The Fate of Apollon Grigoriev"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology], 6, 152–157 (In Russian).
8. Nosov S.N. (1990) Apollon Grigor'yev. Sud'ba i tvorchestvo [Apollon Grigoriev. Fate and creativity]. Moscow: Sovetskiy pisatel (In Russian)
9. Peselis E.A. (2019) Lirika Apollona Grigor'yeva i narodnyye dukhovnyye stikhi [Apollo Grigoriev's lyrics and folk spiritual poems]. *Nauka v megapolise* [Science in a Megapolis], 5(12), 12–15. (In Russian)
10. Podosokorskiy N.N. (2022) Masonstvo v zhizni i tvorchestve Apollona Grigor'yeva [Freemasonry in the life and work of Apollon Grigoriev]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology], 6, 158–170. DOI 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-158-170 (In Russian).

Поступила в редакцию 07.02.2025 г.

POETIC WANDERING OF APOLLON GRIGOREV

O.R. Minnullin

The work deals with a profound analysis of the works by A. Grigoriev. A particular attention is paid to the motif of wandering, which permeates all his works. The main idea of the article is that A. Grigoriev, as a representative of "painful poetry", reflects in his poems the existential loneliness of a man, his internal discontent of both social and everyday and existential terms, growing to the idea of man's disorder in the universe as a whole, which is experienced by the poet as a personal fate. The personality of the poet, his topical experiences and love collisions reflected in his work are examined in the article, as well as his unique poetic style and place in the context of Russian poetry. The author also analyzes key works that manifest the poet's creative worldview, such as the sonnet «Comet», the poems «City», «Above you, a secret power was given to me», «Gypsy Hungarian», etc. The motif of wandering in the poetry of A. Grigoriev becomes a reflection of existential search and personal rebellion, which makes his works relevant and significant for further research in the Russian literature.

Keywords: Apollon Grigoriev, "Struggle", lyrics, interpretation, wandering, poetic world.

Миннуллин Олег Рамильевич.

Доктор филологических наук.
Донецкая государственная музыкальная академия имени С.С. Прокофьева, г. Донецк, Российская Федерация.
Заведующий кафедрой гуманитарных и художественных дисциплин.
ORCID: 0000-0002-5805-3821.
E-mail: o.r.minnullin@mail.ru.

Minnullin Oleg Ramilevich.

Doctor of Philology.
Donetsk State Music Academy named after S.S. Prokofiev, Donetsk, Russian Federation.
Head of Department of Humanities and Arts.
ORCID: 0000-0002-5805-3821.
E-mail: o.r.minnullin@mail.ru.

Научная статья

УДК 81`373.2

DOI: 10.5281/zenodo.15300988

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ТЕКСТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. БУНИНОЙ

© 2025 Е.А. Попова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

ORCID 0000-0001-7757-1352.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В работе рассматриваются региональные антропонимы и топонимы, формирующие региональное ономастическое пространство произведений первой профессиональной русской поэтессы А.П. Буниной, что представляет интерес с точки зрения репрезентации культурно-исторической памяти. Цель статьи – проанализировать ономастическое пространство Провинциального сверттекста, отраженное в поэтических, прозаических, эпистолярных и др. произведениях А.П. Буниной. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения региональных антропонимов и топонимов как символических ресурсов региональных прецедентных текстов, которые включаются в процесс самоидентификации русской языковой личности, способствуют изучению истории и культуры малой родины через значимые имена собственные. При проведении исследования использовались общенаучные (наблюдение, сопоставление, описание) и специальные филологические методы: контекстуального, семантического анализа, метод интерпретации словарных дефиниций. В процессе изучения произведений А.П. Буниной выявлены региональные антропонимы и топонимы и взаимодействующие с ними апеллятивы, которые придают текстам автобиографический характер. Делается вывод о том, что в индивидуально-авторской картине мира поэтессы к высшим ценностям относятся родство и дружба, что маркируют рассматриваемые языковые единицы, воссоздающие важнейшие фрагменты ее биографии, ее нравственный облик.

Ключевые слова: А.П. Бунина, ономастическое пространство, региональные антропонимы и топонимы, апеллятивно-онимное взаимодействие, Провинциальный (Липецкий) текст, малая родина, персоносфера.

Для цитирования: Попова Е.А. Ономастическое пространство Провинциального текста русской литературы в произведениях А.П. Буниной / Е.А. Попова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 3. – С. 38–59. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15300988>.

Введение. Анна Петровна Бунина (1774–1829), чей 250-летний юбилей отмечался в 2024 г., – первая профессиональная русская поэтесса, известная, даже прославленная в свое время, но практически забытая почти сразу после своей смерти. На протяжении ряда десятилетий ее творчество воспринималось по большей части негативно, чему во многом способствовала оценка А.С. Пушкина и других членов общества «Арзамас». Так, в стихотворении А.С. Пушкина «Послание цензору» (1822) произведения А.П. Буниной, охарактеризованные как «глупые», становятся олицетворением «людской бессмыслицы» и, как следствие, их единственным читателем оказывается цензор, которому адресовано «Послание»: «*Людской бессмыслицы присяжный толкователь, / Хвостова, Буниной единственный читатель, / Ты вечно разбирать обязан за грехи / То прозу глупую, то глупые стихи*» [37, т. 2, с. 121]. В дневниках Пушкина лицейского

периода есть такая запись: «*Шишков и г-жа Бунина* увенчали недавно князя *Шаховского* лавровым венком; на этот случай сочинили очень остроумную пиесу под названием *"Венчание Шutowского"*» (запись от 28 ноября 1815 г.) [37, т. 8, с. 7]. В стихотворении того же года «Тень Фонвизина» А.П. Бунина высмеивается наряду с такими поэтами, как П.И. Шаликов, С.А. Ширинский-Шихматов, А.С. Шишков, Д.И. Хвостов, Г.Р. Державин и др.: «*Твоя невинная другиня, / Уже поблекший цвет невиц, / Вралих Петрополя богиня* <...>» [37, т. 1, с. 169]. Такая оценка объясняется тем, что поэзия А.П. Буниной как почетного члена общества «Беседа любителей русского слова», основанного А.С. Шишковым, была объектом постоянных насмешек литературных оппонентов «Беседы» – «арзамасцев», к числу которых принадлежал А.С. Пушкин.

Однако В.К. Кюхельбекер оценивал поэзию А.П. Буниной прямо противоположно своему лицейскому другу А.С. Пушкину. Так, в статье «Взгляд на текущую словесность» (1820), говоря о выходе в свет первой части собрания сочинений поэтессы, он писал об их авторе следующее: «<...> г-жа Бунина – женщина-поэт, явление редкое в нашем отечестве, и сверх того поэт с дарованием, поэт-неподражатель. Подробный разбор лучших ее стихотворений принес бы словесности, по нашему мнению, истинную, существенную пользу <...>» [35, с. 444]. Далее следует анализ произведений Буниной [35, с. 444–448]. Отмечая отдельные неточности, шероховатости стихотворений А.П. Буниной, критик в целом дает им очень высокую оценку: «Если бы все стихотворения Анны Петровны Буниной в достоинстве равнялись с приведенными здесь (речь идет о стихотворении «Майская прогулка болящей» – Е.П.), она, без сомнения, занимала бы одно из первых мест между русскими истинными поэтами, хотя и в "Прогулке" много необделанного, шероховатого, а изредка ненужные с первого взгляда повторения; впрочем, сии повторения имели, может быть, целию живее представить состояние больной, которая беспрестанно вспоминает свое ужасное состояние и естественным образом говорит о нем в одних и тех же выражениях <...>» [35, с. 446].

А.П. Буниной посвящен биографический очерк Александра Павловича Чехова [41], опубликованный в 1895 г. в журнале «Исторический вестник» и проникнутый большим уважением к «почти забытой уже ныне поэтессе конца XVIII и начала XIX столетий», имя которой «в свое время <...> было очень известно, и стихотворные произведения ее читались образованной публикой с большой охотой» [41, с. 164].

Считал Анну Петровну своей родственницей и чрезвычайно гордился этим родством И.А. Бунин, о чем он неоднократно писал: «Я происхожу из старого дворянского рода, давшего России немало видных деятелей, как на поприще государственном, так и в области искусства, где особенно известны два поэта начала прошлого века: Анна Бунина и Василий Жуковский, один из корифеев русской литературы, сын Афанасия Бунина и пленной турчанки Сальхи» («Из Предисловия к французскому изданию "Господина из Сан-Франциско"») [21, с. 543]; «О роде Буниных я кое-что знаю. Род этот дал замечательную женщину начала прошлого века, поэтессу А.П. Бунину, и поэта В.А. Жуковского (незаконного сына А.И. Бунина) <...>» («Автобиографическая заметка») [21, с. 545]; «В этом первом томе мемуаров Семенова много говорится о нашем, бунинском роде, к которому Семеновы принадлежат по женской линии, и в частности об Анне Петровне Буниной» («Семеновы и Бунины») [21, с. 267]. Значительная часть статьи И.А. Бунина «Семеновы и Бунины» (1932) [21, с. 264–270] посвящена биографии А.П. Буниной (при написании своего произведения Бунин опирался на первый том мемуаров внучатого племянника А.П. Буниной – П.П. Семенова-Тян-Шанского, знаменитого путешественника, ученого, государственного деятеля, и упомянутую выше статью Александра Павловича Чехова).

И.А. Бунин сожалеет о том, что годовщина (столетие) со времени смерти поэтессы «никому не вспомнилась» [21, с. 267], и поддерживает мнение тех, кто называл ее «одной из замечательных русских женщин» [21, с. 267].

Статья К.Я. Грота [28], которого современные исследователи считают «первым достоверным биографом» [3, с. 58] А.П. Буниной, написана в 1930 г. и приурочена к 100-летней годовщине смерти поэтессы 4 декабря 1829 г. Цель исследования К.Я. Грота – «указать на содержание, темы, направление и характер ее (А.П. Буниной – Е.П.) поэзии и отметить в ее творениях несколько наиболее выдающихся и имевших наибольший успех.

Главная же наша задача – восстановить сколько-нибудь по имеющимся данным ее привлекательный нравственный образ, обрисовав важнейшие моменты ее жизненного и литературного поприща, положение и роль ее в окружавшем ее литературном мире и, наконец, особенно отношение к ней некоторых славных ее современников, преимущественно из литературной среды» [28].

По утверждению ученого, «А.П. Бунина в истории нашей словесности первых двух десятилетий 19-го века и в культурном, и в общественном движении этих лет представляет, несомненно, явление достаточно интересное и знаменательное, чтобы о нем вспомнить в наши дни. Она в самых неблагоприятных бытовых и общественных условиях сама себя воспитала и образовала, стойко и с достоинством пробила себе дорогу к области умственного творчества и к литературной известности; борясь в личной жизни своей с косностью и предубеждениями своего времени и окружавшего общества, она выступила одной из первых и наиболее энергичной и талантливой пионеркой женского умственного и литературного труда и своим примером воплотила идею равноправия женщины с мужчиной в семейном быту, в культурном прогрессе и общественной жизни <...>» [28].

Следует отметить, что К.Я. Грот, приходившийся поэтессе родственником (он сын внучатой племянницы А.П. Буниной – Наталии Петровны Грот (урожденной Семеновой)), многое сделал для того, чтобы читающая публика познакомилась с наследием А.П. Буниной: в начале XX в. в журнале «Русский архив» он впервые опубликовал письма Анны Петровны, адресованные племяннику М.Н. Семенову [33] (см. об этом далее), и ее альбом, который сохранился в бумагах его матери [26]. Об А.П. Буниной ученый писал также в статьях, посвященных ее племянникам Петру Николаевичу и Василию Николаевичу Семеновым, которые были известными литературными и общественными деятелями своего времени [38, т. 1, сс. 284–316, 317–348].

В настоящее время наблюдается возрождение интереса филологов к жизни и творчеству А.П. Буниной. Среди филологических работ конца XX – начала XXI вв., посвященных жизни и творчеству А.П. Буниной, следует назвать исследования М.П. Алексеева, Н.Н. Пуряевой, М.А. Нестеренко, Гун Хэнсин, Е.В. Изусиной, Д.А. Романова и др.

В 91-м томе «Литературного наследства» (подготовлен академиком М.П. Алексеевым), в центре внимания которого находятся русско-английские связи XVIII – первой половины XIX вв., отдельная глава посвящена русским знакомствам известного английского писателя В. Скотта, в числе которых есть и русская поэтесса А.П. Бунина. Эта часть 4-й главы носит название «Отъезд поэтессы Анны Буниной в Англию и ее письмо к В. Скотту» [1, с. 255–260] и рассказывает об отъезде поэтессы для лечения в Англию, пребывании в этой стране, произведениях, написанных в это время (особое внимание обращено на стихотворение «Песня в народном русском вкусе из местечка Веил-Брук», так как «Бунина никогда не писала "в народном русском вкусе" до того, как судьба занесла ее в "местечко Веил-Брук"; это лишний раз подчеркивает

основную настроенность ее в эти годы: тоску по родине, чувства одиночества и обреченности в период тяжелой, неизлечимой болезни» [1, с. 258]), и письме к В. Скотту, написанном незадолго до возвращения в Россию и датированном 8 марта 1817 г. В этом письме на французском языке А.П. Бунина выражает свой восторг от романтической поэмы В. Скотта «Мармион» (1808) и говорит о желании сделать ее перевод на русский язык: «Я бы желала воспроизвести вашу прекрасную поэзию на моем родном языке» [1, с. 260]. В письме также говорится о том, что автор письма посылает адресату книгу своих стихов (но какая это была книга, установить так и не удалось).

Это письмо доказывает «ее (А.П. Буниной – Е.П.) настоящую заинтересованность современной английской романтической поэзией в те годы, когда об этой поэзии еще немногие знали в России» [1, с. 258]. По предположению М.П. Алексеева, «вероятно, это было не только первое письмо, полученное им (В. Скоттом – Е.П.) от русской женщины, но и, помимо того, первое письмо, адресованное ему человеком, причастным к русской литературной жизни и притом по прямому литературному поводу» [1, с. 255].

Статья Н.Н. Пуряевой «А.П. Бунина на страницах "Дамского журнала"» [15] ставит целью проанализировать одну из мало освещенных сторон творческой биографии А.П. Буниной – ее сотрудничество в периодических изданиях (прежде всего, таких как «Дамский журнал» и «Сын Отечества»). Автор рассматривает моделирование литературной репутации А.П. Буниной, попытку создания на страницах указанных изданий ее репутации как первого классика женской литературы, выявляет причины, не позволившие ей надолго закрепить свою репутацию в качестве лучшей поэтессы.

Цель монографии М.А. Нестеренко «Розы без шипов: Женщины в литературном процессе России начала XIX века» [11] – рассмотреть место женщин в литературном процессе первой четверти XIX в. и писательскую судьбу А.П. Буниной. В другой работе М.А. Нестеренко – «Анна Петровна Бунина и женская поэзия XIX века» – исследователь отмечает, что «среди поэтесс XIX века Анна Петровна Бунина (1774–1829) занимает особое место, ведь именно ее называют первой русской поэтессой. Говоря об этом, стоит сделать уточнение: первая *профессиональная* (выделено автором – Е.П.) поэтесса. У нее было немало предшественниц в XVIII веке, но именно А.П. Бунина одной из первых пытается претворить в жизнь модель профессионального литературства» [9, с. 60]. По утверждению М.А. Нестеренко, «Е.П. Ростопчина и К.К. Павлова, считающиеся родоначальницами двух типов женской лирики (женской – Е.П. Ростопчина и мужской – К.К. Павлова – Е.П.) и, безусловно, являющиеся яркими авторами, продолжили традицию, идущую от А.П. Буниной» [9, с. 64], в чьем творчестве эти две линии сходятся.

В еще одной статье, посвященной А.П. Буниной [10], М.А. Нестеренко выявляет и анализирует причины, повлиявших на формирование противоречивой оценки поэзии А.П. Буниной, т.е. как второстепенного автора и первой русской поэтессы. Исследователь приходит к выводу, что «А.П. Бунина оказала гораздо большее влияние на последующую литературу, чем принято считать. Вместе с тем, поэтесса была как бы вытесненной из широкого литературного контекста. Ее имя редко упоминается даже в специальной литературе, посвященной поэзии первой половины XIX в. Основными факторами, повлиявшими на формирование литературной репутации Буниной, <...> были поляризация отношения к авторам-женщинам и борьба между архаистами и новаторами» [10, с. 46].

Следует отметить, что М.А. Нестеренко – автор предисловия к самому полному современному изданию собрания стихотворений А.П. Буниной [12] и один из авторов биографической хроники Буниной [3].

Гендерные особенности интерпретации некоторых аспектов философской проблематики поэзии А.П. Буниной затрагиваются в статье китайского русиста Гун Хэнсин [6]. По мнению исследователя, поэтические произведения А.П. Буниной следует разделить «на две тематические группы: тема поэта и поэзии и тема религиозно-философская. Сами темы отнюдь не новые для русской поэзии начала XIX в., однако Бунина дает их необычную интерпретацию. Так, в теме поэта и поэзии у Буниной особую значимость приобретает гендерный аспект: она едва ли не впервые в русской литературе рефлексировала по поводу специфики женского творчества и восприятия его современным обществом.

Другая важная тема –приятие бытия во всем его многообразии, включающем страдания и смерть. Идеальной основой для Буниной здесь выступают христианские ценности и принятие божественного замысла. Глубоко связанной с божественной сущностью в творчестве Буниной является тема детства. Морально-нравственный аспект проблематики проявляется через призму семьи и воспитания детей – основного предназначения женщины» [6, с. 64]. Этому же автору принадлежит статья, посвященная А.П. Буниной и Ли Цинчжао как основоположницам женской поэзии в России и Китае соответственно, которых современники называли русской и китайской Сафо [5].

В диссертационном исследовании Е.В. Изусиной, выполненном на материале творческого наследия трех женщин-поэтов, «наиболее значимых для переломных этапов русской поэзии» [7, с. 4]: А.П. Буниной, К.К. Павловой, М.А. Лохвицкой, – объектом целенаправленного литературоведческого анализа становится «феномен женской поэзии как полноценный и полноправный, обладающий своей динамикой развития и особенностями функционирования» [7, с. 4]. Цель данной диссертационной работы состоит «в изучении эволюции образа лирической героини в русской поэзии XIX века (на материале творчества А.П. Буниной, К.К. Павловой, М.А. Лохвицкой) и его функционирования» [7, с. 6].

На фоне литературоведческих исследований, в том числе изданных в последние годы, следует отметить почти полное отсутствие лингвистических работ, в которых творческое наследие первой профессиональной русской поэтессы анализировалось бы с точки зрения науки о языке. К числу немногочисленных лингвистических исследований, посвященных языку произведений А.П. Буниной, относятся статьи Д.А. Романова [17] и В.В. Щеулина [19]. Так, в статье Д.А. Романова «Из наблюдений над лингвопоэтикой сборников "Неопытная муза" А.П. Буниной (1809 и 1812 гг.)» [17] рассматриваются два крупных поэтических сборника А. Буниной «Неопытная муза», ставшие ее своеобразной визитной карточкой. По мнению автора, «поэтесса не только отличалась самобытным литературным дарованием, имела тщательно выработанный лирический слог, основанный на классицистической базе и некоторых новых веяниях сентиментализма и романтизма, но и стояла в преддверии того времени, когда каждый русский писатель в лингвопоэтическом отношении стал приобретать неповторимость и узнаваемость» [17, с. 279]. Д.А. Романов доказывает, что «А.П. Бунина не только является первой профессиональной российской поэтессой, но и стоит в преддверии новой, пушкинской линии отечественной литературы» [17, с. 264].

В статье В.В. Щеулина [19], которая является послесловием к первому в нашей стране изданию избранных произведений поэтессы в виде отдельной книги, к тому же вышедшей на ее малой родине, рассмотрена роль Буниной в истории русского литературного языка. Исследователь отмечает, что на языке ее поэзии «прямо или косвенно отразились языковые процессы первых десятилетий XIX в. Как и у всякого оригинального писателя, у нее были свои привязанности, своя самостоятельность в ориентации и выборе языковых средств» [19, с. 116]. С одной стороны, «стилю Буниной

присущи определенные особенности русского классицизма – некоторая тяжеловесность слога, риторичность, подражание античным поэтам, прославление монарха, идея подчинения чувства разуму. <...> В языке стихотворений Буниной большое количество старославянизмов, причем значительно архаизированных, что свидетельствует о намеренном использовании старых слов для создания атмосферы торжественности и приподнятости в духе положений Шишкова» [19, с. 116]. С другой стороны, как и у Г.Р. Державина, в стихах Буниной «среди "высокой" фразеологии есть много <...> простонародных слов и выражений» [19, с. 117]. В.А. Жуковский и К.Н. Батюшков «оказались близки А. Буниной своими гармоническими эмоционально выразительными стихами. И в ее стихах нередко простота и легкость речи в сочетании с глубоким лирическим чувством» [19, с. 117]. В.В. Щеулин делает вывод, что хотя роль Буниной в истории русского литературного языка скромная, но «есть и ее доля (пусть небольшая, однако же замеченная уже современниками поэтессы) в трудном деле созидания того языка, который стал великим и могучим» [19, с. 118].

В нашей работе [13] охарактеризованы родственные связи А.П. Буниной, П.П. Семенова-Тян-Шанского, И.А. Бунина, которых объединяет также то, что их малой родиной является Липецкий край, дается анализ региональных топонимов как языковых средств отражения малой родины в произведениях указанных авторов, но преимущественное внимание уделяется П.П. Семенову-Тян-Шанскому и И.А. Бунину.

Цель данного исследования – рассмотреть ономастическое пространство художественных, эпистолярных и других произведений А.П. Буниной, относящихся к Провинциальному сверхтексту, преимущественно Липецкому как одному из его локальных ответвлений, поскольку А.П. Бунина является писателем, чья малая родина – это Липецкий край (место рождения и погребения А.П. Буниной находятся в селе Урусово Чаплыгинского района Липецкой области). Актуальность исследования обусловлена, во-первых, тем, что изучение региональных антропонимов и топонимов, образующих региональную персониферию и топонимию как важнейшую часть ономастического пространства региона, значимо не только для литературной ономастики, но и для лингвистической регионалистики, лингвистического краеведения, являющихся активно развивающимися направлениями современной науки о языке. Отметим, что произведения А.П. Буниной о малой родине и произведения других авторов о связях поэтессы с Липецким краем включены в первый выпуск корпуса прецедентных текстов региональной направленности «Провинциальный (Липецкий) текст» [14, с. 180–186], подготовленный преподавателями кафедры русского языка и литературы ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского. Региональные антропонимы и топонимы представляют собой «средство репрезентации культурно-исторической памяти, способ вербализации, сохранения и трансляции культурно-исторического наследия» [16, с. 32]. Это символические ресурсы региональных прецедентных текстов, которые включаются в процесс самоидентификации русской языковой личности, способствуют изучению истории и культуры малой родины через значимые имена собственные, к числу которых относится имя А.П. Буниной, и связанные с этими именами топонимы, что является одним из аспектов актуальной культурологической концепции «гений места» [2].

Во-вторых, актуальность нашей работы связана с недостаточным количеством лингвистических трудов, посвященных рассмотрению языковых особенностей творческого наследия А.П. Буниной.

Материалы и методы исследования. Эмпирический корпус данного исследования включает около 100 примеров, извлеченных методом сплошной выборки

из художественных (поэтических и прозаических), эпистолярных и других произведений А.П. Буниной, а также писавших о ней авторов XIX – начала XXI вв.: И.А. Бунина, К.Я. Грота, Н.П. Грот (Семеновой), А.А. Достоевского, Е.А. Евтушенко, В.М. Петрова, П.П. Семенова-Тян-Шанского, Э.И. Стогова и др. Все эти тексты в силу того, что в них говорится о Липецком крае, что маркируют региональные антропонимы и топонимы, относятся к региональным прецедентным текстам, образующим Липецкий текст как одно из локальных ответвлений Провинциального текста русской литературы. При проведении исследования использовались такие общенаучные методы, как наблюдение, сопоставление, описание; специальные филологические методы: контекстуального, семантического анализа, метод интерпретации словарных дефиниций.

Основная часть

1. Автобиографичность региональных онимов в стихотворении «Хоть бедность не порок...» (Стихи из письма к А.С. Шишкову)».

Ряд региональных антропонимов и топонимов и замещающих их апеллятивов представлен в творческом наследии А.П. Буниной, прежде всего поэтическом. Так, много автобиографических деталей, к числу которых относятся региональные онимы и связанные с ними апеллятивы, содержит стихотворение «Хоть бедность не порок...» (Стихи из письма к А.С. Шишкову)» (1813). Автобиографический характер этого стихотворения отмечал К.Я. Грот: «Просто и живо, разговорным языком, в ярких красках, рассказывает она (А.П. Бунина – Е.П.) здесь свою повесть и набрасывает картинки из своей жизни и детства» [28].

В этом стихотворении поэтесса пишет о родном селе Урусово, своих родственниках: прадеде, деде, отце, матери, братьях и сестрах, раннем сиротстве, о том, как складывалась ее жизнь после смерти матери: «*Палаты с флигельми в наследственном селе; / Вкруг сада каменна ограда <...>*» [22, с. 338]. «*Наследственным селом*» названо Урусово. Далее следует вставное предложение, заключенное в скобки: «*(Губерния – Рязань, Рязжск-город был уезд.)*» [22, с. 338]. Содержащиеся в этом предложении хоронимы указывают на принадлежность «наследственного села» Урусово к конкретной губернии и уезду. Раньше Урусово входило в состав Рязжского уезда Рязанской губернии, что и указано в стихотворении, сейчас это территория Чаплыгинского района Липецкой области.

Автор отмечает достаток своих предков, используя для их номинации апеллятивы – лексику, относящуюся к категории родства (*отец, дед, прадед, родня*):

*Отцу моему, и деду,
И прадеду, и всей родне,
Не как теперя мне,
По Божеской всемошной воле
Назначено в обилье жить!
Себя, гостей и слуг кормить
Довольно было хлеба в поле* [22, с. 339].

Отец А.П. Буниной – Петр Максимович Бунин, дед – Максим Кузьмич Бунин, прадед – Кузьма Леонтьевич Бунин, были владельцами села Урусово. В стихотворении также используется слово *родители*, называющее одно из основных общих понятий родства: «*Родителей моих ослаблю в позднем роде?*» [22, с. 338]. В письме к А.С. Шишкову от 25–28 февраля 1813 г., в которое включено стихотворение «Хоть бедность не порок...», Бунина тоже пишет о достатке своих родителей (поводом для написания письма послужило несогласие с началом формулировки при назначении ей пансиона «Девушке Буниной, которая при бедном состоянии своем сама себя воспитала и

прилежностью к учению и трудам приобрела отличные в словесности и стихотворстве таланты, которым уже многие опыты оказала» [22, с. 523]): «*Но позвольте мне заметить, что речь: по бедному состоянию* (выделено автором – Е.П.) *не совсем справедлива. Родители мои имели изрядный дворянский достаток. Одно сиротство мое и несчастье причиною тому, что воспитание мое осталось в небрежении. <...> Итак, родители мои были небедны. За ними в лучших хлебных губерниях было триста душ*» [22, с. 526]. Рязанская губерния, где находилось село Урусово, относилась к «лучшим хлебным губерниям» России, (прилагательное *хлебный* употреблено в значении ‘обильный хлебом, урожайный’ [40, т. 4, стб. 1151]), так как располагалась в Среднерусской Черноземной области, основную часть почв которой составляют черноземы, для которых характерно высокое плодородие. В Предисловии ко второму тому труда «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей», посвященному Среднерусской Черноземной области (редактором этого фундаментального труда был Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский, а общее руководство осуществляли П.П. Семенов-Тянь-Шанский и профессор В.И. Ламанский), отмечается, что Среднерусская Черноземная область была «житницей в течение двух последних столетий для Москвы и России» [18, с. IV]. В словосочетании *лучшие хлебные губернии* показательное прилагательное в форме превосходной степени *лучший*, которое усиливает положительную оценочность значения данного словосочетания.

О своих братьях и сестрах, смерти матери и последовавших за этим изменениях в жизни в стихотворении сказано так:

*Три брата у меня, – сестрами сам-третья, –
И всем меньшая я.
Мной матушка скончалась;
За то всех хуже я считалась.
Дурнушкою (курсив автора – Е.П.) меня прозвали!
Мой батюшка с печали
Нас роздал всех к родным.
Сестрам моим большим
Не жизнь была, – приволье!
А я, как будто на застолье
В различных девяти домах,
Различны принимая нравы,
Не ведая забавы,
Взросла в слезах
Ведома роком неминучим
По терниям колючим [22, с. 339–340].*

В тексте упоминаются мать, братья и сестры поэтессы, без называния их имен. Свою мать – Анну Ивановну Бунину (в девичестве Лодыгину (Ладыгину)) – она именует почтительно *матушка*. Нейтральное слово *отец*, использованное ранее, в этом фрагменте заменяется на почтительное *батюшка*. У поэтессы было три старших брата (Василий, Петр, Иван) и две старшие сестры (Мария и Варвара), Анна Бунина указывает на точное количество своих братьев и сестер и на то, что она младшая, третья, из сестер, используя при этом просторечное и устаревшее для современного русского языка сложное прилагательное *сам-третья*. Одна из сестер Анны Петровны – Мария Петровна Бунина (в замужестве – Семенова) впоследствии стала бабушкой П.П. Семенова-Тянь-Шанского. Анна была младшим ребенком в семье, как пишет она в стихотворении, «И

всем меньшая я»; ее мать умерла через год после ее рождения: «Мной *матушка* скончалась <...>». (Следует отметить, что именно эти слова цитируются Е.А. Евтушенко в начале стихотворения «Анна Первая» (2003), посвященного «первой русской женщине-поэту Анне Буниной» [31, с. 326]: «Она вздыхала так: / "*Мной матушка скончалась*", / мешая кочергой в печи свою печальность <...>» [31, с. 326]). Так как по закону того времени несовершеннолетние дочери не могли жить и воспитываться в доме вдового отца, Анна жила и воспитывалась у родственников (в стихотворении для их номинации используется субстантивированное прилагательное *родные*), в том числе в доме старшей сестры Марии после ее замужества, в деревне Рязанка – выселках села Урусово. Именно в родных местах в 13 лет А. Бунина написала свое первое стихотворение. Свою нелегкую жизнь в чужих домах поэтесса сравнивает с застольем (в примечании к этому слову автор пишет: «Застольными в деревнях называются дворовые люди» [22, с. 340]; см. также значение слова *застольная*, которое в современном русском языке является историзмом, – ‘комната, где обедают вместе дворовые люди’ [30, с. 640]; ‘при барском доме, дворе – помещение, где обедали слуги, дворовые люди’ [20, т. 6, с. 522]), т.е. приравнивая себя к дворовым, слугам, а также с помощью словосочетаний *не ведая забавы; выросла в слезах; ведома роком неминучим по терниям колючим*.

В письме к А.С. Шишкову А.П. Бунина пишет: «<...> я имею непреодолимое и законное желание ехать в *деревню* к моим *родным*, которые французами разорены до основания и в крайнем теперь несчастии. Закон Божий, должность и собственное сердце меня туда призывают» [22, с. 527]. В постскриптуме, датированном 28 февраля 1813 г., добавлено: «Я писала к Вам, что у меня *три брата*: ошиблась, – в это время было у меня только *два*. <...> Никогда не имела я столь законной нужды ехать в *деревню*, как теперь. *Сестра* разорена, *другая* в тройной печали: *зятю* сделался удар; *брат* ударом кончил жизнь; *другой* огорчен. Все в расстройстве и убиты несчастием» [22, с. 527]. Слово *деревня* в письме используется по отношению к селу Урусово и/или расположенной рядом деревне Рязанка, где была усадьба Марии Петровны Семеновых. Так как московский дом Семеновых сильно пострадал во время пожара 1812 г., то автор письма говорит о разорении сестры. Другая сестра – Варвара Петровна Усова. Брат, который «ударом кончил жизнь», – Василий Петрович Бунин, скончавшийся в середине февраля 1813 г. в Таганроге, где находился по делам службы. В письме используются апеллятивы: *деревня*, термины родства (*сестра*, *брат*, *зять*), а также субстантивированное прилагательное *родные*, называющее общее понятие родства. Этот фрагмент письма показывает нравственные качества А.П. Буниной, ее любовь к родным и стремление прийти к ним на помощь в трудную для них минуту.

Эта поездка А.П. Буниной в деревню к родным состоялась, что доказывает письмо Василия Михайловича Попова к Дмитрию Павловичу Руничу от 7 июня 1813 г. (опубликовано в журнале «Русская старина» в 1895 г.), в котором содержится просьба помочь Анне Петровне с переездом в Рязанскую губернию: «*Анна Петровна Бунина, известная наша писательница, коей творения в стихах и прозе сделали бы честь и мужчине и коей знакомством обязан я братицу ее, Ивану Петровичу, служащему у нас по Министерству, отъезжая отсюда в Москву, просила меня о написании к вам письма, дабы вы не оставили ее возможною помощью в дальнейшем ее переезде из Москвы в Рязанскую губернию, верст еще около 350*» [34, с. 124].

Путь А.П. Буниной лежал в село Урусово Рязанской губернии, точнее в находящуюся рядом деревню Рязанку, к сестре Марии. Ср. со словами из хроники жизни и творчества А.П. Буниной: «В июне (1813 г. – Е.П.) Б. (Бунина – Е.П.), видимо,

расплатившись с кредиторами, уезжает из Петербурга в Урусово, чтобы поддержать сестру Марию» [3, с. 36].

2. Племянники Семеновы в персонификации А.П. Буниной.

Не имея собственной семьи и детей, Анна Петровна с поистине материнской нежностью относилась к своим племянникам Семеновым – сыновьям старшей сестры Марии (Петру, Михаилу, Николаю, Василию), при этом особую привязанность она питала к Михаилу Николаевичу Семенову (1798–1859). В письме к А.С. Шишкову она писала: «*Не имея других уз, привязана я к моим **родным** всеми способностями души*» [22, с. 527]. В этом же письме она просила А.С. Шишкова о «*милостивом покровительстве <...> **племянникам** моим **Семеновым***» [22, с. 526]. М. Семенову А.П. Бунина посвятила стихотворение «Мише, десятилетнему моему племяннику» (1811), в названии которого представлено взаимодействие антропонима (личного имени) *Миша* и апеллиатива *племянник*, относящегося к лексике родства и употребленного в качестве обособленного приложения к антропониму. В начале этого стихотворения Бунина пишет о том, что ей все мило в племяннике: когда он с детской простотой бежит обнять ее, когда смешит всех и смеется сам, когда кружится в вальсе, музицирует и поет. «*Я ум теряю от тебя*», – пишет поэтесса [22, с. 212]. Далее она задает вопрос: «*Что держит в дивном столь меня очарованы?*» – и перечисляет в виде вопросов возможные варианты ответов: «*Ужель наружны красоты? / Твой стройный стан? твои умильны лепетаны? / Дары, рассыпанны щедротою небес?*» [22, с. 213]. Но все эти варианты ее не устраивают: «*Нет! – далее ищи начала сих чудес!*» [22, с. 213]. Ответ, который дает поэтесса на этот вопрос, следующий: «*Души твоей меня пленяет доброхотство!*» [22, с. 213]. Устаревшее для современного русского языка слово *доброхотство*, относящееся к архаизмам, означает ‘дружеское участие, расположение к кому-л.; доброжелательство’ [20, т. 5, с. 161]. Иными словами, на первое место А.П. Бунина ставит душу, внутренний мир человека, даже ребенка. Взамен своей любви автор просит у адресата стихотворения следующее, оформляя ряд своих просьб с помощью императивов:

*Будь честен, справедлив, чти братьями людей;
Не злату, но добру умей возвысить цену,
И славой ослепясь блистательных умов,
В самонадеянье не ввергнись дураков* [22, с. 213].

В этом стихотворении представлен мир детства, образ ребенка, которые очень важны для поэзии А.П. Буниной, поскольку олицетворяют «самые главные духовные качества, а отчасти тот идеальный мир, в который хочет убежать лирическая героиня поэтессы от страданий мира реальности» [6, с. 63].

Сохранилось семь писем А.П. Буниной к племяннику М.Н. Семенову. Эти письма впервые были опубликованы К.Я. Гротом в 1908 г. в журнале «Русский архив», основателем и издателем которого был наш земляк П.И. Бартенев [33], и переизданы в 2022 г. [23, с. 4–26]. Первое из этих писем датировано 28 февраля 1812 г., когда Михаилу Семенову было 14 лет, последнее – примерно 20 декабря 1823 г., когда Анна Петровна была уже тяжело больна. В обращении к адресату А. Бунина в начале письма использует антропонимы (уменьшительно-ласкательную форму личного имени, т.е. диминутив; личное имя и отчество) всегда в сочетании с положительно оценочными лексемами (*любезный, милый, мой друг* и др.): «*Любезный Мишенька!*» [23, с. 11], «*Любезный мой друг Михаил Николаевич!*» [23, с. 13], «*Мой друг, милый Михаил Николаевич!*» [23, с. 15], «*любезный Михаил Николаевич*» [23, с. 22]. В тексте писем в качестве обращений употребляются слова и словосочетания, имеющие положительную оценочность: «*милый*

мой» [23, с. 12], «мой милый» [23, сс. 12, 18], «милейший» [23, с. 13], «милый» [23, с. 20], «мой друг» [23, сс. 11, 16, 19, 22], а также личное имя Миша: «Ах, Миша, Миша!» [23, с. 15].

В письмах также упоминаются два других племянника А.П. Буниной – родные братья адресата писем: старший Николай и младший Василий, причем младшего племянника Василия автор постоянно именует ласково *Васинька* [23, сс. 13, 14]. К Николаю Семенову А. Бунина обращается с помощью словосочетания «милый Николай Николаевич» [23, с. 13]. В обращении ко всем трем племянникам она использует слово *милые* [23, с. 15]. Из писем видно, что Анна Петровна любит и ценит своих племянников, беспокоится и заботится о них. Например, о «Васиньке» она отзывается так: «Доброе его сердце и нежность к родным много обещают» [23, с. 14]; «Не могу я не быть благодарною **Васиньке**, который, несмотря на величайшее в летах наших расстояние, всех вас ко мне ближе» [23, с. 14–15]. Показательны слова, которыми завершается последнее из этих писем: «Пиши положительно и побольше, чем докажешь, что точно любишь любящую тебя Анну Бунину» [23, с. 23]. Подписывая письма, автор использует антропоним, представляющий собой личное имя и фамилию, в том числе один раз в сокращенном варианте (А.Б.); один раз к имени и фамилии добавлено слово *тетка*, относящееся к лексике родства. При этом Бунина постоянно употребляет слова *любящая, преданная, верная, целую* и под., показывающие ее искреннюю любовь к племянникам, а не являющиеся просто формой выражения эпистолярного этикета: «Целую тебя, искренняя в дружбе и преданная душой Анна Бунина» [23, с. 13]; «Целую вас и жду ваших писем. Преданная в дружбе к вам Анна Бунина» [23, с. 15]; «Целую тебя и брата. Любящая вас Анна Бунина» [23, с. 20]; «Любящая тетка Анна Бунина» [23, с. 21]; «Верная в дружбе А.Б.» [23, с. 16]. По словам К.Я. Грота, в этих письмах «сказалось и доброе любящее сердце, и трогательная заботливость самой А.П. Буниной» [38, т. 1, с. 319]; «они дают материал для ее нравственной характеристики, будучи вместе с тем довольно занимательны в бытовом отношении» [27, с. 8].

Адресат писем Буниной – М.Н. Семенов – дядя и крестный отец П.П. Семенова-Тян-Шанского, владелец усадьбы в селе Подосинки (Архангельское), расположенной рядом с отцовским имением в Рязанке. После скоропостижной смерти своего старшего брата Петра Николаевича, отца П.П. Семенова-Тян-Шанского, в 1832 г. усадьба Михаила Николаевича становится «главной усадьбой рода» [4, с. 133]. Сюда после смерти супруга в 1837 г. переехала на постоянное жительство мать М.Н. Семенова – Мария Петровна. Здесь она жила до самой своей смерти в 1848 г. В имении дяди после окончания Екатерининского института в 1844 г. несколько лет жила племянница Наталия Петровна, старшая сестра П.П. Семенова-Тян-Шанского; а в 1840–1850-е гг. по целым месяцам, особенно летом, гостил и сам Петр Петрович. Приехав в очередной раз в гости к дяде в 1850 г., он познакомился с жившей в соседнем имении Гремячка Верой Александровной Чулковой, которая впоследствии стала его женой. Их венчание состоялось в 1851 г. в храме Архангела Михаила, построенном в Подосинках по инициативе и на средства дяди. Название храма отразилось в новом названии села – *Архангельское* (ойконим назван по экклезиониму). В мемуарах П.П. Семенова-Тян-Шанского региональный топоним (ойконим) *Подосинки*, наряду с другими топонимами (ойконимами *Урусово, Липецк*, гидронимами *Ранова, Матыра, Воронеж*, дримонимом *Петровский парк* (название леса), оронимом «*Зеркала*» (название оврага)), относится к коннотативным, что выражается в синтагматических связях этого топонима с прилагательными, имеющими в своем значении положительно оценочную сему: «родные для меня Подосинки» [38, т. 1, с. 225]; «гостеприимные Подосинки» [38, т. 1, с. 225]. Для П.П. Семенова-Тян-Шанского в юности дом дяди в селе Подосинки был

родным домом, о чем писал в биографическом очерке, посвященном ученому, А.А. Достоевский: «<...> юношей и молодым человеком он (П.П. Семенов-Тян-Шанский – Е.П.) считал своим домом имение его дяди М.Н. Семенова в деревне с. Подосинки <...>» [38, т. 5, с. 72]. В настоящее время ни этого села, ни храма не существует. «О населенном пункте напоминает лишь кладбище, сохранившееся на пригорке, на окраине которого, вдали от места его упокоения, стоит могильный камень с надписью "Храмоздатель полковник Михаил Николаевич Семенов. Родился 13 июля 1798 года. Скончался 18 сентября 1859 года"» [4, с. 153–154].

Скажем несколько слов о «Васиньке» – Василии Николаевиче Семенове (1801–1863) – младшем из братьев Семеновых. По характеристике К.Я. Грота, он «был после старшего, Петра (отца П.П. Семенова-Тян-Шанского – Е.П.), самый талантливый, образованный и деятельный» [27, с. 10]. Он, подобно Пушкину, окончил Царскосельский лицей (был выпускником второго выпуска), «в течение трех лет (1814–1817 гг.) был свидетелем лицейского периода развития и жизни Пушкина и был с ним в близких товарищеских отношениях (они были "на ты"), хотя и не на одном с ним курсе; эти отношения не прекратились и после – во время их одновременного пребывания в Петербурге – в последнее десятилетие жизни поэта (1826–1837 гг.) <...>» [38, т. 1, с. 317]. Василий Семенов был офицером Карабинерного, а затем Павловского полка, служил цензором (в том числе выступал цензором ряда произведений А.С. Пушкина), вице-губернатором в Орле, попечителем Кавказского учебного округа, членом совета военно-учебных заведений.

У А.П. Буниной есть стихотворение «Моим племянникам и племяннице, игравшим пролог на мой в деревню к ним приезд» (1811). И хотя точные адресаты стихотворения пока не установлены [22, с. 508], можно предположить, что речь идет о племянниках поэтессы, живших в Рязанке: младших племянниках Семеновых (Михаиле и Василии) и племяннице Екатерине Васильевне Буниной – дочери старшего брата Василия Петровича, воспитывавшейся в семье Н.П. и М.П. Семеновых (мать девочки умерла, и отец отдал ее на воспитание своей сестре Марии Петровне и ее мужу Николаю Петровичу Семеновым). Это стихотворение, как и ранее рассмотренное, наполнено любовью к маленьким племянникам, которые, играя в честь лирической героини пролог, выказывали к ней тем самым «нежную любовь»: *«Вы косным языком, но внятным для меня, / Молили жизни мне спокойной, безмятежной, / Молили светлых, долгих лет; Как увлекаемы ко мне любовью нежной, / Сугубой дали вы Предвечному обет, / За то, чтоб он невидимую дланью / Мне в душу пролил вновь желанье видеть вас <...>»* [22, с. 210]. Ради счастья племянников поэтесса готова принести в жертву свое единственное сокровище – поэтический дар, и раньше из-за этого умереть (*«отворить себе тем гроба дверь»* [22, с. 211]).

В этом стихотворении, как и в ранее рассмотренном «Мише, десятилетнему моему племяннику», представлен образ ребенка.

3. Братья А.П. Буниной в ономастическом пространстве ее произведений.

В письмах А.П. Буниной к племяннику М.Н. Семенову несколько раз упоминаются два ее старших брата – два раза Петр Петрович [23, с. 15] и пять раз Иван Петрович [23, сс. 15, 16, 19]. Для их номинации используются антропони́мы, состоящие из личного имени и отчества; один раз к антропониму *Иван Петрович* добавляется апеллятив *брат*, относящийся к лексике родства: *«Брат Иван Петрович три месяца беспрестанно болен <...>»* [23, с. 15]. Особенно замечательна личность Ивана Петровича Бунина (1773–1859) – морского офицера, участника Шведской войны, имевшего «большие связи в кругу литераторов, в который и ввел свою сестру» [23, с. 25]. Именно к нему в Петербург в

1802 г. приехала Анна Бунина и осталась жить в столице, отказавшись возвращаться в деревню. Ивану Петровичу посвящено стихотворение поэтессы «Брату моему» (1806), в котором, обращаясь к нему, она использует английский вариант его личного имени – *Джон* – в сочетании с оценочным прилагательным *милый*: «Скажи мне, *милый Джон*, кто дал тебе искусство / Всегда равно счастливым быть, / Одно и то же чувство / И в ясный день, и в облачный хранить?» [22, с. 93]. В стихотворении отмечены доброта («Ты душу получил исполненну доброты» [22, с. 93]), веселый нрав («Всегда так весел, жив, как птичка на воле» [22, с. 93]), музыкальные таланты Ивана Петровича («Когда, касаяся струнам, / Перстами гибкими аккорды пробегаешь, / Согласны тоны извлекаешь, / Как мощный чародей / Даешь им жизнь <...>» [22, с. 93]). Эта поэтическая характеристика И.П. Бунина, которую дает ему сестра, соответствует тому, что писали о нем современники: «В первой четверти столетия всему высшему кругу Петербурга был известен неистощимый весельчак **Иван Петрович Бунин**; он был старший брат **десятой музы** (одно из наименований А.П. Буниной наряду с «русской Сафо» – Е.П.). <...> умный, хорошо образованный, очень добрый; веселонравие его не имело границ; изобретательность в разнообразии удовольствий была бесконечна, где веселье – там он необходимый режиссер. Он был хорошего роста, вершков восьми, хорошего здоровья, брונет, всегда готовый на доброе дело, и неустанный создатель и участник удовольствий <...> Очень приятно пел, красиво танцевал, был щеголь, немного музыкант. Был любимец дам, которым он умел нравиться; в обществе мужчин, окружающих его, всегда был общий смех» [39, с. 53].

П.П. Семенов-Тянь-Шанский в годы учебы в Петербургском университете бывал в доме И.П. Бунина в Петербурге, о чем вспоминал в первом томе мемуаров [38, т. 1, с. 193–194]. Это был единственный дом в столице, который он посещал в это время. Петр Петрович «привязался всеми силами впервые любящей души» [38, т. 1, с. 193] к младшей дочери Ивана Петровича – Вере, которая стала первой любовью будущего ученого. Упоминаемое ранее село Подосинки вначале было собственностью И.П. Бунина, который продал его мужу своей сестры Марии – Николаю Петровичу Семенову. Подосинки и еще несколько деревень «были предназначены четвертому из пяти сыновей Н.П. и М.П. Семеновых – Михаилу» [4, с. 134].

Другому брату – Петру Петровичу Бунину – Анна Петровна посвятила свой прозаический сборник «Сельские вечера» (1811), используя для этого посвящения антропоним, состоящий из личного имени, отчества, фамилии – «Петру Петровичу Бунину» [25, с. 3]. Она характеризует Петра Петровича с помощью словосочетаний, образующих синтаксический ряд: «трудолюбивый поселянин, мирный сосед, кроткий помещик, усердный сын отчества и добрый брат» [25, с. 5]. А.П. Бунина пишет: «Да представляю я себя под мирною твоею кровлею, посреди любезного мне твоего семейства радостно сидящею!» [25, с. 5–6] – и указывает, что страдает от «долговременной разлуки» с братом [25, с. 6].

П.П. Бунин жил в усадьбе, расположенной в деревне Марфино Усманского уезда Тамбовской губернии (сейчас это территория Добринского района Липецкой области). Показательно, что в «Сельских вечерах» общий хронотопный план в самом начале произведения обозначен так: «Вечеръ въ М-р-Ѳ-й хижинѣ» [25, с. 1], что «расшифровывает», поясняет заглавие. При этом слово «М-р-Ѳ-й» можно расшифровать как «Марфинской». Это относительное прилагательное является производным от регионального ойконима *Марфино* – названия деревни в Усманском уезде Тамбовской губернии, в которой находилось имение Петра Петровича Бунина и где бывала Анна Петровна. Другое название этой деревни – *Бунинское*. К сожалению, эта

деревня, как и село Подосинки (Архангельское), о котором мы писали выше, относится к исчезнувшим населенным пунктам.

4. А.А. Лобкова (урожденная Бунина) в персонификации произведений А.П. Буниной и урбанонимике г. Липецка.

Среди поэтического наследия А.П. Буниной есть стихотворение «Три друга» (1815), адресатом которого является Авдотья (Евдокия) Алексеевна Лобкова (урожденная Бунина), которая приходилась поэтессе троюродной сестрой и воспитывалась вместе с Анной Петровной в доме ее старшей сестры Марии Петровны и ее мужа Николая Петровича Семеновых в Рязанке. (О жизни А.А. Буниной в доме Н.П. и М.П. Семеновых, ее замужестве и ранней смерти писал в первом томе мемуаров П.П. Семенов-Тянь-Шанский [38, т. 1, с. 56–57].) Посвящение – «А.А. Л<обков>ой, урожденной Буниной» [22, с. 364] – представляет собой сочетание двух антропонимов, относящихся к одному и тому же лицу: инициалов в сочетании с фамилией (А.А. Л<обков>ой), а дальше следует девичья фамилия (урожденной Буниной), являющаяся обособленным приложением к первому антропониму и совпадающая с фамилией автора стихотворения. Эту дружбу прервало то, что «едину смерть взяла, – другую гименей, / А третью – музы... / Так, сладкие расторгнув узы, / Подверглась каждая судьбе своей!» [22, с. 365]. Имя умершей подруги Буниной, которой также посвящены две эпитафии «На смерть друга моего» (1806), «Ей же» (1806), неизвестно. Эта смерть произвела на поэтессу сильное впечатление, что проявилось в ее творчестве в виде сквозного мотива смерти как избавления от страданий. Об адресате стихотворения – А.А. Лобковой – поэтесса пишет, что ее «взял гименей», т.е. она вышла замуж (в 1810 г. А.А. Бунина вышла замуж за соседа-помещика Ивана Федоровича Лобкова). О себе она пишет как о взятой музами, но при этом завидует умершей подруге, а не той, которая вышла замуж: «Почто я не тебе завидую, – но ей!» [22, с. 365]. Этой строкой стихотворение завершается.

А.А. Лобкова умерла в Липецке в 1816 г. и была похоронена на кладбище Христорождественского собора. Ее муж – И.Ф. Лобков – решил построить на месте погребения умершей супруги храм в честь ее небесной покровительницы – святой преподобномученицы Евдокии. Так в Липецке в 1817–1818 гг. был воздвигнут Евдокиевский храм, и кладбище с тех пор стало называться Евдокиевским. Здесь мы видим связь экклезионима *Евдокиевский храм* и некротопонима *Евдокиевское кладбище* (некротопоним назван по экклезиониуму). Эту церковь липчане также образно называют «памятник любви». Этот храм, являющийся «архитектурным украшением центра города» [8, с. 221], и часть кладбища сохранились в Липецке до настоящего времени.

В воспоминаниях флигель-адъютанта Александра I – А.И. Михайловского-Данилевского, опубликованных в 1897 г. в журнале «Русская старина», есть запись о том, что, находясь в Липецке вместе с императором Александром I, 28 мая 1817 г. он в храме познакомился «с нашей стихотворицею Буниною, посвятившею жизнь свою исключительно музам» [32, с. 352], и беседовал с нею. По предположению биографов А.П. Буниной, «вероятнее всего, Б. (Бунина – Е.П.) туда (в Липецк – Е.П.) приехала не на воды, а навестить И.Ф. Лобкова, мужа умершей родственницы и подруги, как раз в это время на свои средства возводившего храм в честь преподобномученицы Евдокии, посвященный памяти его покойной жены» [3, с. 41].

Таким образом, имя А.А. Лобковой (урожденной Буниной) нашло отражение не только в персонификации поэтических произведений А.П. Буниной, но и в урбанонимике г. Липецка, где ее именем названы храм (экклезионим) и кладбище (некротопоним).

5. П.П. Семенов-Тян-Шанский («внук и крестник Петрушенька Семенов») в персонификации А.П. Буниной.

Среди региональных антропонимов, образующих персонификацию А.П. Буниной, есть и имя ее внучатого племянника и крестника, внука ее сестры Марии, будущего знаменитого путешественника, выдающегося ученого и государственного деятеля Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского (1827–1914). Он появился на свет за два года до смерти Анны Петровны, в 1827 г., когда она, будучи уже тяжело больной, жила у своего двоюродного племянника Дмитрия Максимовича Бунина в селе Денисовка (Дуроломовка) Рязанской губернии недалеко от деревни Рязанка (в настоящее время Денисовка относится к Чаплыгинскому району Липецкой области и является вымирающим населенным пунктом). В мемуарной, публицистической литературе, связанной с П.П. Семеновым-Тян-Шанским, широко известна дарственная надпись (инскрипт), сделанная на подаренной ему в 1829 г. переводе проповедей шотландского писателя, религиозного проповедника, философа Х. Блэра «Нравственные и философические беседы», над которыми Анна Петровна трудилась в последние годы жизни. Первоисточником этой надписи является первый том мемуаров ученого: *«По переезде нашем в новую усадьбу она сама (А.П. Бунина. – Е.П.) привезла мне свой перевод с английских проповедей Блэра в красном сафьяновом переплете с надписью: "Дорогому крестнику Петеньке Семенову в чаянии его достославной возмужалости"»* [38, т. 1, с. 93]. В этой надписи используется антропоним *Петенька Семенов* (уменьшительно-ласкательная форма личного имени + фамилия), апеллятив *крестник*, относящийся к лексике родства (слово *крестник* обозначает духовное (крестильное) родство) и являющийся одиночным приложением к антропониму, а также оценочное прилагательное *дорогой*. Этой надписью, вынесенной в отдельный абзац и охарактеризованной как «милая надпись», И.А. Бунин заканчивает свой очерк «Семеновы и Бунины» [21, с. 270], при написании которого он опирался на первый том мемуаров П.П. Семенова-Тян-Шанского, изданный в 1917 г. и присланный Бунину сыном Петра Петровича – Валерием Петровичем. Эту же надпись со ссылкой на мемуары П.П. Семенова-Тян-Шанского цитируют его биограф и соратник по Русскому географическому обществу А.А. Достоевский [38, т. 5, с. 17], современный липецкий писатель и журналист В.М. Петров [36, с. 340] и многие другие. Полностью эта дарственная надпись, как сказано в примечаниях к первому тому современного издания мемуаров ученого, выглядела следующим образом: *«Любезнейшему моему внуку и крестнику Петрушеньке Семенову, в чаянии достославной возмужалости, со смертного и страдальческого одра любящей его со всею нежностью, от трудившейся в переводе»* [38, т. 1, с. 491]. В этом варианте надписи адресат именуется с помощью антропонима (уменьшительно-ласкательная форма личного имени + фамилия), сочетающегося с ним оценочного прилагательного в форме превосходной степени и двух апеллятивов – *внук* и *крестник* (к слову *крестник*, называющему духовное родство, добавлено слово *внук*, обозначающее кровное родство). Себя А.П. Бунина называет с помощью словосочетаний, в которых обозначено, что она находится на пороге смерти и что она любит своего внука и крестника «со всею нежностью».

6. Ономастическое пространство письма А.П. Буниной к племяннику Д.М. Бунину и ее духовного завещания.

Как уже было сказано, последние годы жизни А.П. Буниной, страдавшей тяжелой болезнью, прошли в родных местах. Последнее пристанище она нашла в доме двоюродного племянника Д.М. Бунина в селе Денисовка Раненбургского уезда Рязанской губернии. Вот как об этом сказано в работе К.Я. Грота, написанной к 100-летней годовщине со дня смерти поэтессы: «<...> в начале 1824 года она окончательно оставила столицу и переселилась к **близким родным своим в Рязанскую губернию**. Там она прожила еще около 5 лет – тяжелых по физическим страданиям, но по крайней мере скрашенных нравственно сердечно-теплым и нежным отношением к ней и уходом в доме своего двоюродного племянника **Дмитрия Максимовича Бунина и его жены Елизаветы Петровны (рожд. Бланк) – в с. Денисовке (Раненбургского уезда)**» [28].

В конце ноября – начале декабря 1827 г. А.П. Бунина составила духовное завещание (датировано 28 ноября 1827 г.) и написала письмо Д.М. Бунину (датировано 4 декабря 1827 г.). В конце обоих текстов указан ойконом Денисовка как место их написания [23, с. 28; 24, с. 15]. В письме, адресованном Д.М. Бунину, использованы два антропонима, называющие автора и адресата письма и состоящие из личного имени, фамилии, отчества: «**Письмо Анны Петровны Буниной к Дмитрию Максимовичу Бунину**» [24, с. 13]. Все остальные номинации автора и адресата представляют собой апеллятивы. В начале письма в обращении к племяннику Бунина пишет: «**Истинный друг и благодетель мой!**» [24, с. 13]. В конце письма она использует обращение: «**мой милый и бесценный друг**» [24, с. 15]. Себя в начале письма она называет с помощью словосочетания «**умирающая родственница**»: «**Прими искреннее благодарение умирающей родственницы за твое простое, бесхитростное и деятельное дружество, составлявшее в течение четырех лет отраду и счастье бедственной моей жизни**» [24, с. 13]. В конце письма А.П. Бунина, обращаясь к Д.М. Бунину и его жене, именует себя с помощью двух словосочетаний со связью управление: «**облагодетельствованная вами и любящая вас**» [24, с. 15]. В письме также два раза упоминается жена Д.М. Бунина без называния ее по имени, для чего используется апеллятив *супруга*, относящийся к лексике родства, причем в конце письма к этому слову добавлены пространные определения: «**Прочти их (тайные записки – Е.П.) внимательно с милейшею сердцу моему и ни в чем не искусившиеся твоею супругою**» [24, с. 15]. Д.М. Бунин был женат на Елизавете Петровне Бланк, родной сестре матери П.П. Семенова-Тян-Шанского – Александре Петровне.

В письме есть еще один антропоним, представляющий собой первые буквы имени, отчества и фамилии племянника А.П. Буниной – Петра Николаевича Семенова (1791–1832), старшего сына ее сестры Марии Петровны, отца П.П. Семенова-Тян-Шанского (П. Н. С.). Именно племяннику П.Н. Семенову Анна Петровна завещала свои тайные записки, передать их ему она просила Д.М. Бунина: «**Когда прочтешь, вникнешь и сообразишь обстоятельства, то вручи сии записки П. Н. С. Отец его был нежным моим отцом, действующею пружиною моего спасения, и, вероятно, многое сообщил ему**» [24, с. 15]. В этом фрагменте два раза употребляется слово *отец*, причем в разных значениях, но называет оно одно и то же лицо: первый раз это слово, употребленное в прямом значении ‘мужчина по отношению к своим детям’ [40, т. 2, стб. 921], т.е. относящееся к лексике кровного родства, называет отца П.Н. Семенова – Николая Петровича Семенова, мужа старшей сестры Марии. Второй раз словом *отец* опять называется Н.П. Семенов, но по отношению к автору письма, о чем свидетельствует притяжательное местоимение *мой*, согласованное со словом *отец*, которое употреблено в устаревшем для современного русского языка, стилистически сниженном (разговорном) значении ‘тот, кто заботится о других: покровитель, благодетель’ [40, т. 2, стб. 921]. Слову *отец* в переносном значении свойственна положительная оценочность.

И муж сестры – Николай Петрович Семенов, и его сын Петр Николаевич, приходившийся Анне Петровне племянником, многое сделали для нее (так, до отъезда в Петербург Бунина жила в доме Н.П. Семенова, который и отвез ее в столицу. Племянник П.Н. Семенов ухаживал за Анной Петровной во время ее болезни), об этом пишет в своих воспоминаниях Наталия Петровна Грот (урожденная Семенова), дочь Петра Николаевича Семенова, внучка Марии Петровны и Николая Петровича Семеновых: *«Жена его (Николая Петровича Семенова – Е.П.), Мария Петровна, рожденная Бунина, была дочь владельца села Урусова Петра Максимовича Бунина и родная сестра писательницы **Анны Петровны Буниной**, которая сначала жила у **дедушки и бабушки** и от них поехала учиться и довершать свое образование в Петербурге. Дед мой сам отвез ее туда и, устроив там, никогда не переставал о ней заботиться. Умерла **Анна Петровна** от рака в груди, в **деревне Денисовке**, в 5-ти верстах от **Урусова**, где жила у **племянника** своего **Д.М. Бунина**. Отец мой заботливо за ней ухаживал, и она скончалась на руках его. Помню, как он раз, вернувшись от нее, позвал нас всех троих, поставил перед киотом на колени и велел помолиться за упокой рабы Божией **Анны**»* [29, с. 5–6].

Ономастикон письма и духовного завещания А.П. Буниной включает региональный ойконим *Денисовка* и ряд антропонимов и апеллативов, называющих автора и адресата письма, близких родственников. Из письма видно, с какой большой благодарностью и любовью А.П. Бунина относилась к своим родственникам (Д.М. Бунину и его жене, Н.П. и П.Н. Семеновым), которые ухаживали за ней во время ее болезни и помогали ей как во время болезни, так и на протяжении жизни.

Заключение. Приведенные примеры из поэтического, прозаического, эпистолярного и др. наследия А.П. Буниной показывают, что в ее индивидуально-авторской картине мира родство и дружба относятся к высшим ценностям. Показательно, что антропонимы и апеллативы, замещающие антропонимы и взаимодействующие с ними, называют родственников и друзей (подруг) Буниной, связанных с поэтессой местом рождения и проживания: родителей, деда, прадеда, братьев (Ивана Петровича, Петра Петровича, Василия Петровича Буниных), сестер (Марию Петровну Семенову и Варвару Петровну Усову), племянников (Михаила Николаевича, Петра Николаевича, Василия Николаевича, Николая Николаевича Семеновых, среди которых она особо выделяла Михаила Николаевича Семенова, которому посвятила стихотворение «Мише, десятилетнему моему племяннику» и адресовала несколько писем), внучатого племянника (внука) и крестника Петра Семенова (в будущем П.П. Семенова-Тян-Шанского), двоюродного племянника Дмитрия Максимовича Бунина и его супругу, мужа сестры Марии – Николая Петровича Семенова, подругу и троюродную сестру Авдотью Алексеевну Лобкову (урожденную Бунину), племянницу Екатерину Васильевну Бунину. Для их номинации в произведениях А.П. Буниной использованы антропонимы и апеллативы, представляющие собой термины родства: *отец; батюшка; матушка; прадед; дед; родители; родня; родные; сестра; сестры; братья; брат; зять; племянник; племянники; племянница; брат Иван Петрович, Иван Петрович; Джон, Петр Петрович, Петр Петрович Бунин; племянники Семеновы, Михаил Николаевич, Миша; Мишенька; Миша, десятилетний мой племянник; Николай Николаевич; Васинька, П.Н.С.* (Петр Николаевич Семенов); *крестник Петенька Семенов; внук и крестник Петрушенька Семенов; Дмитрий Максимович Бунин; А.А. Лобкова, урожденная Бунина; супруга* и др. Очень часто эти номинации вступают в синтагматические связи словами и словосочетаниями, имеющими в своем значении положительно оценочный компонент: *любезный, милый, добрый, дорогой, любезнейший, бесценный, мой друг* и др., а также

притяжательным местоимением *мой*. Себя А.П. Бунина именует с помощью антропонимов и апеллятивов: *Анна Бунина, Анна Петровна Бунина, тетка Анна Бунина, умирающая родственница* и др. Нередко антропонимы и апеллятивы представлены в сильных позициях текста: заглавии («Мише, десятилетнему моему племяннику», «Брату моему», «Моим племянникам и племяннице, игравшим пролог на мой в деревню к ним приезд»), посвящении («Петру Петровичу Бунину», «А.А. Л<обков>ой, урожденной Буниной»), первом предложении («Скажи мне, милый Джон, кто дал тебе искусство...»). Номинации родственников занимают важное место в персонификации А.П. Буниной.

Среди региональных топонимов и замещающих их апеллятивов в произведениях А.П. Буниной используются следующие: *наследственное село* (Урусово – место рождения поэтессы); *деревня* (Урусово и Рязанка, где было имение сестры Марии Петровны и ее мужа); *Денисовка* (место расположения усадьбы, где А.П. Бунина жила в последние свои годы у двоюродного племянника Д.М. Бунина); *Марфино*, точнее *марфинская хижина* (в Марфино было имение брата П.П. Бунина); *губерния – Рязань, Ряжск-город <...> уезд* (как названия губернии и уезда, к каким относилось Урусово), *лучшие хлебные губернии*. Данные топонимы относятся к ойконимам и хоронимам. В трех произведениях региональные топонимы находятся в сильных позициях текста: в конце (ойконим *Денисовка* указывает на место написания письма А.П. Буниной к племяннику Д.М. Бунину и ее духовного завещания); в начале (*марфинская хижина* как обозначение места общего хронотопного плана прозаического сборника «Сельские вечера»).

Рассмотренные онимы являются автобиографическими деталями и придают произведениям А.П. Буниной автобиографический характер. Ономастическое пространство художественных, эпистолярных и других произведений А.П. Буниной позволяет воссоздать важнейшие фрагменты ее биографии от рождения до последних лет жизни, ее нравственный облик, проявляющийся в отношении к родственникам и друзьям.

Региональные прецедентные тексты, в том числе произведения А.П. Буниной, сохраняют названия исчезнувших и исчезающих населенных пунктов (*Марфино, Денисовка*) и – самое главное – ценностное отношение к ним, что передается читателям этих текстов, принадлежащим к новым поколениям.

Реконструкция ономастического пространства Провинциального сверттекста на материале произведений А.П. Буниной способствует постижению истории и культуры малой родины через значимые имена собственные, к числу которых относится А.П. Бунина, самая известная представительница рязанской (ряжской, раненбургской) ветви рода Буниных, более всех ее прославившая.

К перспективам исследования мы относим анализ региональной персонификации и топосферы мемуарных, эпистолярных, публицистических произведений XIX–XXI вв., посвященных А.П. Буниной (И.А. Бунина, К.Я. Грота, Н.П. Грот (Семенов), А.А. Достоевского, В.М. Петрова, П.П. Семенова-Тян-Шанского, А.О. Смирновой-Россет, Э.И. Стогова, Ал.П. Чехова и др.), что позволит рассмотреть, как вписано имя А.П. Буниной в ономастическое пространство Провинциального сверттекста, с какими онимами (антропонимами и топонимами) это имя взаимосвязано, как эти произведения способствуют сохранению памяти о первой профессиональной русской поэтессе, получившей от современников и потомков имя «русская Сафо».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев М.П. Вальтер Скотт и его русские знакомства / М.П. Алексеев // Литературное наследство. Т. 91: Русско-английские литературные связи: XVIII век – первая половина XIX в. – М.: Наука, 1982. – С. 247–393.

2. Алексеева В.Л. Структура концепта «гений места» / В.Л. Алексеева // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». – 2015. – Т. 6. Вып. 2. – С. 88–91.
3. Амелин М. «Девушка Анна Бунина». Хроника жизни и творчества / М. Амелин, М. Нестеренко // Бунина А.П. Неопытная муза: Собрание стихотворений / вступ. ст. М. Нестеренко; сост. и подгот. текста М. Амелина; биогр. хроника и примеч. М. Амелина, М. Нестеренко. – М. : Б.С.Г.-Пресс, 2016. – С. 27–58.
4. Богданов А.А. Усадьба Рязанка. Владельцы и их окружение. Исторический квартал: иллюстрированный научно-популярный альманах историко-культурного наследия Липецкого края. Выпуск 5 / А.А. Богданов. – Липецк : ООО «Веда социум», 2015. – 199 с.
5. Гун Хэнсин. Ли Цинчжао и А.П. Бунина: сложные судьбы женской поэзии / Хэнсин Гун // Litera. – 2021. – №8. – С. 81–96. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.8.36313.
6. Гун Хэнсин. Философская проблематика в поэзии А.П. Буниной / Хэнсин Гун // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2022. – №5. – С. 59–66. DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-59-66
7. Изусина Е.В. Лирическая героиня в русской лирике XIX века (на материале творчества А.П. Буниной, К.К. Павловой, М.А. Лохвицкой): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Е.В. Изусина. – Орел, 2005. – 17 с.
8. Клоков А.Ю. Храмы и монастыри Липецкой и Елецкой епархии. Липецк / А.Ю. Клоков, А.А. Найдёнов. – Липецк : Липецкое областное краеведческое общество, 2007. – 384 с.
9. Нестеренко М.А. Анна Петровна Бунина и женская поэзия XIX века / М.А. Нестеренко // Пушкинские чтения – 2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст : материалы XX Международной научной конференции, г. Санкт-Петербург, 06–07 июня 2015 г. – СПб. : Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2015. – С. 59–64.
10. Нестеренко М. Второстепенный автор и первая русская поэтесса: к вопросу формирования литературной репутации А.П. Буниной / М. Нестеренко // Русская филология. 26: Сборник научных работ молодых филологов. – Тарту : Тартуский университет, 2015. – С. 42–47.
11. Нестеренко М. Розы без шипов: Женщины в литературном процессе России начала XIX века / М. Нестеренко. – М. : Новое литературное обозрение, 2022. – 280 с.
12. Нестеренко М. Уроки «Неопытной музы» / М. Нестеренко // Бунина А.П. Неопытная муза : Собрание стихотворений / вступ. ст. М. Нестеренко; сост. и подгот. текста М. Амелина; биогр. хроника и примеч. М. Амелина, М. Нестеренко. – М. : Б.С.Г.-Пресс, 2016. – С. 11–26.
13. Попова Е.А. И.А. Бунин и П.П. Семенов-Тянь-Шанский: «встречи» на липецкой земле / Е.А. Попова // Метафизика И.А. Бунина : Сборник научных трудов, посвященный 90-летию вручения Нобелевской премии и 70-летию со дня смерти писателя / под ред. О.А. Бердниковой, О.В. Мазуренко. – Воронеж : Издательский Дом ВГУ, 2024. – Вып. 6. – С. 300–309.
14. Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: корпус прецедентных текстов региональной направленности : Учебное пособие / Отв. редактор Е.А. Попова. – Липецк : Липецк-Плюс, 2018. – 532 с.
15. Пуряева Н.Н. А.П. Бунина на страницах «Дамского журнала» / Н.Н. Пуряева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2018. – № 5. – С. 220–229. DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-220-229.
16. Робустова В.В. Концепция спирального развития значения имен собственных / В.В. Робустова // Ономастика Поволжья: материалы XX международной научной конференции, Элиста, 5-7 октября 2022 года. – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. – С. 29–33.
17. Романов Д.А. Из наблюдений над лингвопоэтикой сборников «Неопытная муза» А.П. Буниной (1809 и 1812 гг.) / Д.А. Романов // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 4(55). – С. 264–280.
18. Семенов В. Предисловие ко второму тому / В. Семенов // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова; под общ. рук. П.П. Семенова и В.И. Ламанского; [предисл. В. Семенова]. Т. 2. Среднерусская Черноземная область. – СПб. : А.Ф. Девриен, 1902. – С. III–V.
19. Щеулин В.В. О языке произведений А. Буниной на фоне языковых процессов начала XIX столетия / В.В. Щеулин // Бунина А. Избранное. – Липецк : ОРИУС, 1994. – С. 113–118.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

20. Большой академический словарь русского языка. Гл. ред. К.С. Горбачевич. – М.–СПб. : Наука, 2006.
21. Бунин И.А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 6. Освобождение Толстого. О Чехове. Воспоминания. Дневники. Статьи / И.А. Бунин. – М. : Художественная литература, 1988. – 719 с.

22. Бунина А.П. Неопытная муза: Собрание стихотворений / А.П. Бунина; вступ. ст. М. Нестеренко; сост. и подгот. текста М. Амелина; биогр. хроника и примеч. М. Амелина, М. Нестеренко. – М. : Б.С.Г.-Пресс, 2016. – 560 с.
23. Бунина А.П. Письма к племяннику: 1812–1823. Из завещания / Вступ. ст., коммент. М.В. Майорова [Предисл. и примеч. К.Я. Грота] / А.П. Бунина. – Тула, 2022. – 48 с.
24. Бунина А.П. Письмо А.П. Буниной к Д.М. Бунину / А.П. Бунина // Дамский журнал. – 1831. – Ч. XXXIII. – №1. – С. 13–15.
25. Бунина А. Сельские вечера / А. Бунина. – СПб. : Морская Типография, 1811. – 132 с.
26. Грот К.Я. Альбом Анны Петровны Буниной / К.Я. Грот // Русский архив. – 1902. – Кн. I, №4. – С. 500–506.
27. Грот К.Я. Из писем Анны Петровны Буниной к племяннику ее М.Н. Семенову / К.Я. Грот // Бунина А.П. Письма к племяннику: 1812–1823. Из завещания / Вступ. ст., коммент.: М.В. Майоров [Предисл. и примеч.: К.Я. Грот]. – Тула, 2022. – С. 8–10.
28. Грот К.Я. Поэтесса Анна Петровна Бунина. (К 100-летней годовщине ее смерти 4 декабря 1829 г.) [Электронный ресурс] / К.Я. Грот. – Режим доступа: https://www.ostrov.ca/kgrot/ap_bunina.htm (дата обращения: 10.12.2024).
29. Грот Н. Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков / Н. Грот. – СПб. : Издание семьи, 1900. – 186 с.
30. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. Т. 1: А–З / В. Даль. – М.: Русский язык, 1989. – 699 с.
31. Евтушенко Е.А. Первое собрание сочинений: В 8 т. Т. 7 / Е.А. Евтушенко. – М. : Издательство АСТ, 2004. – 558 с.
32. Из воспоминаний Михайловского-Данилевского // Русская старина. – 1897. – Т. XCI. – №8. – С. 333–356.
33. Из писем Анны Петровны Буниной к племяннику ее М.Н. Семенову / Сообщил К.Я. Грот // Русский архив. – 1908. – Кн. I. – С. 524–535.
34. К биографии Анны Петровны Буниной. Письмо Василия Мих. Попова к Дм. Пав. Руничу, 7 июня 1813 г. // Русская старина. – 1895. – Т. LXXXIV. – Выпуски 10–12. – С. 124.
35. Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи / В.К. Кюхельбекер. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1979. – 789 с.
36. Петров В.М. Анна Бунина / В.М. Петров // Петров В.М. На перекрестке двух дорог: Проза. Статьи. – Липецк : Липецкое издательство Госкомпечати РФ, 1997. – С. 319–365.
37. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. / А.С. Пушкин. – М.: Издательство АН СССР, 1957–1958.
38. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары: в 5 тт. / П.П. Семенов-Тянь-Шанский. – М. : Издательство «Кучково поле», 2018–2019.
39. Стогов Э.И. П.Н. Семенов и А.П. Бунина / Э.И. Стогов // Русская старина. – 1879. – Т. XXIV, январь. – С. 49–55.
40. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1938–1940.
41. Чехов А.П. Замечательные русские женщины. Анна Петровна Бунина / А.П. Чехов // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. – 1895. – Т. LXII. – Октябрь. – С. 164–173.

REFERENCES

1. Alekseev M.P. (1982). Val'ter Skott i ego russkie znacomstva [Walter Scott and his Russian acquaintances]. In Literaturnoe nasledstvo. T. 91: Russko-anglijskie literaturny'e svyazi: XVIII vek – pervaya polovina XIX v. [Literary heritage. Vol. 91: Russian-English literary relations: XVIII century – the first half of the XIX century] (pp. 247–393). Moscow: Nauka (In Russian).
2. Alekseeva V.L. (2015). Struktura koncepta «genij mesta» [The structure of the "genius of the place" concept]. News of higher educational institutions. The series "Humanities", Vol. 6, Issue 2, 88–91 (In Russian).
3. Amelin M. (2016). «Devicza Anna Bunina». Xronika zhizni i tvorchestva ["The girl Anna Bunina". Chronicle of life and creativity]. In Bunina A.P. Neopytnaya muza: Sbranie stixotvorenij [The Inexperienced Muse: A collection of poems] (pp. 27–58). Moscow: B.S.G.-Press (In Russian).
4. Bogdanov A.A. (2015). Usad'ba Ryazanka. Vladeľcy i ix okruženie. Istoricheskij kvartal: illyustrirovannyj nauchno-populyarnyj al'manax istoriko-kul'turnogo naslediya Lipeckzogo kraja. Vy'pusk 5 [The Ryazan estate. The owners and their entourage. Historical Quarter: an illustrated popular science almanac of the historical and cultural heritage of the Lipetsk Region. Vol. 5]. Lipetsk: Veda Society LLC (In Russian).

5. Gun Hanshin. (2021). Li Cinchzhao i A.P. Bunina: slozhny'e sud'by zhenskoj poe'zii [Li Qingzhao and A.P. Bunina: difficult destinies of women's poetry]. Litera, 8, 81–96. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.8.36313 (In Russian).
6. Gun Hanshin. (2022). Filosofskaya problematika v poe'zii A.P. Buninoj [Philosophical problems in A.P. Bunina's poetry]. Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology, 5, 59–66. DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-59-66 (In Russian).
7. Izusina E.V. (2005). Liricheskaya geroinya v russkoj lirike XIX veka (na materiale tvorchestva A.P. Buninoj, K.K. Pavlovoj, M.A. Loxviczkaj) [The lyrical heroine in the Russian lyrics of the 19th century (based on the works of A.P. Bunina, K.K. Pavlova, M.A. Lokhvitskaya)] (Abstract of the Candidate dissertation). Orel (In Russian).
8. Klovov A.Yu. (2007). Xramy i monasty'ri Lipeckoj i Elecckoj eparxii. Lipeck [Temples and monasteries of the Lipetsk and Yelets dioceses. Lipetsk]. Lipetsk: Lipetsk Regional Local History Society (In Russian).
9. Nesterenko M.A. (2015). Anna Petrovna Bunina i zhenskaya poe'ziya XIX veka [Anna Petrovna Bunina and women's poetry of the 19th century]. In Pushkinskie chteniya – 2015. Xudozhestvenny'e strategii klassicheskaj i novoj literatury: zhanr, avtor, tekst: materialy XX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Sankt-Peterburg, 06-07 iyunya 2015 g. [Pushkin Readings – 2015. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text: proceedings of the XX International Scientific Conference, St. Petersburg, June 06-07, 2015] (pp. 59–64). St. Petersburg: A.S. Pushkin Leningrad State University (In Russian).
10. Nesterenko M. (2015). Vtorostepennyj avtor i pervaya russkaya poe'tessa: k voprosu formirovaniya literaturnoj reputacii A.P. Buninoj [A minor author and the first Russian poetess: on the formation of literary reputation by A.P. Bunina]. In Russkaya filologiya. 26: Sbornik nauchny'x rabot molody'x filologov [Russian philology. 26: Collection of scientific papers by young philologists] (pp. 42–47). Tartu: University of Tartu (In Russian).
11. Nesterenko M. (2022). Rozy bez shipov: Zhenshhiny v literaturnom processe Rossii nachala XIX veka [Roses without Thorns: Women in the Literary Process of Russia in the Early 19th Century]. Moscow: New Literary Review (In Russian).
12. Nesterenko M. (2016). Uroki «Neopy'tnoj muzy» [Lessons from the "Inexperienced Muse"]. In Bunina A.P. Neopy'tnaya muza: Sbornik stixotvorenij [The Inexperienced Muse: A collection of poems] (pp. 11–26). Moscow: B.S.G.-Press (In Russian).
13. Popova E.A. (2024). I.A. Bunin i P.P. Semenov-Tyan-Shanskij: «vstrechi» na lipeckoj zemle [I.A. Bunin and P.P. Semenov-Tyan-Shansky: "meetings" on Lipetsk land]. In O.A. Berdnikova, O.V. Mazurenko (Eds.), Metafizika I.A. Bunina: Sbornik nauchny'x trudov, posvyashhennyj 90-letiyu vrucheniya Nobelevskoj premii i 70-letiyu so dnya smerti pisatelya [I.A. Bunin's Metaphysics: A collection of scientific papers dedicated to the 90th anniversary of the Nobel Prize and the 70th anniversary of the writer's death] (pp. 300–309). Voronezh: VSU Publishing House (In Russian).
14. Provincial'nyj (Lipeckij) tekst russkoj literatury (2018): korpus precedentny'x tekstov regional'noj napravlenosti. Uchebnoe posobie [Provincial (Lipetsk) text of Russian literature: a corpus of precedent texts of regional orientation. Training manual]. Lipetsk: Lipetsk-Plus (In Russian).
15. Puryaeva N.N. (2018). A.P. Bunina na stranicax «Damskogo zhurnala» [A.P. Bunina on the pages of the "Ladies' Magazine"]. Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology, 5, 220–229. DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-220-229 (In Russian).
16. Robustova V.V. (2022). Konceptiya spiral'no go razvitiya znacheniya imen sobstvenny'x [The concept of spiral development of the meaning of proper names]. In Onomastika Povolzh'ya: materialy XX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, E'lista, 5-7 oktyabrya 2022 goda [Onomastics of the Volga region: proceedings of the XX International Scientific Conference, Elista, October 5-7, 2022] (pp. 29–33). Volgograd: PrinTerra-Design (In Russian).
17. Romanov D.A. (2024). Iz nablyudenij nad lingvopoe'tikoj sbornikov «Neopy'tnaya muza» A.P. Buninoj (1809 i 1812 gg.) [From observations on the linguopoetics of the collections "The Inexperienced Muse" by A.P. Bunina (1809 and 1812)]. Theory of language and intercultural communication, 4 (55), 264–280 (In Russian).
18. Semenov V. (1902). Predislovie ko vtoromu tomu [Preface to the second volume]. In V.P. Semenov (Ed.), Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkix lyudej. T. 2. Srednerusskaya Chernozemnaya oblast' [Russia. A complete geographical description of our Fatherland: a desktop and travel book for Russian people. Vol. 2. Central Russian Chernozem region] (pp. III–V). St. Petersburg: A.F. Devrien (In Russian).

19. Shcheulin V.V. (1994). O yazy'ke proizvedenij A. Buninoj na fone yazy'kovy'x processov nachala XIX stoletiya [On the language of A. Bunina's works against the background of linguistic processes of the early 19th century]. In Bunina A. Izbrannoe [Favorites] (pp. 113–118). Lipetsk: ORIUS (In Russian).

Поступила в редакцию 15.03.2025 г.

**ONOMASTIC SPACE OF PROVINCIAL TEXT OF RUSSIAN LITERATURE IN WORKS BY
A.P. BUNINA**

E.A. Popova

The paper examines regional anthroponyms and toponyms that form the regional onomastic space of the works by the first professional Russian poetess A.P. Bunina. The issue under discussion is of interest from the point of view of cultural and historical memory representation. The purpose of the article is to analyze the onomastic space of Provincial supertext, reflected in poetic, prose, epistolary, and other works by A.P. Bunina. The relevance of the work is accounted for by the need to study regional anthroponyms and toponyms as symbolic resources of regional precedent texts that are included in the process of self-identification of the Russian linguistic personality, and contribute to the study of the history and culture of the small homeland through significant proper names. A number of general scientific (observation, comparison, description) and special philological methods have been applied in the research, among them are contextual, semantic analysis, and the method of interpreting dictionary definitions. In the process of studying the works by A.P. Bunina, regional anthroponyms and toponyms and the appellatives interacting with them have been identified, which give the texts an autobiographical character. It is concluded that in the poetess' individual worldview kinship and friendship are among the highest values, which are marked by the linguistic units under consideration, representing the most important fragments of her biography, her moral image.

Key words: A.P. Bunina, onomastic space, regional anthroponyms and toponyms, appellative-onym interaction, Provincial (Lipetsk) text, small homeland, personosphere.

Попова Елена Александровна.

Доктор филологических наук, профессор.

Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Российская Федерация.

Заведующий кафедрой русского языка и литературы.

ORCID: 0000-0001-7757-1352.

E-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru

Popova Elena Aleksandrovna.

Doctor of Philology, Professor.

Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russian Federation.

Head of Department of Russian Language and Literature.

ORCID: 0000-0001-7757-1352.

E-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru

Научная статья
УДК 81'23:81'373
DOI: 10.5281/zenodo.15301199

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА КАМЧАТСКОГО КРАЯ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

© 2025 И.В. Матвеева¹, А.А. Танасьева²

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный технический университет»

ORCID¹ 0009-0001-1501-3109

ORCID² 0009-0005-7000-4298

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена изучению региональной лексики Камчатского края в интернет-коммуникации. Авторы рассматривают особенности функционирования местных слов и неофициальных топонимов в Интернет-среде. Проблематика исследования связана с анализом особенностей функционирования региональных слов, возникших под влиянием культурно-исторических и природных условий региона. В статье подчеркивается актуальность создания лексикографических изданий региональной лексики и рассматривается их специфика. Материалом послужили комментарии и публикации пользователей платформ в социальных сетях, а также данные из опросов местных жителей. В работе представлена выборка характерных регионализмов-апеллятивов и неофициальных региональных топонимов, их определения и примеры использования в Интернет-дискурсе. Освещены исторические и социокультурные факторы формирования камчатского наречия. Основные результаты показывают, что регионализмы отражают уникальные реалии Камчатки. Работа подчеркивает значимость таких исследований для развития лексикографии и популяризации регионального культурного наследия.

Ключевые слова: региональная лексика, Камчатский край, лексические регионализмы, неофициальная топонимика, Интернет-коммуникация, словари региональной лексики, камчатское наречие, локальная идентичность.

Для цитирования: Матвеева И.В. Региональная лексика Камчатского края в интернет-коммуникации / И.В. Матвеева, А.А. Танасьева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 3. – С. 60–69. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15301199>.

Введение. В современной лингвистике значительное внимание уделяется изучению регионального варьирования национального языка. Данный вопрос нашел отражение в трудах многочисленных отечественных лингвистов, включая В.И. Беликова, А.С. Герда, Е.В. Ерофееву, Т.Ю. Игнатович, Е.А. Оглезневу, А.П. Майорова и др. Актуальность данной проблемы обусловлена проявлением в речевой практике жителей разных регионов особенностей, не всегда связанных с диалектными различиями.

Е.А. Оглезнева, в частности, провела анализ факторов, способствующих формированию региональных вариантов русского языка. Она отметила роль местных диалектов, влияние языков сопредельных государств при прямом контакте, взаимодействие особенностей прилегающей среды и специфику развития экономических отраслей в регионе, которая ведет к появлению специализированных лексических групп и др. В работе Е.А. Оглезневой акцентировано внимание на том, что выраженные особенности регионального языкового существования особо

прослеживаются в удаленных районах России, что указывает на уникальность языковой ситуации именно на этих территориях [7, с. 81].

Методы исследования: контент-анализ, анкетирование, лексикографическое описание. **Материалы исследования:** выборка исследования Яндекса «Местные слова», относящаяся к Камчатскому краю, лексические единицы, полученные с помощью анкетирования, контексты использования регионализмов из соцсетей и форумов.

Основная часть. Помимо теоретических работ, посвященных изучению региональной лексики, активно издаются словари разных региональных вариантов русского языка России. Так, например, в том или ином виде реализованы и составлены словники региональной лексики Санкт-Петербурга (В.В. Колесов; В.В. Химик), Москвы (М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова), Ижевска (Н.А. Прокуровская), Красноярска (Н.Н. Бебриш; Л.З. Подберезкина), Омска (Б.И. Осипов и другие), Лесосибирска (Б.Я. Шарифуллин), Стерлитамака (О.И. Шарипова), Архангельска (Е.Е. Котцова, О.Е. Морозова и другие), Йошкар-Олы (А.Т. Липатов, С.А. Журавлев), Перми (Т.И. Ерофеева, Е.В. Ерофеева), районов Крайнего Северо-Востока (Г.В. Зотов), Абакана (Т.А. Кадоло), Магадана (Ю.А. Резвухина), Томска (Н.А. Мишанкина, Ю.В. Филь), Екатеринбурга (Е.Н. Клименко, Т.В. Попова), Новосибирска (И.В. Ливинская, А.И. Матвеев), Донецка (В.И. Теркулов), Северодвинска (Р.В. Попов) и др. [6, с. 121].

Важным событием 2024 года в лингвистической регионалистике стал выход первого выпуска Словаря русских говоров Камчатки (авторы-составители Н.А. Григоренко, А.П. Каргина, О.В. Малоземлина). Из аннотации следует, что в данном выпуске представлены слова, начинающиеся на буквы А и Б, собранные сотрудниками, студентами и аспирантами кафедры русской филологии КамГУ им. Витуса Беринга в ходе диалектологических экспедиций, проводившихся в различных населённых пунктах Камчатского края с 70-х годов XX века по 2015 год XXI века. В выпуск включено около 1200 слов с их вариантами [16, с. 4]. Словарь квалифицируется как словарь недифференциального типа: в нём представлена как диалектная, так и общерусская устно-разговорная лексика русского языка, что является достаточно распространенной моделью при создании словарей [4, с. 73]. «Словарь даёт возможность представить русский язык камчатского наречия не частично (как в дифференциальном словаре, ограничивающем свой состав исключительно диалектной или диалектной и диалектно-просторечной лексикой), а во всём объёме как полнокровно действующий организм. Недифференциальный принцип отбора материала не только отражает лексику камчатского наречия системно, но и помогает в разных аспектах увидеть жизнь общерусского слова в говоре, а также установить соотношение корякского, ительменского и русского элементов в том языке, на котором говорят в наше время камчадалы» [2, с. 160]. Таким образом, словарь включает в себя общерусскую литературную лексику; литературную лексику, зафиксированную в устном дискурсе камчадалов; камчатскую диалектную лексику; камчатскую субстратную лексику; лексику, появившуюся в советское время и вышедшую из употребления, а также современную лексику, отражающую местные реалии.

Камчатские говоры представляют собой русские говоры смешанного населения Камчатки, которые сформировались вследствие межэтнической языковой ассимиляции русских людей и коренных народов Камчатки. В результате этого в XVIII – начале XIX вв. на Камчатке сформировалась особая субэтническая группа – камчадалы. «Формирование камчадальского наречия произошло благодаря слиянию обрусевших ительменов и коряков и "окамчадалившихся" русских», – пишут Н.Г. Ильинская и Е.Е. Королева в работе «Словарь камчатских говоров (опыт составления)» [2, с. 159]. Лексическая основа камчатского наречия гибридная – из русского, ительменского,

частично корякского и эвенского языков, а грамматика и фонетика преимущественно русские, но претерпевшие изменения под влиянием особенностей произношения обрусевших ительменов и частично коряков и эвенов.

Нашей задачей в рамках данного исследования являлось изучение функционирования региональной лексики Камчатского края в Интернет-коммуникации ее жителей и подтверждение ее активного использования.

В ряде современных исследований региональной языковой специфики регионов считаем необходимым упомянуть исследование Яндекса «Местные слова». Для сбора данных по всем регионам использовалась блог-платформа Яндекс.Дзен: исследователями в сотрудничестве с искусственным интеллектом были проанализированы публикации и комментарии пользователей по всей России. Подробнее процедура исследования представлена на сайте Яндекса [13]. Внедрение технологий призвано было инициировать новую эру в изучении региональной лексики, принимая во внимание сложность и невозможность для одного исследователя охватить весь спектр региональной лексики всех регионов России. Общий интерес к тщательной лексикографической работе уступил место автоматизации, которая ориентировалась на максимальный охват, скорость и низкую стоимость, что, однако, по мнению некоторых исследователей негативно сказалось на качестве [1, с. 80]. С помощью исследования Яндекса «Местные слова» нами была произведена выборка регионализмов-апеллятивов Камчатского края. В исследовательской литературе ученые наравне с регионализмом используют термины *локализм*, *провинциализм*, *городской диалектизм* и др. Вслед за исследователями региональной лексики Северо-Востока за основной термин этого исследования мы также принимаем *регионализм* [8, с. 8]. На основе представления этого термина в различных исследовательских работах, под регионализмами-апеллятивами мы понимаем имена нарицательные, обозначающие предметы и явления окружающих реалий, функционирующие на определенной территории [3; 6].

Выборка составила 10 лексем. Также нами было отобрано 10 лексических единиц с помощью Интернет-ресурса – группы ВКонтате «ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ #КАМЧАТКА». Пользователям было предложено написать слова, которые, по их мнению, активно используются только в Камчатском крае.

С точки зрения лексикографического представления каждого регионализма-апеллятива в Интернет-коммуникации жителей Камчатского края мы считаем необходимым дать следующую информацию:

- 1) лексическая единица;
- 2) определение лексической единицы, функционирующее в Интернет-пространстве и сформированное на основе мнения пользователей;
- 3) пример употребления лексической единицы из Интернет-коммуникации жителей Камчатского края (с сохранением авторской орфографии и пунктуации) [10, с. 214]. Для поиска необходимых контекстов употребления были выбраны следующие площадки: группы ВКонтате «ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ #КАМЧАТКА» [14], «Тихо, это Камчатка» [17], «КАМЧАТКА Рыбалка Туризм сопровождение» [12], «ДПС Камчатка» [11] и камчатский форум «ПКФорум» [15]. Представляем список слов, для которых была проведена эта работа.

Аргамак ‘детский снегокат’. «А у меня Чук и Гек был! (*аргомак* уж очень крутая тачка по тем временам) Тяжелый зараза, пока в гору запрешь...» [15].

Берингия ‘традиционная гонка на собачьих упряжках, которая проводится ежегодно в марте’. «Весной 2019 года, я принял участие в качестве волонтера в традиционной Камчатской гонке на собачьих упряжках **Берингия** 2019. Гонка продолжалась 22 дня, пройдено 1350 км, участвовало 18 собачьих упряжек и каюров» [14].

Бракуша ‘браконьер; человек, занимающийся рыболовством или охотой в запрещенном месте или запрещенным способом’. «Хотя другие, кто не рыболов-любитель, а добытчик (читай - **бракуша**) преспокойно чаву на Малолагерной дербанят. Куда катимся...» [15].

Вахтовка ‘транспортное средство для перевозки вахтовой бригады или туристов в условиях полного бездорожья, по лесным просекам и болотистым почвам’. «Водопад Спокойный можно увидеть на экскурсии в Малую долину гейзеров (3 тр на **вахтовке**) на обратном пути. От места парковки примерно 1,5 км» [14].

Вкатывать ‘нравится, радовать, приносить удовольствие’. «— никогда бы не подумала, что караоке может так **вкатить**» [15].

Гопка ‘небольшая группа людей; гоп-компания’. «Двое **гопарей** (один в кепке, иругой в белой курткой *tnf*) и их **гопка**, подходят к рандомным челам и поясняют за их шмот и прическу» [17].

Гравийка ‘дорога, покрытая гравием’. «Дорога, по камчатским меркам, хайвей: трасса федерального значения Петропавловск-Камчатский - Усть-Большереецк. А в сторону - такая же **гравийка**, только поуже» [15].

Гусянка ‘гусеница на колесах у танка, трактора и прочих самоходных машин’. «Согласно третьей версии, у машины «слетела **гусянка**, колонна ушла, а 214-я, перевязочная, БРЭМ и еще две БМП остались. **Гусянку** натянули, но тут подоспели боевики...» [15].

Евражка ‘камчатский суслик’. «Здравствуйте. Может кто-то может подвезти к **евражкам** 2их человек. Экскурсию брать не хотим, чтобы никто не подгонял, просто хотим посвятить время **евражкам**, заплатим, пишите в лс» [14].

Корефан ‘друг, приятель’. «А у меня **корефан** однажды пионерский значок прям к соску пристегнул через школьную форму. Не, он нормальный, просто сильно любил партию-Ленина, пионэрофф, и очень торопился в школу» [15].

Красница ‘рыба нерка’. «Гольца было мало...еще неделю назад клевало намного лучше. **Красница** и кета прошли, за ними ушел и голец» [15].

Кукси ‘лапша быстрого приготовления’. «А во-вторых, как жена МЧС-ника, возьмите себе за правило, что тревожный чемоданчик (смена трусов и носков, термобелье, куртка, шапка и пр., еда на пару дней - консервы, **кукси**, шоколад, чай, сахар, индивидуальная посуда) должен стоять в коридоре ВСЕГДА в полной боеготовности» [15].

Малкинская ‘минеральная вода «Малкинская», месторождение которой находится на правом берегу реки Быстрой, г. Елизово’. «В детстве ты думал, что минеральная вода может быть только **малкинской**. Или вообще думал, что Малкинская и минеральная вода - синонимы» [14].

Материк ‘вся территория России, которая находится за пределами полуострова Камчатка’. «Взамен на информацию, готова привезти то, что вам будет нужно с **материка** (одежда, игрушки, косметика, может что-нибудь ещё что разрешено везти багажом. Переезд планируется в начале марта)» [14].

Микрик ‘маршрутка, микроавтобус’. «агон пезж, гении которые в 104 **микрике** где-то в 17.30 подключились к колонкам автобуса, или принесли свою, и включали какие то звуки, ну вы приколисты конешина» [17].

Мишак ‘медведь’. «А еще и **мишаки** похожие по размерам на лосей , проносящиеся по берегу , как пенсионеры опаздывающие на почту . Короче , нам было весело!» [12].

Пурга ‘сильная метель, может сопровождаться снегопадом’. «Хочешь вспомнить, что живёшь на Крайнем Севере? Выход есть! Спонсор твоего зимнего настроения - "Внезапные **пурги** и снег ночью"!» [17].

Сопка ‘холм, гора с округлой вершиной, потухший или действующий вулкан’. «24-летний парень решил взобраться по отвесному склону недалеко от батареи Максutowa в камнеопасной зоне **сопки** и не смог спуститься. Его понемногу стаскивало вниз» [14].

Темпер ‘температура’. «Коронавирус я не вижу. Слышу от людей- был **темпер**, лечили от коронавируса. Нет, для меня это не достаточно, чтобы поверить в именно этот вирус», «В Палане три года назад **темпер** зимой поднялся на +14 градусов, снег весь потаял потом началась зима» [15].

Фазенда ‘дача’. «Только на Богамах, и только **фазенда** у моря, чтобы валяться на пляже и все равно писать, жаловаться, просить» [15].

Шатун ‘медведь, который не впал в спячку либо проснулся раньше положенного времени’. «Вот если в январе мишак не спит, то это не порядок, это **шатун**, такого надо отстрелить, так как это опасность, но не сейчас, когда еще нормально не спать для медведей» [15].

Анализ тематической направленности представленных в исследовании регионализмов-апеллятивов не позволяет выделить наиболее активную тематическую группу, характерную для региолекта Камчатского края. Таким образом, можно сделать вывод о том, что регионализмы-апеллятивы относительно одинаково используются во всех сферах жизни жителей полуострова.

Также был проведён отбор неофициальных топонимов, то есть названий городских объектов, которые не зафиксированы в официальных документах [3; 9]. Исследование этой группы локально ограниченной лексики имеет большое значение, поскольку позволяет глубже понять местные реалии. В отличие от официальных наименований, неофициальные топонимы не имеют устойчивого статуса и не включаются в официальные реестры, однако они ярче отражают особенности городской жизни, передавая атмосферу и характер определённого исторического периода. На сегодняшний день изучена неофициальная топонимика множества городов, среди которых Красноярск (Л.З. Подберёзкина), Иркутск (Р.В. Попова, Л.Г. Рябова), Саратов (О.Б. Сиротинина, Н.В. Свешникова), Приморский край (О.Л. Рублёва), Северодвинск (Р.В. Попов), Стерлитамак (Е.А. Торохова), Ярославль (Р.В. Разумов), Смоленск (Д.В. Бутеев), Новосибирск (И.В. Ливинская, А.И. Матвеев) и многие другие [5, с. 51].

Так как исследования и словники неофициальных топонимов Камчатского края и города Петропавловска-Камчатского отсутствуют, нами была разработана анкета, с целью выявления их наличия и использования в Интернет-среде. Респондентам предлагалось ответить на следующий вопрос: «Какие неофициальные названия мест на территории Камчатского края вы знаете? Приведите примеры с указанием адреса. Если вы знаете, почему их так называют, дополните свой ответ». В опросе приняли участие только жители Камчатского края. По итогам опроса было выделено 20 неофициальных топонимов, в дальнейшем к каждому из них был подобран пример использования в Интернет-дискурсе жителей Камчатского края.

С точки зрения лексикографического представления каждого неофициального топонима в Интернет-коммуникации жителей Камчатского края мы считаем необходимым дать следующую информацию:

- 1) лексическая единица;
- 2) официальное название и примерный адрес;

3) пример употребления лексической единицы из Интернет-коммуникации жителей Камчатского края (с сохранением авторской орфографии и пунктуации). Ниже представлен список найденных и обработанных неофициальных топонимов Камчатского края.

БАМ ‘микрорайон Горизонт, г. Петропавловск-Камчатский’. «04.03.25 20:31 на **баме** были замечены инопланетяне, прошу анонимно, то вдруг меня вычислят...» [17].

Бомбежка ‘военный полигон Радыгино, г. Петропавловск-Камчатский’. «Ребята, не позволяйте себе и своим друзьям, превращать в пыльную пустыню окружающие зеленые ландшафты. У нас, немало мест, где можно проявить свое мастерство и потренироваться, это и **бомбежка**, и трассы на отрогах Козельского и др.» [15].

Гора Колдуниха ‘гора Сельдевая, г. Вилючинск’. «Как уже сообщало "Радио 3" в Вилючинске туристам теперь запрещено кататься на склонах **горы Колдуниха**. На это есть решение прокуратуры» [15].

Грузинка ‘дорога, соединяющая районы Сероглазка и Силуэт, г. Петропавловск-Камчатский’. «Может нужно скорректировать время выпуска большегрузов, контейнеровозов и бензовозов так что бы они не затрудняли движение в часы пик, в идеале им бы полосу отдельную и дорогу бы не убивали, **грузинка** через месяц вся в дырах будет» [11].

Дачная ‘микрорайон 6 км, г. Петропавловск-Камчатский’. «На **дачной** машинка загорелась, всё хорошо, уже потушили» [17].

Домашние вулканы ‘группа вулканов: Корякская сопка, Авачинская сопка, Козельский вулкан’. «И вот я стою на вершине одной из сопки в городе, передо мной Корякский вулкан, ласково называемый "**домашним**", а внизу миллионами огоньков расстилается тот самый Петропавловск-Камчатский» [14].

ЖБФ ‘район на улице Индустриальной, г. Петропавловск-Камчатский’. «На проезжей части справа, если ехать в сторону **ЖБФ**, сразу после развилки СРВ-ЖБФ стоит на аварийке синий "Фит", а рядом тренога с аппаратурой (видеокамерой?) направленной в сторону АЗС...» [11]. Также с помощью опроса был найден топоним баночка ‘конечная остановка района ЖБФ’ (упомянули несколько человек). Однако, контекст употребления найти не удалось.

Капай ‘район на улице Тундровой, г. Петропавловск-Камчатский’. «Нашли собаку, в районе **капай**, чипированная, девочка. Просьба сообщить о любой информации о хозяине. Если хозяин не найдётся, то отдадим в добрые руки» [14].

Кирпичики ‘район на улице Дальней, г. Петропавловск-Камчатский’. «Внимание! В Петропавловске бродит медведь! Медведь бродит в Петропавловске – косолапый замечен вблизи микрорайона **Кирпичики**. Об этом жителей и гостей краевой столицы предупреждает МЧС» [14].

Молчанка ‘район 8 км, г. Петропавловск-Камчатский’. «Петропавловск-1996, ч.2 - виды от Силуэта вниз и **Молчанка** (видео)» [14].

Нинкин камень ‘камень на берегу бухты Крашенинникова, г. Вилючинск’. «Река Безымянная и **Нинкин камень**. Почему Нинкин? Надо спросить у Нинок, а лучше у топонимистов» [14].

Паратунка ‘базы отдыха с термальной водой, Елизовский район’. «Добрый вечер хочу выразить огромную благодарность людям, которые спасли мою дочь В **Паратунка** солнечный. благодарит мужчине который нашёл и поднял с воды. Девушки которая до приезда скорой не отпускала из рук» [17].

Питер ‘г. Петропавловск-Камчатский’. «Уважаемые камчатцы!!! Подскажите сайты где можно выбрать дом от застройщика. Сами с материка, хотим построить и переехать в свой дом в **Питере**)» [14].

Район семи ветров ‘район в поселке Рыбачий, г. Вилучинск’. *«Доброго дня времени! скажите пожалуйста, кто нибудь есть в этой группе с Рыбачего, с семи ветров? ответьте, очень жду»* [14].

Сероглазка ‘район, расположенный вдоль Авачинской губы по склонам Мишенной сопки, г. Петропавловск-Камчатский’. *«Потеряла телефон iphone 8 белый, в ночь с 7 на 8 января в районе сероглазки, (примерно по дороге от домика в деревне до беринга 28, возможно в такси, на котором ехала)»* [17].

Силуэт ‘район на улице Горького, г. Петропавловск-Камчатский’. *«Ищу компанию для пробежки, район силуэт. Кто готов принять вызов пишите в лс»* [17].

Сопка любви ‘Никольская сопка, г. Петропавловск-Камчатский’. *«Напомню, что она со мной гуляла по набережной (сопка любви) в фиолетовом платье и она очень была красива, хочется б её найти...»* [17].

Тещин язык ‘подъем от кольца 11км к стеле, г. Петропавловск-Камчатский’. *«через тещин язык ? (во всяком случае так раньше шла дорога из города в аэропорт Елизово) ...»* [15].

Трое непьющих ‘памятник пограничникам на площади Дзержинского, символизирующий 3 рода войск, охраняющих границы Камчатского края, г. Петропавловск-Камчатский’. *«Самое безлюдное время с 6 до 7, причем бежать можно вдоль дороги до Креста, до кольца Нового рынка и памятника трем непьющим. А возвращаться через Силуэт»* [15].

Шанхай ‘частный сектор на улице Тундровой, г. Петропавловск-Камчатский’. *«Никогда такого не было и вот опять – дорогу после военной бомбежки напоминает одна из центральных трасс в Петропавловске. Речь идет о федеральной магистрали на Шанхае и в районе авторынка»* [14].

Анализ тематической направленности представленных неофициальных топонимов позволяет сделать выводы о том, что наиболее активно в региолекте Камчатского края представлена тематическая группа названий районов, микрорайонов и территорий, а также группа названий природных объектов.

Не только для лингвиста, но и для человека, не знакомого с региональной лексикой какого-либо региона, крайне интересной представляется информация об этимологии региональной лексики – причинах определённого наименования объектов, их истории, а также о словообразовательных моделях, лежащих в основе формирования региональной лексики. Нами были проанализированы выявленные лексические регионализмы с точки зрения их образования. Анализ показал, что преимущественным способом словообразования регионализмов Камчатского края является неморфологический способ (а именно 60 % лексических единиц образованы лексико-семантическим способом с помощью метонимического и метафорического переносов). В основном таким способом образованы неофициальные топонимы.

Морфологическим способом, преимущественно суффиксальным, образованы 33 % анализируемых лексических единиц, в основном регионализмы-апеллятивы.

Интерес вызывает информация о происхождении и причинах появления специфических наименований рассматриваемых объектов. Их уточнение позволит глубже погрузиться в историю, культуру и особенности местной действительности. В процессе анкетирования местным жителям было предложено прокомментировать причины или историю формирования названий для указанных ими объектов. Представим данные по некоторым неофициальным топонимам, которые были получены с помощью этого инструмента (информация основывается на комментариях респондентов, которые указывали неофициальные топонимы в анкетировании).

БАМ – назван по аналогии с Байкало-Амурской магистралью из-за своей отдаленности.

Гора Колдуниха – названа так, потому что находится вблизи горы «Колдун».

Бомбежка – полигон, до которого долетали породы во время извержения вулкана.

Дачная – жилой район на территории, с которой раньше ходил автобус в сторону дачных участков.

Домашние вулканы – группа вулканов, которые видны из окон домов г. Петропавловска-Камчатского.

ЖБФ – жилой район расположен вблизи бывшей жестяно-баночной фабрики.

Капай – жилой район расположен на территории, где раньше копали первые землянки.

Кирпичики – жилой район на территории, где протекает река Кирпичная.

Район семи ветров – расположен на сопке, из-за чего продувается со всех сторон ветром.

Сероглазка – жилой район «Сероглазка» получил название в честь сероглазой девушки, которая работала медсестрой во время войны в 1854 года в военной части, расположенной в этом районе.

Силуэт – жилой район на территории, где раньше находился магазин одежды «Силуэт».

Сопка любви – сопка, которая раньше служила местом встреч для влюбленных.

Трое непьющих – памятник пограничникам, который получил свое название в результате шутки во время «сухого закона».

Шанхай – частный сектор на ул. Тундровой, где раньше жили мигранты из Китая.

Несмотря на то, что информация об истории и причинах специфических наименований представленных объектов требует уточнения, ее наличие позволит еще больше углубиться в историю, культуру и специфику местных реалий. Стоит отметить, что не все неофициальные топонимы одинаково хорошо известны всем жителям региона и города Петропавловск-Камчатский, поэтому выявление географических, социологических и возрастных характеристик жителей региона, использующих тот или иной неофициальный топоним, представляет собой перспективное направление для дальнейших исследований.

Заключение. Таким образом нами была проведена работа по выявлению и подтверждению функционирования лексических регионализмов в Интернет-коммуникации жителей Камчатского края.

Исследования региональной лексики, в том числе неофициальной топонимики и представление подтверждающих контекстов их употребления в активной с точки зрения коммуникации Интернет-среде, позволит существенно расширить существующие словари камчатских говоров, представить реалии региона во всем его разнообразии, а также может служить базой для составления туристических карт местности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беликов В.И. Корпусная региональная лексикография: принципы, методы и предварительный результат / В.И. Беликов, А.О. Дубяга, Л.Ю. Рванова, В.П. Селегей // Корпусная лингвистика : по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». – Вып. 20. – М. : РГГУ, 2021. – С. 79–93.
2. Ильинская Н.Г. Словарь камчатских говоров (опыт составления) / Н.Г. Ильинская, Е.Е. Королева // Исследования по славянской диалектологии 19–20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. – М. : Институт славяноведения РАН, 2018. – С. 159–170.
3. Майоров А.П. Региолект и регионализмы в современной языковой ситуации России / А.П. Майоров // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2016. – Т. 75, № 1. – С. 51–55.

4. Матвеева И.В. Проблемы создания словарей регионально окрашенной лексики / И.В. Матвеева // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. – 2021. – Вып. 3. – С. 72–78.
5. Матвеева И.В. Лексические регионализмы Новосибирска: типология и лексикографическая интерпретация : монография / И.В. Матвеева. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2024. – 216 с.
6. Матвеева И.В. Типология регионализмов и их лексикографическая интерпретация (на материале лексики г. Новосибирска) : дисс. ... канд. филол. наук / И.В. Матвеева. – Новосибирск, 2021. – 243 с.
7. Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского национального языка: к вопросу о его формировании и специфике / Е.А. Оглезнева // Региональные варианты национального языка : материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции / науч. ред. А.П. Майоров. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 2013. – С. 81–83.
8. Резвухина Ю.А. Колымская региональная лексика 20-х – начала 30-х годов XX века : автореферат дис. ... канд. филол. наук / Ю.А. Резвухина. – М., 2014. – 19 с.
9. Соколянская Н.Н. Региональная лексика Крайнего Северо-Востока России / Н.Н. Соколянская // Евразийское Научное Объединение. – 2015. – Т. 2. – С. 143–146.
10. Танасьева А.А. Типологизация региональной лексики Камчатского края / А.А. Танасьева // Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве : сборник статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Саратов, 1 ноября 2024 г.) / [О.Ю. Авдеевнина, И.С. Анашкин, В.Н. Базылев и др.] ; [редкол.: Е.А. Елина, О.Ю. Авдеевнина, С.С. Фолимонов] ; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов : Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2024. – С. 210–217.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. ДПС Камчатка // Одноклассники [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ok.ru/kamchatkadps> (дата обращения: 19.05.2024).
12. КАМЧАТКА Рыбалка Туризм сопровождение // ВКонтакте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/kamchatka_fishing (дата обращения: 19.05.2024).
13. Местные слова в поисковых запросах // Яндекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.ru/company/researches/2021/local-words> (дата обращения: 07.11.2024)
14. ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ #КАМЧАТКА // ВКонтакте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/petropavlovskkamchatskiy> (дата обращения: 19.05.2024).
15. ПКФорум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pkforum.ru/index.php> (дата обращения: 19.05.2024).
16. Словарь русских говоров Камчатки. Вып. 1. (А–Б) / авторы-составители Н.А. Григоренко, А.П. Каргина, О.В. Малоземлина. – Петропавловск-Камчатский, 2024. – М. : Издательство «Перо», 2024. – 320 с.
17. Тихо, это Камчатка! // ВКонтакте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/tixokam> (дата обращения: 19.05.2024).

REFERENCES

1. Belikov V.I., Dubiaga A.O., Rvanova L.Iu., Selegei V.P. (2021) Korpusnaia regionalnaia leksikografiia: printsipy, metody i predvaritelnyi rezultat [Corpus regional lexicography: principles, methods and preliminary results]. Korpusnaia lingvistika : po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog». – Вып. 20. [Corpus linguistics: materials of the annual international conference "Dialogue". – Issue 20] (pp. 79–93). Moscow : RGGU (in Russian).
2. Ilinskaia N.G., Koroleva E.E. (2018) Slovar kamchatskikh govorov (opyt sostavleniia) [Dictionary of Kamchatka Dialects (an attempt of compilation)]. Issledovaniia po slavianskoi dialektologii 19–20. Slavianskie dialekty v sovremennoi iazykovo situatsii. Dialektnyi slovar kak sposob issledovaniia slavianskikh dialektov [Research in Slavic Dialectology 19–20. Slavic Dialects in the Modern Language Situation. Dialect Dictionary as a Method of Studying Slavic Dialects] (pp. 159–170). Moscow: RAN (in Russian).
3. Maiorov A.P. (2016) Regiolekt i regionalizmy v sovremennoi iazykovo situatsii Rossii [Regiolect and regionalisms in the modern linguistic situation of Russia]. Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriiia literatury i iazyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series] / Vol. 75, No. 1. (pp. 51–55) (in Russian).
4. Matveeva I.V. (2021) Problemy sozdaniia slovarei regionalno okrashennoi leksiki [Problems of creating dictionaries of regional vocabulary]. Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiiia. Vyp. 3. [Bulletin of the Buryat State University. Philology. Issue 3.] (pp. 72–78) (in Russian).

5. Matveeva I.V. (2024) *Leksicheskie regionalizmy Novosibirska: tipologiya i leksikograficheskaya interpretatsiya* [Lexical regionalisms of Novosibirsk: typology and lexicographic interpretation]. Novosibirsk : NGTU (in Russian).
6. Matveeva I.V. (2021) *Tipologiya regionalizmov i ikh leksikograficheskaya interpretatsiya (na materiale leksiki g. Novosibirska)* [Typology of regionalisms and their lexicographic interpretation (based on the vocabulary of Novosibirsk)] (Candidate dissertation) Novosibirsk, 243 p. (in Russian).
7. Oglezneva E.A. (2013). *Dalnevostochnyi regiolekt russkogo natsionalnogo iazyka: k voprosu o ego formirovani i spetsifike* [Far Eastern regional dialect of the Russian national language: on the issue of its formation and specificity]. *Regionalnye varianty natsionalnogo iazyka : materialy vserossiiskoi (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf.* [Regional variants of the national language: materials of the all-Russian (with international participation) scientific conference] (pp. 81–83). Ulan-Ude (in Russian).
8. Rezvukhina I.A. (2014) *Kolymskaya regionalnaya leksika 20-kh – nachala 30-kh godov XX veka* [Kolyma regional vocabulary of the 20s – early 30s of the 20th century] (abstract of PhD thesis), 19 p. Moscow (in Russian).
9. Sokolianskaya N.N. (2015) *Regionalnaya leksika Krainego Severo-Vostoka Rossii* [Regional vocabulary of the Russian Far North-East]. *Evrasiiskoe Nauchnoe Obiedinenie* [Eurasian Scientific Association], 2, 143–146 (in Russian).
10. Tanaseva A.A. (2024). *Tipologizatsiya regionalnoi leksiki Kamchatskogo kraia* [Typology of vocabulary of Kamchatka region]. *Russkii iazyk i literatura v professionalnoi kommunikatsii i multikulturnom prostranstve* [Russian language and literature in professional communications and multiculturalism] (pp. 210–217) Saratov (in Russian).

Поступила в редакцию 19.01.2025 г.

REGIONAL VOCABULARY OF KAMCHATKA REGION IN INTERNET COMMUNICATION

I.V. Matveeva, A.A. Tanasyeva

The article is devoted to the study of regional vocabulary of Kamchatka region in Internet communication. The authors examine the features of functioning of local words and informal toponyms in the Internet environment. The research is related to analysis of peculiarities of functioning of regional words, which have arisen under influence of cultural-historical and natural conditions of the region. The article emphasizes the relevance of creating lexicographic publications of regional vocabulary and considers their specificity. The material was made up of comments and publications of platform users on social networks, as well as data from local residents' surveys. The paper presents a sample of characteristic regionalization-appellations and informal regional toponyms, their definitions and examples of use in Internet discourse. Historical and socio-cultural factors of formation of Kamchatka dialect are highlighted. The main results show that regionalisms reflect unique realities of Kamchatka. The work highlights the importance of such studies for the development of lexicography and popularization of regional cultural heritage.

Key words: regional vocabulary, Kamchatka region, lexical regionalisms, informal toponymy, Internet communication, dictionaries of regional vocabulary, Kamchatka dialect, local identity.

Матвеева Ирина Владимировна.

Кандидат филологических наук.
Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Российская федерация.
Старший преподаватель кафедры филологии.
ORCID 0009-0001-1501-3109.
E-mail: irina.matveeva1@mail.ru.

Matveeva Irina Vladimirovna.

Candidate of Philology.
Novosibirsk State Technical University, Russian Federation, Novosibirsk.
Senior lecturer of Philology Department.
ORCID 0009-0001-1501-3109.
E-mail: irina.matveeva1@mail.ru.

Танасьева Анна Александровна.

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Российская федерация.
ORCID 0009-0005-7000-4298.
E-mail: tanasevaan@mail.ru.

Tanasyeva Anna Alekseevna.

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Российская федерация.
ORCID 0009-0005-7000-4298.
E-mail: tanasevaan@mail.ru.

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.15301333

МАРКЕРЫ КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА В ПОЭЗИИ МАХТУМКУЛИ ФРАГИ

© 2025 Н.И. Кутлимурадова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северный государственный университет»

ORCID 0009-0006-5480-660X

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Данная работа представляет собой анализ произведений Махтумкули – известного туркменского поэта XVIII в. Цель исследования – рассмотреть языковые единицы художественного пространства в творчестве классика. Материалом для анализа служит сборник стихотворений национального поэта, переведённый на русский язык. В работе использованы методы семантического и лексикографического анализа. Категория пространства универсальна для всех языков, однако его восприятие и актуализация в языке зависит от индивидуально-авторской картины мира. В поэзии Махтумкули пространство вербализируется на лексико-морфологическом уровне – существительными, наречиями, предлогами. Слова, называющие объекты флоры и фауны экзотической страны, также служат средством для актуализации пространственной категории. В ЛСГ пространства входят географические понятия, номинации общественных учреждений, хозяйственных построек, жилища человека, мест обитания зверей и птиц и др. Тексты Махтумкули содержат множество топонимов, в которые входят названия планет, стран, городов, морей, рек, гор, мифологических пространств. Они вербализуют мировоззренческие представления автора, которые тесно связаны с исламом. Пространственную информацию о лирическом герое содержат антропонимы. Рассматривается экзотическая лексика, которая придаёт особый колорит, инаковость текстам.

Ключевые слова: Махтумкули, туркменская поэзия, художественное пространство, лексический маркер, объективное пространство, субъективное пространство, мифологическое пространство.

Для цитирования: Кутлимурадова Н.И. Маркеры пространства в поэзии Махтумкули Фраги / Н.И. Кутлимурадова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 3. – С. 70–80. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15301333>.

Введение. Махтумкули Фраги – национальный поэт, почитаемый туркменским народом, он является основоположником литературного туркменского языка. В 2024 г. исполнилось 300 лет со дня рождения лирика. Ещё в XIX в. исследователи начали изучать труды Махтумкули. Среди них – А. Ходзко, А. Вамбери, В.В. Бартольд, А.Н. Самойлович, Б.А. Каррыев и другие учёные, посвятившие ряд работ наследию поэта.

Цель статьи – выявить и описать языковые средства реализации категории пространства в русских переводах поэзии Махтумкули Фраги. Лингвистический анализ обозначенного материала позволит проследить, какие образы формируются у русскоязычного читателя при интерпретации текстов национального туркменского поэта. Подобные исследования, на наш взгляд, нацелены на понимание взаимодействия разных лингвокультур, в том числе – в границах художественного континуума.

Категория *пространства* является объектом изучения многих наук – философии, психологии, литературоведения, искусствоведения, филологии и т.д. В работах классиков и современных учёных (Ю.М. Лотман, В.Г. Гак, О.Н. Селиверстова,

Е.Е. Яковлева, И.С. Бороздина, Н.В. Лягушкина, Е.И. Атаманская и др.) представлен филологический анализ данного понятия. Пространство относится к базовым концептам и взаимосвязано с категориями места, времени, события и движения. С точки зрения исторического происхождения, *пространство* является вторичным концептом по отношению к концепту *место* [7, с. 86]. Пространство художественного произведения «представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» [8, с. 252].

В.Н. Топоров пишет, что слово *пространство* обладает исключительной семантической ёмкостью, его «внутренняя форма апеллирует к таким смыслам, как "вперёд", "вширь", "вовне"» [14, с. 239].

В.Г. Гак считает, что пространство имеет первостепенное значение в процессе познания окружающего мира, в овладении языком и его использовании [2]. Он выделяет следующие составляющие внутренней структуры семантического поля *пространство*: тип; организация; относительность; направления; меры; восприятие [2, с. 127].

Н.И. Каримова провела анализ ЛСП *пространство* на материале «Русского семантического словаря» и выявила четыре значения данной лексики: 1) форма существования материи, которая развивается бесконечно и характеризуется протяжённостью и объёмом; 2) место, охватываемое зрением и не ограниченное видимыми пределами; 3) промежуток между чем-нибудь, где что-нибудь вмещается; 4) широкая, обычно неограниченная сфера распространения чего-нибудь [5]. Л.В. Бронник выделяет три категории пространства: онтологическую наивную (обыденную) языковую категорию (концепт), онтологическую научную категорию и методологическую категорию [1].

Применительно к локализации объектов, пространство может иметь вертикальный или горизонтальный релятум (по определению О.Н. Селиверстовой и Т.Н. Маляр) [11]. К первому типу относятся предметы, воспринимаемые как параметры высоты (*горы, жилища, города* и др.); ко второму – релятумы, не имеющие высоты (*поля, реки, океаны* и др.). Горизонтальные релятумы, по сути, имеют незначительную высоту, однако в наивной картине мира представляются как лишённые вертикального размера.

Анализируя текст, необходимо выделять следующие уровни: «пространство реальных событий – пространство интерпретации событий – вербальное пространство» [12, с. 13]. В поэтическом произведении пространство предстаёт как сложный образ, объединяющий предметные, темпоральные, психологические аспекты.

Несмотря на значимость этого образа в поэзии туркменского классика, средства его создания и место в целостной поэтической системе остались вне внимания филологов. Точечные исследования топонимов проведены Г. Гельдиевым в [16].

Методы и материал исследования. В работе применены такие лингвистические методы, как семантический анализ, лексикографический анализ. Материалом исследования послужил переводной сборник стихотворений Махтумкули, опубликованный в 1983 г. [17], в котором содержится 274 стихотворения.

Основная часть. Пространство в текстах Махтумкули вербализируется преимущественно существительными, наречиями и предложениями. Наличие в текстах точной пространственной локализации облегчает восприятие и настраивает читателя на определённую информацию. Топонимы и нарицательные пространственные маркеры несут экстралингвистическую и содержательно-фактуальную информацию, создавая ассоциативный континуум и образность текста, под которыми понимается «способность текста вызывать в сознании адресата образы различной природы» [13, с. 35]. Пространственно-временные образы затрудняют интерпретацию поэтического текста

для читателя, не владеющего необходимыми пресуппозициями. Ю.М. Лотман писал: «Семиотика пространства имеет исключительно важное, если не доминирующее, значение в создании картины мира той или иной культуры» [9, с. 205]. По мнению ученого, данное явление связано со спецификой пространства и культурой. Так создается образ мира, пространственная модель универсума.

Рассмотрим пример из стихотворений:

*Я – раб любви, гоклен с Атрека,
Властительницу чар ищущу* [17, с. 94].

*Коль спросят путники про меня, скажите, лицо клоня:
«Гоклен он родом, с Атрека он, а имя – Махтумкули»* [17, с. 152].

Гидроним *Атрек* (река в Туркменистане) способствует пробуждению в сознании читателя исторических, социальных, культурных коннотаций, которые закреплены за ними в туркменской культуре. Автор сообщает о себе реальную информацию: страну рождения, принадлежность к племени (*гоклен*). Носитель русской лингвокультуры, не имея необходимых фоновых знаний, может конкретизировать информацию, обратившись к различным источникам, или воспринимать экзотизмы в их специфической функции – поэтической («форма ради формы», «текст как препятствие» и т.п.).

В текстах Махтумкули встречаются следующие топонимы: *Аму(дарья), Атрек, (Кесе-)Аркак, Ахал, Афганистан, Багдад, Балканские горы, Булгар, Венера / Зохране, Габеш, Герат, Гурджистан, Гурген, Дамаск, Дехистан, Дешти-Дахан, Джейхун, Ерусалим, Индия / Индостан / Хинд / Хиндостан, Ирак, Иран, Исфаган, Земзем, Зеравшан, Зумаил, Кааба, Каф-гора, Кенган, Кербела, Красное море, Кульзум, Кыпчак, Лагор, Мазандеран, Мары, Медина, Мекка, Мешхед, Миср, Млечный Путь, Недж, Нил, Нишапур, Рум/Румистан, Сакар, Сафа, Синай, Сират, Сонги-даг, Содом, Тегеран, Туран, Туркестан, Туркмения, Хазарское море, Хива, Хорасан, Хорезм, Франгистан, Чин-Мачин, Шам, Шебистан, Ширван, Ширгази, Эдем*.

Данный список можно поделить на группы по степени их культурной близости читателям переводов на русском языке: от общеупотребительных номинаций, сохранившихся в современности (*Красное море, Афганистан* и т.п.), до ядерных экзотизмов (*Шебистан, Миср* и др.).

В антропонимах содержится дополнительная информация, имеющая пространственный характер: место проживания, происхождение, социальное положение. В сборнике Махтумкули встречаются следующие антропонимы: *Абу-Талейб, Азра, Азраил, Али (Али-Шахимердан), Бахауддин (Бехауддин), Баязид и Вейс (Увейс-Карани), Варка, Гёр-оглы (Гор-оглы, Кёр-оглы), Гюль-Ферхар, Давид (Дауд, Давуд)* и другие. В отличие от топонимов, все слова этой группы сохраняют ощущение инакости, экзотичности для русского читателя.

Приведем пример:

*Султаном доблестных мужей
Могучий был Чоудор-хан* [17, с. 275].

Чоудор-хан был ближайшим соратником поэта, воином, прославленным предводителем туркмен; погиб в бою за свободу родной земли [17, с. 405]. В те времена ханами называли и полководцев. Аллюзия отсылает читателя к героическому сражению за свободу родины, апеллируя к фоновым знаниям и моделируя особое пространство текста.

Другой пример с именем героя одноимённого эпоса:

*Иль по горам, как Гёр-оглы, летая,
Услышу ли я о тебе, любимая?* [17, с. 144].

Существует множество версий этого героического произведения и во всех отмечается, что Гёр-оглы был из туркменского племени теке-йомуд. Он был борцом за честь. *Гёр* – дословно ‘могила’, *оглы* – ‘сын’, т.е. ‘сын могилы’. Для понимания поэтического образа, созданного с помощью сравнения, требуется знакомство с эпосом.

Р.И. Камалов предлагает оппозиционную модель пространства «внешнее – внутреннее» [4]. Каждое в свою очередь делится на объективные и субъективные пространства. Согласно данной классификации, большинство лексических маркеров из текстов относятся к объективному пространству. Отметим исключения:

Каф-гора – 1) название мифической горы; по сказкам, эта гора окружала землю; 2) горы Кавказа; 3) гора, где обитает птица сымруг (анка) [17, с. 405];

Сакар – 1) ад; 2) самое страшное место в аду;

Сират – 1) дорога, правильный путь; 2) мост через ад; согласно религиозным представлениям, он тоньше волоска и острее меча. В судный день прошедшие через него войдут в рай [19, с. 331];

Содом – библейский город, который был уничтожен богом;

Шебистан – буквально *страна мрака*; сказочная страна, где находится обиталище духов.

Выделим имена собственные, относящиеся к внешнему объективному пространству в наследии туркменского классика, – материальные объекты, которые не имеют замкнутой структуры:

- страны: *Афганистан, Габеш, Гюрджистан, Индия/Индостан/Хинд/ Хиндостан, Ирак, Иран, Миср, Рум/Румистан, Туркестан, Туркмения, Хорезм, Франгистан, Чин-Мачин, Шам, Шебистан*;

- города: *Багдад, Булгар, Герат, Дамаск, Ерусалим, Исфаган, Кербела, Лагор, Мары, Медина, Мекка, Мешихед, Нишапур, Тегеран*;

- местности: *Ахал, Дехистан, Дешти-Дахан, Зумаил, Кенган, Кесе-Аркач, Кыпчак, Мазандеран, Недж, Туран*;

- реки: *Аму(дарья), Атрек, Гурген, Джейхун, Зеравшан, Нил*;

- горы: *Балканские горы, Синай, Сонги-даг*;

- моря: *Красное море, Кульзум, Хазарское море*;

- планеты: *Венера/Зохре, Земля*;

- холм: *Сафа*;

- учебное заведение: *Ширгази*.

Сравним отрывок из стихотворения «Хан джигитов» [17, с. 98] (Sen soltany, Abdylla [17, с. 26]) с переводом и рассмотрим реальное и интерпретационное пространство:

Брат Абдулла, Мазандеран – твой кров,

Мазандеран – твой стан, мой Абдулла.

Я понял жребий твой: ты тех садов

И тех лугов – рейхан, мой Абдулла.

Mazanderan seniň mekanıň, ýurduň,

(Мазандеран – твой край, твоя – страна,)

Şul mekanıň sen soltany, Abdylla.

(Ты султан этих краёв, Абдулла.)

Taňgryt, nesibedir bir roýun gördüm,

(Боже, посчастливилось, однажды увидеть твоё лицо,)

Ol baglaryň sen reyhaný, Abdylly.

(Ты – рейхан тех садов, Абдулла. Перевод наш – Н. К.)

Топоним *Мазандеран* – один из иранских велятов (областей), нарицательное существительное *рейхан* – зелёное, душистое растение; вид съедобного растения; базилик, название цветка [19, с. 282] переносят читателя русского перевода в экзотическое пространство, придают загадочность. Кроме экзотической лексики, в тексте приведены общеупотребительные лексемы *кров, луга, сады*, позволяющие выявить имплицитную оценку пространства. Дополнительная имплицитная фактуальная информация содержится в маркере пространства *стан*. Согласно толковым словарям, слово означает место временного расположения, стоянки воинских или вооружённых формирований.

Итак, перевод А. Тарковского начинается с обращения к брату. *Абдулла* был старшим братом Махтумкули и, по преданию, погиб по пути в Афганистан. Поэт написал это произведение спустя девять лет разлуки, о чём упоминается в текстах.

Но при обращении к туркменскому источнику, выясняется, что вероятнее всего, стихотворение посвящено не родному брату поэта, а другому персонажу с таким же именем – иранскому шаху, который владел данными землями. Фраза о желании «увидеть однажды» подтверждает данную догадку. Махтумкули восхищался им. В одной из строк поэт пишет: «*Hökümiñden titrär Türküstan şasy*» [18, с. 26] («*От твоего указа дрожит тюркистанский шах*» – перевод наш Н.К.), что в переводе А. Тарковского «*Шах Туркестана пред тобой дрожит*» [17, с. 98] указывает на личность, обладающую властью.

Ради справедливости отметим, что некоторые исследователи [9] придерживаются взгляда, что элегия посвящена брату Фраги, аргументируя это тем, что *Абдулла* был известным человеком и пользовался большим авторитетом.

Следующая группа – имена нарицательные, относящиеся к «внешнему» объективному пространству: *владенья, водоворот, глубина, именье, камыши, кряж, край, луг(а), лужа, мир, нагорья, низина, округ(а), окоём, остров, отчизна, откос, песок/пески, площадь, предел, простор(ы), поле, поляна, порог, предел(ы), привал, просторы, пустыня, путь, равнина, река/реки, родник, роща, рубежи, ручье(я), рынок, свет, север, скалы, склоны, степь/степи, сад(ы), стойбище, строение, суша, твердь, теснина, трава, тропа/тропка, топь, торжище, удел, утёс(ы), ущелья, хребты, чужбина, цветник, ширь, юг, юдоль яма/ямы*.

Приведем пример из текста:

Был этот мир плохой опорой мне,

Остался я в пустыне с мертвецами [17, с. 202].

Пустыня – пространство, без которого невозможно представить территорию Туркмении, неотъемлемая часть картины мира туркменского народа. Данное слово употребляется в текстах сборника Махтумкули 51 раз. Перечислим словосочетания из стихотворений с лексемой *пустыня*: *барханы пустыни, беззвёздная пустыня/безводные пустыни, жизненные пустыни, звёздные пустыни, море пустынное, опалённая пустыня, песка пустыни, просторы пустынь, пустыня века, пустыни мёртвые, пустыни мировые, пустыня мирская*. Так, художественный образ *пустыни* отражает действительность в конкретном, индивидуальном явлении, которое обладает эстетическим значением.

Выделим тематическую группу слов, обозначающих глобальные географические понятия: *Венера/Зохре, земля, вселенная, луна, Млечный путь, море/моря, небо/небеса, океан, планеты, солнце*. Обратимся к тексту:

Зохре небесная взошла, –

Совсем влюблённый пьян сегодня!

Земля тюльпаном расцвела.

Вселенная – рейхан сегодня! [17, с. 195].

Зоhre – арабское название планеты *Венера*; по преданию – земное существо – женщина необыкновенной красоты, в неё влюбляются ангелы аллаха Харут и Марут, которые сообщили ей заклинание. Так *Зоhre* вознеслась на небо и стала живой звездой, вечно танцующей и поющей [17, с. 396]. В древности – богиня любви и красоты; название звезды [19, с. 149]. По народному поверью, появляется раз в сорок лет. В отрывке описывается влюблённое состояние лирического героя, когда всё кажется прекрасным и на небе (вверху), и на земле (внизу), а Вселенная сравнивается с душистым базиликом.

Экзотизм *Зоhre* – выполняет поэтическую функцию, благодаря его сочетанию с прилагательным, русскоязычный читатель может догадаться, что упомянутый объект – небесное тело, далёкое, недостижимое. Отсутствие пресуппозиции усложняет понимание значения этого слова, но читатели могут обратиться к справочному аппарату сборника.

В тематическую группу с пространственно-событийной (место протекания событий) семантикой входят (классификация проведена по [3]) лексемы, называющие:

А) жилище человека и его части: *дом, дворец, жильё/жилище, караван-сарай, кров, ночлег, обитель, притон, приют, чертог, юрта; дверь, казна, ложе, престол, трон, угол(ок);*

Б) хозяйственные постройки: *хлев;*

В) жилище зверей, птиц: *нора, логово, берлога, улей;*

Г) предприятия, организации и учреждения в зависимости от сферы деятельности:

- административно-территориальные единицы: *город, край, площадь, поселенье, селенье, столица;*
- учреждения, объекты культуры и образования и их части: *медресе, школа;*
- торговые учреждения, организации общественного питания и бытового обслуживания: *базар, лавка, мейхане, рынок, торжище;*
- транспортные средства: *корабль, лодчонка, фелука;*
- культовые организации и их части: *мечеть, твердыня, приход, храм; алтарь;*
- учреждения пенитенциарной системы и их части: *заточенье, клетка, темница, тюрьма.*

Следующая группа – ландшафтная лексика с событийным значением:

- водные пространства: *море, океан, озеро, пруд, река;*
- горные поверхности: *гора, гряда, кряж, курган, нагорья, плато, скала, склон, холм, хребет;*
- впадины и углубления: *пещера, ущелье, яма;*
- участки суши: *барханы, берег, дол/долина, низина, остров, пустыня;*
- пространства с растительностью: *гюлистан, долина, кустарник, лес, луг, поле, роща, цветник.*

К внутреннему объективному пространству отнесём слова, называющие закрытое пространство: *алтарь, башня, базар, болото, гнездо, гроб, гробница, дом, дворец, духан(ы), жаровня, жильё/жилище, заточенье, изголовье(я), казна, карман, караван-сарай, кибитка, клетка, лодчонка, ложе, храм, колодец, колчан, корабль, костёр, котёл, крепость, кров, курган, мазар, медресе, мейхане, мечеть, минарет, могила, недра, нора, ночлег, обитель, огонь, омут, пламя, подземелье, прах, престол, пристань/пристанище, притон, приют, склеп, слезы, струги, стена/стены, темница, ворота, твердыня, трон, тюрьма, убежище, угол(ок), улей, чертог, чрево, юрта.*

Приведем пример из стихотворения «Нищета влюблённого»:

*Тигр охотится в камышах,
Роем червь отсыревший прах.
Тонет нищий в горьких слезах, –
Значит, к баям попал, – клянусь [17, с. 163].*

В отрывке вербализуются два пространства – природное (верх – в камышах и низ – прах) и социальное (верх – к баям попал и низ – в слезах). Животный мир сопоставляется с человеческим миром; приводится аллегория на их форму сосуществования. Во время охоты необходимо определенное место, чтобы застать жертву врасплох; червь и тигр в данных местах добывают себе пищу; а бедный человек страдает от вседозволенности, угнетения баев (богатых). Одни в этой жизни – охотники, а другие – жертвы.

В текстах сборника используются наименования мифологического пространства: ари, ад, геенна, Кевсер, рай, Сакар, Эдем и др., которые взаимодействуют с «внешним» и «внутренним» пространством. Приведём пример:

*Яд проникнет в мозг курильщика с летами.
Зубы выпадут тогда от боли сами.
В ноздри тыковки засунут, бросят в пламя,
И душа сгорит в геенне, насатан.*

*Знай, Фраги, конца не будет тяжким карам.
Рассекут в аду твой нос одним ударом,
Водворят в тот край, что мы зовём Сакаром,
Вечных ты страшишься мучений, насатан! [17, с. 111].*

Стихотворение адресовано употребляющим нас (жевательный табак). Насатан – дословно «употребивший нас». Мозг, ноздри – место, куда направлено движение. В строфах пересекается мифологическое и реальное восприятия мира: соматизмы мозг, ноздри – чередуются с мифологическим пространством – пламя, геенна, ад, тот край, Сакар.

Субъективное пространство – взгляд лирических героев на объективное пространство [12]. Так как речь идет о художественном произведении, объективные пространства представляются субъективными, передавая восприятие лирического персонажа. Выделим маркеры психологического пространства: сон, сновиденье.

Потерявший ягненка чабан / О волках и во сне говорит [17, с. 235]; Сон здесь представляет особое пространство; для пастуха ягненок – часть его стада – средство существования; внешняя опасность – волки. В отрывке актуализируется реальная социально-значимая проблема, которая актуальна даже в психологическом пространстве.

В художественном произведении время и пространство взаимосвязаны. Рассмотрим это на примере существительного путь. В текстах сборника оно употреблено 39 раз. Путь относится к пространственным и временным концептам [10]. Рассмотрим пример:

*Азади
Ты не привык, ты молод; долог путь;
Езда ночная; негде отдохнуть;
Оставь затею вздорную, забудь.
Сбираться в путь не начинай, птенец мой! [17, с. 17].*

В первом случае видим взаимосвязь пространства и времени, т.е. измерение пространства через время. Это подтверждает бытовое измерение пространства через

время и наоборот. Во втором случае показана связь *движения* и *пространства*, которые имеют направленность.

Рассмотрим наречия с пространственной семантикой в сборнике Махтумкули: *далеко, недалеко, близко и вдали, вдалеке, вблизи*. Как отмечает Е.С. Яковлева [15], вторая группа наречий обозначает расположение чего-либо относительно говорящего в видимом ему горизонтальном пространстве, данные наречия указывают на абсолютную степень удаленности, часто с указанием расстояния: «*Мир, безжалостный мир, погружаясь в туман, зарыдал; / Закатилась луна, и вдали океан зарыдал*».

Пространственные предлоги *вблизи, вдоль, в/во, вокруг, выше, до, из, из-за, из-под, к, мимо, между, на, над, от, перед, по, под, рядом с, с, сквозь, у, через* также являются языковыми маркерами пространства. Приведем примеры их употребления в текстах поэта: «*Торжествующий голос Новруза звучит во вселенной*»; «*Сядь, отдохни, – вокруг трава медога*»; «*И не находит на земле Своей красавицы джигит*». В них локализуя объект и событие.

Предлоги *над* и *выше* указывают на местоположение лирического героя: «*Над горами туманом был*»; «*Ты воспрял бы, Махтумкули, / Выше гор, тверже скал, – клянусь*».

В русских переводах Махтумкули сохраняется пространство экзотической страны с помощью слов, называющих животных и растения. Рассмотрим поэтическую фауну в текстах туркменского поэта:

*Три радости жизни земной:
Сын, женичина, конь верховой.
Арван на дороге степной
И нер ездоками оценится* [17, с. 171].

Арван – самка верблюда; *нер* – выносливый гибрид верблюда, полученный путем скрещивания с двугорбымверблюдом [17, с. 242].

В поэзии Махтумкули используются слова с общей семой 'растение': *анашиа, бурьян, кипарис, ковыль, крины, мак, миндаль, мускус, нарцисс, рейхан, роза, тёрн, тимьян, тополь, тюльпан, цикута, чилим, шафран*. Данные лексемы, помимо своего основного значения, имеют коннотации, относящиеся к туркменской лингвокультуре, например, *анашиа* – высушенные, измельченные листья дикой конопли. Приведём пример:

*Своей бессмертной не губи души:
Дар дьявола – восторги анашии!
Что в день суда ответишь ты, скажи?
Жизнь пожалея свою, оставь куренье!* [17, с. 105].

В тексте не вербализовано пространство, однако имплицитно проводится параллель с земным миром и потусторонним миром (по исламу). В Коране дьявол – соблазнитель. Анаша относится к хараму (запрещённому, греховному деянию).

*Бог для Махтумкули – извечная краса,
Чилим же – горький дым и кейф на полчаса!..* [17, с. 104].

Слово *чилим* – папироса, сигарета, табак, а также инструмент для курения табака, кальян [19, с. 425]. Антитеза сравнивает противоположные миры по исламу: мир вечный и земной. Слова с темпоральным значением *извечная, на полчаса* подчёркивают то, к чему нужно стремиться.

Лексема *шафран* – экзотизм, заимствованный из турецкого языка. В туркменском источнике используется лексема *zagpyran*, которая заимствована из арабского *za'farān* [19, с. 139] – растение, приносящее жёлтые ароматные плоды («*В моих садах цветет шафран*»), подчеркивает экзотичность «чужого» края; в восточной литературе

может быть средством сравнения: пожелтевшее лицо героев произведений может сравниваться с данным растением («*Пожелтело лицо у меня, как шафран*»).

Темпоральное пространство художественного произведения формируется с помощью единиц, указывающих на время: слова, содержащие семантику времени; названия времён года; названия месяцев, дней недели, времени суток; названия периодов жизни человека [16, с. 51]. Приведем пример, указывающий на возрастной период:

*У джигита злой жены –
Божьей волей – да не будет!* [17, с. 48].

По Махтумкули, джигит – второй период жизни (20–40 лет) [19, с. 65]. По туркменским традициям джигиту не подобает *злая жена*. По мировоззрению мусульман, судьба предопределена богом, поэтому важна «*божья воля*».

Джигит в стихотворениях поэта обладает многими положительными качествами – храбрый («*С трусом истинный джигит / В ратном поле да не будет!*»; «*А к тридцати годам, джигит, ты стал подобьем льва; / Телу – хлеб и одежда, джигиту – враги*»), лихой («*Прошла младенчества пора, и ты – джигит лихой*»), беспрекословный («*Приказ джигиту не дается дважды*»); бесстрашный («*Джигиту битва – солнца краше*»).

Заключение. Итак, на основе анализа стихотворений Махтумкули, определены языковые средства создания образа пространства. Маркеры пространства – существительные, наречия, предлоги – выражают содержательно-фактуальную и имплицитную информацию, транслируя индивидуальное видение автора. В произведениях актуализуются как реальное пространство, так и «ирреальное», отражающее мифологическое восприятие мира в языке. Большая часть пространственной лексики субъективна, за исключением автобиографичных стихотворений. Маркеры пространства отражают специфику туркменской лингвокультуры.

Экзотизмы с пространственным значением в текстах выполняют поэтическую функцию. Переводчики Махтумкули сохраняют значительную часть экзотической лексики (*арш, гулистан, мейхане* и др.), но в некоторых текстах их заменяют на общеупотребительные лексические единицы (*гулистан – цветник, Зохре – Венера, Франгистан – Франция* и др.). Таким образом сближаются картины мира автора и читателя, что способствует пониманию чужого мировоззрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бронник Л.В. Категория пространства в языке и науке о языке / Л.В. Бронник // Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 5. – С. 2–13.
2. Гак В.Г. Пространство вне пространства / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 127–135.
3. Доолоталиева Г.С. Параметрические имена существительные в русском языке / Г.С. Доолоталиева // Вестник БГУ. – 2024. – С. 1–4.
4. Камалов Р.И. Языковая репрезентация категории пространства в оригинале и переводе художественного текста (на материале романа Н. Готорна «Мраморный фавн») / Р.И. Камалов // Вестник Башкирского университета. – 2013. – № 3. – С. 867–870.
5. Кандрашкина О.О. Лингвистический аспект изучения категорий пространства и времени в художественном тексте / О.О. Кандрашкина // Наука России. – 2018. – С. 48–52.
6. Каримова Н.И. Лексико-семантическое поле «пространство» в русском языке / И.Н. Каримова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2019. – № 2(66). – С. 140–150.
7. Кубрякова Е.С. О понятии места, предмета и пространства. Логический анализ языка. Языки пространств / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 84–92.
8. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю.М. Лотман. – М. : Просвещение, 1988. – 352 с.

9. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
10. Лягушкина Н.В. К вопросу о формировании базовых концептов: пространство / Н.В. Лягушкина // Вестник МГПУ. – 2012. – № 2. – С. 55–61.
11. Маляр Т.Н. Пространственно-дистанционные предлоги в русском и английском языках / Т.Н. Маляр, О.Н. Селиверстова. – München: Sagner, 1998. – 348 с.
12. Марьянчик В.А. Пространство медиа-политического текста как средство оценки / В.А. Марьянчик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика, 2009. – № 2. – С. 11–18.
13. Марьянчик В.А. Стилистические категории в методическом аспекте / В.А. Марьянчик // Русский язык в школе. – 2011. – № 6. – С. 33–38.
14. Топоров Н.В. Пространство и текст. Текст: семантика и структура / Н.В. Топоров. – М. : Наука, 1983. – С. 227–284.
15. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия) / Е.С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.
16. Geldiýew G. Magtymgulynyň döredijiliginde ýer-ýurt atlary we onuň poetikasy / G. Geldiýew. – A. : Ylym, 2023. – 476 s.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

17. Махтумкули. Избранное / Пер. с туркм. – М. : Худож. лит., 1983. – 414 с.
18. Magtymguly. Eserler jygyndysy / Magtymguly. – 1 jilt. – Ashgabat : Ylym neşirjaty, 2013. – 556 s.
19. Meredow A. Magtymgulynyň düşündirişli sözlügi / A. Meredow. – Günbed Kabus, 1997. – 387 s.

REFERENCES

1. Bronnik L.V. (2020). Kategoriia prostranstva v iazyke i nauke o iazyke [Category of space in language and science of language] (pp. 84–92). On the concept of place, object and space. Logical analysis of language. Languages of spaces. Moscow: Languages of Russian Culture (In Russian).
2. Gak V.G. (2000). Prostranstvo vne prostranstva [Space beyond space] (pp. 127–135). Moscow: Yazyki russkoj kul'tury (In Russian).
3. Doolotalieva G.S. (2024). Parametricheskie imena sushchestvitel'nye v russkom yazyke [Parametric nouns in the Russian language] (pp. 1–4). Vestnik BGU (In Russian).
4. Kamalov R.I. (2013). Yazykovaya reprezentaciya kategorii prostranstva v originale i perevode hudozhestvennogo teksta (na materiale romana N. Gotorna «Mramornyj favn») [Linguistic representation of the category of space in the original and translated fiction text (on the material of N. Gothorn's novel "Marble Faun")] (pp. 867–870). Vestnik Bashkirskogo universiteta, 3 (In Russian).
5. Kandrashkina O.O. (2018). Lingvisticheskij aspekt izucheniya kategorij prostranstva i vremeni v hudozhestvennom tekste [Linguistic aspect of studying the categories of space and time in the art text] (pp. 48–52). Moscow: Nauka Rossii (In Russian).
6. Karimova N.I. (2019) Leksiko-semanticheskoe pole «prostranstvo» v russkom yazyke [Lexical-semantic field 'space' in the Russian language] (pp. 140–150). Vestnik universiteta (Rossijsko-Tadzhikskij (Slavyanskij) universitet), 2 (66) (In Russian).
7. Kubryakova E.S. (2000). O ponyatii mesta, predmeta i prostranstva [On the concepts of place, time and space] (pp. 84– 92). Logicheskij analiz yazyka. Yazyki prostranstv. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury (In Russian).
8. Lotman Yu.M. (1988) V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol' [At the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol']. Moscow: Prosveshchenie (In Russian).
9. Lotman Yu.M. (1996). Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside the thinking worlds]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury (In Russian).
10. Lyagushkina N.V. (2012). K voprosu o formirovanii bazovyh konceptov: prostranstvo [To the question of the formation of basic concepts: space] (pp. 55–61). Vestnik MGPU, 2 (In Russian).
11. Malyar T.N., Seliverstova O.N. (1988). Prostranstvenno-distancionnye predlogi v russkom i anglijskom yazykah [Spatial-distance prepositions in Russian and English languages]. Moscow: Sagner (In Russian).
12. Maryanchik V.A. (2009). The space of media-political text as a means of evaluation [Prostranstvo media-politicheskogo teksta kak sredstvo ocenki] (pp. 11–18). Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika, 2 (In Russian).
13. Mar'yanchik V.A. (2011). Stilisticheskie kategorii v metodicheskom aspekte [Stylistic categories in the methodological aspect] (pp. 33–38). Russkij yazyk v shkole, 6 (In Russian).
14. Toporov N.V. (1983). Space and text. Text: semantics and structure [Prostranstvo i tekst. Tekst: semantika i struktura] (pp. 227–284). Moscow: Nauka (In Russian).

15. Yakovleva E.S. (1994). Fragmenty russkoj yazykovoj kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni, vospriyatiya) [Fragments of the Russian language picture of the world (models of space, time, perception)]. Moscow: Gnozis (In Russian).

16. Geldiev G. (2023). Magtymgulynyň döredijiliginde ýer-ýurt atlary we onuň poetikasy [Names of places and countries in the works of Makhtumkuli and his poetics]. Ýlym (In Turkmen).

Поступила в редакцию 07.02.2025 г.

MARKERS OF SPACE IN POETRY BY MAKHTUMKULI FRAGHI

N.I. Kutlimuradova

This paper deals with the analysis of works by Makhtumkuli, the famous Turkmen poet of the 18th century. The study objective is to examine the linguistic units of artistic space in the works by the classic poet. The analysis material is a collection of poems by the national poet translated into Russian. The methods of semantic and lexicographic analysis have been used in the work. The category of space is universal for all languages, but its perception and actualisation in the language depends on the individual-author's worldview. In Makhtumkuli's poetry, space is verbalised at the lexico-morphological level – by nouns, adverbs, prepositions. Words naming objects of flora and fauna of an exotic country also serve as a means for actualisation of the spatial category. The LSG of space includes geographical concepts, nominations of public institutions, household buildings, human dwellings, habitats of animals and birds, etc. The words naming objects of flora and fauna of the exotic country also serve as a means of actualisation of the spatial category. Makhtumkuli's texts contain many toponyms, which include names of planets, countries, cities, seas, rivers, mountains, mythological spaces. They verbalise the author's worldview ideas, which are closely connected with Islam. Anthroponyms contain spatial information about the lyrical hero. Exotic vocabulary, which gives a special flavour and otherness to the texts, is considered.

Key words: Makhtumkuli, Turkmen poetry, artistic space, lexical marker, objective space, subjective space, mythological space.

Кутлимурадова Назокат Искандаровна.

Северный государственный университет,
г. Архангельск, Российская Федерация.

Преподаватель кафедры иностранных языков и
русского языка как иностранного.

ORCID 0009-0006-5480-660X.

E-mail: kutlimuradova1993@gmail.com

Kutlimuradova Nazokat Iskandarovna.

Northern State Medical University, Arkhangelsk,
Russian Federation.

Lecturer of Department of Foreign Languages and
Russian as a Foreign Language.

ORCID 0009-0006-5480-660X.

E-mail: kutlimuradova1993@gmail.com

Научная статья

УДК 811.111'42

DOI: 10.5281/zenodo.15301482

ПЛАКАТ КАК ПОЛИКОДОВЫЙ МАЛОФОРМАТНЫЙ ТЕКСТ

© 2025 *Ма Цзинянь*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

ORCID: 0009-0002-9617-3805

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматривается плакат как поликодовый малоформатный текст с модульной структурой. Плакат представляет собой сложную динамическую систему, включающую иерархии кодов адресанта, адресата, национального языка и индивидуальные речевые особенности. В результатах подчёркивается, что плакат характеризуется комбинированием различных языковых кодов и нелингвистических визуальных элементов, таких как иконические знаки, изображения, графические формы и цветовые решения. Эти компоненты усиливают воздействие вербального кода и повышают выразительность плаката. Особое внимание уделяется модульности как ключевому параметру поликодности плаката. Модульная структура выражается через композицию, использование фона и рамок, а также взаимодействие визуальных и вербальных элементов. Границы рамки играют важную роль в модульных невербальных и вербальных компонентах, обеспечивая структурную целостность и функциональность плаката.

Ключевые слова: плакат, поликодовый текст, малоформатный текст, креолизованный текст, модульный текст, модульность, код текста.

Для цитирования: Ма Цзинянь. Плакат как поликодовый малоформатный текст / Ма Цзинянь // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 3. – С. 81–91. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15301482>.

Введение. Плакат представляет собой уникальный объект для лингвистических исследований, обладающий значительным потенциалом для анализа взаимодействия вербальных и невербальных элементов. Это взаимодействие оказывает влияние на восприятие информации, что особенно важно в условиях современного информационного пространства с его экспоненциальным ростом объема данных. Изучение плаката имеет важное значение для развития теории коммуникации и практики создания рекламных и информационных материалов.

Обычно его определяют как броское изображение с кратким текстом, как настенный лист, крупный рисунок с пояснительным агитационным, рекламным или учебным текстом [11; 15 и др.], и эта характеристика является конститутивным признаком плаката: изображение должно привлекать внимание, а текст, лаконичный и емкий, – поддерживать внимание и давать хотя бы небольшую информацию об объекте. плакат – это небольшой по объёму текст, который выполняет основные функции передачи информации и установления речевого контакта с коллективным адресатом-реципиентом. Плакат сочетает визуальное и вербальное представление, композиционно объединяет лингвистические (вербальные) и нелингвистические (невербальные) коды с помощью их взаимодействия и определённой структуры. Формат плаката (обычно один лист, одна страница разных размеров) позволяет отнести его к тексту малой формы, т.е.

к типу малоформатного текста, который характеризуется малой объёмностью, информационной насыщенностью, лаконизмом и языковой компрессией [12, с. 1].

Сочетание вербального и невербального (визуального, цветового, графического, шрифтового и др.) компонентов плаката позволяют рассматривать его как поликодовый (креолизованный) текст. В свою очередь, множество коммуникативных задач, обусловленных тематикой и функциями, формируют жанровые особенности плаката.

Современная лингвистика текста существенно расширила свои границы и изменила представления о своем главном объекте. Начав с изучения традиционного вербального текста, включая многообразие его жанров и функционально-стилистических вариантов, эта область знания перешла к пониманию текста как сложного знака, как семиотического целого, в котором в зависимости от области определения и функций уточняются и расширяются сущностные характеристики в интерпретации понятия «текст». Очевидно, что новые формы и типы текста, в частности, гибридные, стали опираться не только на классические параметры текстуальности [7; 21], но и на иные принципы, формы и средства, породившие новые сложные знаковые текстовые феномены и новые типы текстов.

Как объект лингвистических исследований плакат представляет собой поликодовый малоформатный текст, отражающий единство вербальных и невербальных кодов, функционирующий в коммуникативном пространстве, один из наиболее разнообразных и доступных источников информации, отображающих политические, экономические и социальные аспекты в жизни современного общества. Многожанровость плаката обусловлены не только и не столько его структурой и его композицией как графического произведения, но многообразием функций плакатов и их тематическим разнообразием, что свидетельствует о высоком коммуникативном потенциале плаката.

Таким образом, исследование плаката как поликодового текста открывает новые перспективы в понимании механизмов воздействия на аудиторию и разработке эффективных стратегий коммуникации. Анализ плаката как поликодового феномена позволяет выявить специфические особенности его восприятия и интерпретации, что способствует оптимизации коммуникативных процессов и повышению их продуктивности.

Материалы и методы исследования. В качестве эмпирической базы исследования были использованы работы современных исследователей поликодовых текстов и креолизованных текстов (Е.Е. Анисимова; А.А. Бернацкая; Ю.А. Бельчиков; Л.С. Большакова; М.Б. Ворошилова; Ю.А. Евграфова; Г.В. Ейгер и В.Л. Юхт; О.И. Максименко; О.В. Пойманова; А.Г. Сонин; Ю.А. Сорокин и Е.Ф. Тарасов и др.). Они рассматривают их с точки зрения письменной формы и сопровождающих ее невербальных графических средств, точнее, анализируют вербальную и иконическую составляющие таких текстов. В качестве языковых материалов были отобраны плакаты советского периода и современные. Анализ проводился с применением описательного и метода дефиниционного анализа.

Основная часть. Определив плакат как поликодовый малоформатный текст, мы исходили из того, что он представляет собой взаимодействие вербальных и невербальных феноменов и функционирует в коммуникативном пространстве как источник информации и средство воздействия на аудиторию получателей-реципиентов. В свою очередь, коммуникация также становится семиотически неоднородной, осложненной, включающей помимо вербальных, многие другие семиотические коды [14, с. 93]. По сравнению с классической трактовкой Р.О. Якобсона, понятие «код»

существенно расширяется: это уже не просто «разновидность языка», не «ряд фиксированных правил, с помощью которых выражается сообщение» [см.: 21; 22]. «Это иерархия кодов», Р.О. Якобсон включает код в модель коммуникации [21, с. 312] как систему бинарных знаков, влияющих на успешность/неуспешность коммуникации, возникает такая иерархия кодов, в которую включаются код адресанта, код адресата, коды национального языка, отражающие его неоднородность в диапазоне от социально значимого кодифицированного литературного языка до индивидуального речевого употребления. Как минимум, в процессе коммуникации иерархия кодов становится динамической системой, поскольку, например, по мнению Ю.А. Евграфовой, «Код есть некая общеупотребительная, многократно воспроизводимая схема построения, организации и структурирования конкретных элементов сообщения (материальных носителей информации) с целью передачи смысла» [8, с. 21]. При этом отмечается, что «...в одном и том же тексте могут использоваться разнообразные комбинации кодов» [Там же]. Следовательно, текст и высказывание-сообщение понимаются как поликодовые феномены.

В концепциях Р. Барта и У. Эко [2; 23] были разработаны классификации кодов, которые затем неоднократно обсуждались и использовались многими учеными. А российский ученый В.Н. Степанов предложил типологию кодов рекламного текста, которая, на наш взгляд, вполне адекватно и полно отражает коды не только рекламы, но и прочих поликодовых текстов. Представим их в направлении вербальных к невербальным кодам:

- текстовые коды;
- коммуникативные коды;
- культурные коды;
- визуальные коды;
- музыкальные коды [18, с. 92–100].

Полагаем, что в плакате обнаруживаются все типы кодов данной классификации, за исключением музыкальных.

Применительно к малоформатному тексту плаката «*Ты записался добровольцем?*» Д. Моора устанавливается следующая иерархия кодов с точки зрения значимости их организации и восприятия адресатом:

- визуальные коды: тип изображения – цветная литография; размер, композиция, цветовая гамма, цветовой минимализм;
- культурные коды: Гражданская война, патриотизм, доброволец, гимнастерка, будёновка, ружьё; цветовой символизм и контраст «красный – черный – белый»;
- текстовые коды: вопрос-обращение; вопрос-инвектива, общий вопрос с точки зрения языковой формы;
- коммуникативные коды: установление адресантом неформального непосредственного контакта между адресатом и центральной фигурой плаката – добровольцем; обращение на «ты», положение фигуры, глаза и указательный палец – мимика и жест, поддерживающие прямое обращение к адресату.

Плакат как поликодовый малоформатный текст отличается не только комбинация языковых кодов, но наличие нелингвистических визуальных кодов – иконических знаков изображения, рисунка, графических форм и цвета. Их использование в поликодовом тексте показывает линейность вербального кода и нелинейность кодов невербальных. А само наличие кодов различных семиотических систем свидетельствует об интерсемиотичности поликодового текста: «отношение языковой системы к другим

систематикам следует, очевидно, рассматривать как отношение между разными семиотиками и соответственно трактовать <...> как интерсемиотическое отношение» [24, с. 138].

Обратимся к примеру авторского плаката.

Автор большевистского революционного плаката, художник Дмитрий Моор создал плакат «Ты записался добровольцем?» в 1920 г., во время Гражданской войны в России. Плакат размером 106×71 см. выполнен на бумаге в технике цветной литографии. Известно, что у этого плаката есть прототипы, есть и варианты, есть развертка плаката во время Великой Отечественной войны.

Описание изображения, как правило, такое: в левом верхнем углу плаката располагается аббревиатура «Р.С.Ф.С.Р.» (официальное название страны в 1918–1936 гг.); в правом верхнем углу лозунг «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*». Вербальная часть плаката распределена на плоскости плаката относительно фигуры красноармейца в красной буденовке и красной гимнастерке с оружием в левой руке; эта фигура направляет указательный палец прямо на адресата-зрителя, глаза как будто смотрят непосредственно на зрителя, к которому обращен вопрос «*Ты записался добровольцем?*». Обращение «*Ты!*» размещено в правой верхней части большими буквами, внизу в двух строчках на черном фоне белыми буквами меньшего размера написан вопрос: «*записался добровольцем?*». Этот вопрос – не только призыв записываться в Красную армию, но и некоторая инвектива-сомнение со смыслом ‘записался или нет в Красную армию’. Отметим, что расположение вербальных компонентов плаката не абсолютно линейно за счет «разрыва» высказывания на плоскости плаката, отсутствия контакта между его элементами. Изображение, рисунок размещен на светлом, желтоватом, практически белом фоне.

Рисунок 1. Плакат Д. Моора «Ты записался добровольцем?» [25].

Цветовая гамма плаката в целом укладывается в три единицы цветообозначения – красный, черный, белый, которые, в свою очередь, образуют контрастные пары: красный – черный, черный – белый, красный – белый. Автор плаката максимально использует красный цвет – символ революционной борьбы, пассионарности и просто контрастный цвет по отношению к черному и белому. Символическое толкование цвета на плакате

позволяет говорить о семиозисе: благодаря минималистическому цветовому контрасту иконические знаки рисунка, графики плаката становятся символами.

Применительно к поликодовому малоформатному тексту плаката «*Ты записался добровольцем?*», в отличие от классификации В.Н. Степанова, устанавливается следующая иерархия кодов по значимости организации поликодового текста плаката, как представляется, с точки зрения адресата:

- визуальные коды;
- культурные (культурно-исторические) коды;
- коммуникативные коды;
- вербальные коды.

Таким образом, нелингвистические невербальные коды представлены изображением-рисунком, его композицией и цветом, а лингвистические – высказыванием-вопросом, обращенным к коллективному адресату, да и к любому гражданину России того исторического времени Гражданской войны. В единстве они становятся поликодовым текстом, передающим символические смыслы в процессе коммуникации.

Одновременно поликодовый малоформатный текст плаката классифицируется как особый тип текста, в котором обнаруживается «наличие автосемантического и синсемантического типов связи между языковыми и изобразительными компонентами» [10, с. 3]. Это основа формирования поликодового или креолизованного текста. Важное уточнение взаимодействия нелингвистических и лингвистических кодов находим у Р. Барта: «неязыковые объекты становятся по-настоящему значащими лишь постольку, поскольку они дублируются или ретранслируются языком» [2, с. 114].

Подобные осложненные тексты, в которых изображение использовалось как особый визуальный знак – элемент изобразительного кода, впервые начали изучаться с позиций семиотики в XX веке. Их стали называть поликодовыми, креолизованными, видеовербальными и т.д. Естественно встал вопрос о терминологии в связи с необходимостью «четко разграничивать при исследовании коммуникации гомогенные и синкретические сообщения, основывающиеся на комбинации или объединении разных знаковых систем» [20, с. 327].

Отметим, что термину «поликодовый текст» предшествовало понятие «креолизованного текста», которое содержится в названиях публикаций, см. например: Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Е.Е. Анисимова и М.Б. Ворошилова. Так, с точки зрения Ю.А. Сорокина и Е.Ф. Тарасова, «метафорический термин "креолизованные тексты"» относится к «текстам, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [17, с. 180–181]. В качестве примеров использовались кинотексты, тексты радиовещания, средств наглядной агитации и пропаганды, плакатов (ориентированных на аудиторию – от узкопрофессиональной до неопределённо широкой), рекламные тексты» [Там же]. Аналогичную характеристику поликодовых текстов, тяготеющую к семиотическому аспекту текста, использует Е.Е. Анисимова, сравните: это «такие семиотически осложненные тексты, в структурировании которых задействованы средства разных семиотических кодов, в том числе иконические средства» [1, с. 8].

На наш взгляд, уместно говорить о креолизации как о процессе становления поликодового текста, и тогда креолизация может пониматься как один из параметров текстуальности, а именно, как средство обязательного сочетания и комбинирования вербальных и невербальных компонентов и кодов, что раскрывается в плане содержания

и восприятия адресатом-реципиентом поликодового малоформатного текста плаката: это синтез двух повествовательных тенденций: изобразительной («движущаяся живопись») и словесной [см.: 13, с. 59; 16, с. 80–81].

В дальнейшем исследователи пришли к заключению о том, что термин «креолизированный» не в полной мере раскрывает суть явления, а кроме того, вызывает аллюзию с так называемыми «креолизированными языками», структуру которых принято характеризовать как деформированную, смешанную, что в принципе не относится к понятию гибридного, комбинированного текста [3, с. 336–337].

На смену креолизированному тексту приходит текст поликодовый, который принадлежит типологии «моно-» и «поликодовых» текстов Г.В. Ейгера и В.Л. Юхта: «К поликодовым текстам в широком семиотическом смысле должны быть отнесены и случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т.п.)» [9, с. 107].

В целом определение поликодового текста базируется на его интерсемиотической природе – сочетании знаков различных семиотических систем, а в лингвистической литературе складывается такая терминологическая иерархия:

- гибридность;
- поликодовость;
- креолизованность, точнее: гибридность (родовое понятие) терминологически проявляется либо как креолизация, либо как поликодовость (видовые понятия);
- мультимодальность [16, с. 80].

Мультимодальность становится еще одним актуальным признаком поликодового текста, но преимущественно с точки зрения восприятия информации, т.е. со стороны адресата. По мнению Л.С. Большаковой, «поликодовый текст приобретает параметр мультимодальности за счет того, что передаваемая им информация воспринимается одновременно минимум двумя или несколькими сенсорными каналами, почему и возникает несколько модальностей» [4, с. 21]. При этом «визуальный и вербальный компоненты поликодового текста взаимодействуют и объединяются в единое целое» [6, с. 28]. Вокруг параметра мультимодальности возникает дискуссия, в результате которой достигается компромисс: текст получает двойственную характеристику: он становится поликодовым и мультимодальным. Такой компромисс обращен к «перцептивному восприятию при помощи различных модальностей (каналов восприятия информации)» [8, с. 44].

Итак, на сегодняшний день поликодовый текст, включая и малоформатный текст плаката, получает множество разнообразных интерпретаций вне собственно лингвистики текста. В целом в лингвистической семиотике он предстает как сложный знак, объединяющий несколько кодов различной природы. В силу этого его существенными внутренними параметрами являются **интерсемиотичность, поликодовость и мультимодальность**.

Еще один специальный параметр поликодового малоформатного текста плаката в коммуникативном пространстве получил название **модульности** [5, с. 3–4]. Внимание к модульным текстам обусловлено их коммуникативной спецификой – способностью компактно и лаконично, сжато передавать содержание при реализации и сохранении воздействующей функции на коллективного адресата. Неслучайно, что концепция модульного текста поддерживается общей тенденцией к визуализации информационного потока, что весьма характерно для поликодового малоформатного текста плаката, как и для постера или афиши.

Модульность плаката характеризуется такими отличительными свойствами:

- «речевой материал организован в двумерном пространстве»;
- «плоскость модуля имеет заранее заданные границы»;
- «границы придают модулю форму геометрической фигуры (как правило, это прямоугольник)»;
- «модуль, с одной стороны, автономен, с другой – всегда является элементом системы» (речь идет о сфере массовой коммуникации. – М.Ц.);
- «автономность модуля прослеживается не только в структурно-грамматическом и графическом плане, но и в содержательном» [5, с. 3].

Рассмотрим пример модульного текста на примере медицинского плаката.

Рисунок 2. Медицинский плакат лекарственного препарата НЕКСТ [26].

Что касается вышеперечисленных свойств модульного текста, то первые три относительно плоскостного изображения, заданных размеров и прямоугольной геометрической формы в полной мере характерны для плаката – они относятся к графическому визуальному нелингвистическому коду. Визуальная составляющая плаката включает фотоэлементы и рекламный текст. Поскольку речь идет о лекарственном препарате, то на плакате размещена фотография, упаковка (блистер) и отдельная капсула препарата «НЕКСТ», правое поле плаката занимает фотография страдающей от головной боли молодой женщины (она обхватила голову руками), а также отдельно изображается капсула, очевидно, рекомендованная форма препарата. В итоге плакат выступает как фотоколлаж с текстовыми компонентами.

Текстовые компоненты занимают верхний левый угол – название «НЕКСТ» и мотивация его назначения как устраняющего боль анальгетика. Вдоль нижнего края плаката в две строки размещена дополнительная рекомендация: *«ИМЕЮТСЯ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ. НЕОБХОДИМО. [первая строка]. ОЗНАКОМИТЬСЯ С ИНСТРУКЦИЕЙ [вторая строка; шрифтовые выделения сохранены]»*. Отсутствует рекомендация проконсультироваться со специалистом, поэтому делаем заключение, что препарат не обладает серьёзными побочными эффектами. В силу этого полагаем, что коммуникативная цель плаката – рекомендовать коллективному адресату данный препарат широкого действия.

Будучи автономным по содержанию и уникальным с точки зрения объекта (представлен только один препарат), этот плакат включается в сферу медицинской коммуникации, а по цели высказывания представляет собой директиву-рекомендацию в виде рекламы для массового обезличенного адресата. Очевидно, этот плакат мы можем встретить в аптеке, в поликлинике, даже на автобусной остановке, а также как

рекламную вставку в телетрансляции. В целом принцип автономности не противоречит принадлежности этого плаката к совокупности других подобных поликодовых малоформатных текстов медицинского дискурса, т.е. удовлетворяет принципу системности подробных объектов. Системность поддерживается взаимодействием (вплоть до единства) нелинейного невербального иконического, воспринимаемого визуально, и линейного вербального сообщения – текстового компонента.

Модульность этого плаката-коллажа подкрепляется общим фоном и границами рамки, в которой осуществлен монтаж иконических и вербальных компонентов. При этом очевидно, что мы имеем дело с фреймом медицинского дискурса или даже гештальтом⁶. Фрейм явно обнаруживает связь с другими подобными модульными плакатами и таким образом принадлежит общей системе медицинского тематического дискурса.

Обобщая итоги обсуждения свойств модульности этого плаката-коллажа и возможность экстраполяции принципов модульности на другие малоформатные поликодовые тексты, функционирующие в других сферах коммуникации, включим параметр модульности в характеристику текстуальности плаката, который становится модульным поликодовым малоформатным текстом.

Заключение. Результаты исследования плаката как поликодовых малоформатных текстов позволяют сделать следующие выводы.

1) Плакат – это поликодовый малоформатный текст с вербальными и невербальными кодами, функционирующий как источник информации и средство воздействия. В современной семиотике понятие «код» расширилось и включает иерархию кодов, влияющих на коммуникацию. В процессе коммуникации эта иерархия становится динамической системой, включающей коды адресанта, адресата, национального языка и индивидуальные речевые особенности.

2) Поликодовый малоформатный текст, такой как плакат, характеризуется комбинацией различных языковых кодов и лингвистических визуальных элементов, включая иконические знаки, изображения, графические формы и цветовые решения. Эти визуальные компоненты подчеркивают линейную природу вербального кода и нелинейный характер невербальных кодов.

3) Модульность – ключевой параметр поликодового малоформатного текста плаката. Модульные тексты выделяются своей коммуникативной эффективностью, позволяя компактно и лаконично передавать содержание при сохранении воздействия на коллективную аудиторию. Эта концепция соответствует общей тенденции к визуализации информационного потока, наблюдаемой в поликодовых малоформатных плакатных текстах.

Таким образом, плакат представляет собой модульный поликодовый малоформатный текст. Его модульная структура выражается через композицию, использование фона и рамок, а также взаимодействие визуальных и вербальных элементов. Фон и границы рамки плаката служат основой для монтажа иконических и вербальных компонентов, что обеспечивает его целостность и функциональность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова Е.Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) / Е.Е. Анисимова // Вопросы языкознания, 1992. – №1. – С. 71–78.
2. Барт Р. Основы семиологии / Р. Барт // Структурализм: «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. – С. 114–163.

⁶ О гештальте в лингвистике см.: [19; 20].

3. Бельчиков Ю.А. Взаимодействие функциональных разновидностей языка (Контаминированные тексты) / Ю.А. Бельчиков // Культура русской речи и эффективность общения. – М. : Наука, 1996. – 450 с.
4. Большакова Л.С. О содержании понятия «поликодовый текст» / Л.С. Большакова // Вестник СамГУ. – 2008. – №4(63). – С. 19–24.
5. Быкова Е.В. Модульный текст в массовой коммуникации: закономерности речевой организации / Е.В. Быкова. – СПб. : СПбГУ, 2012. – 39 с.
6. Вашунина И.В. Взаимовлияние вербальных и невербальных (иконических) составляющих при восприятии креолизованного текста [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук / И.В. Вашунина. – М., 2009. – 511 с.
7. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – 4-е изд. – М. : КомКнига, 2006. – 144 с.
8. Евграфова Ю.А. Лингвосемиотика экрана: моделирование реальности в экранных текстах (на материале текстов кино, телевидения и сети Интернет): Автореферат дис. ... доктора филол. наук. / Ю.А. Евграфова. – Мытищи, 2021. – 31 с.
9. Ейгер Г.В. К построению типологии текстов / Г.В. Ейгер, В.Л. Юхт // Лингвистика текста : Материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореца. – Ч. I. – М., 1974. – С. 103–109.
10. Кругликова Н.П. Языковые средства плаката: семантический и прагматический аспекты (на материале британских и американских плакатов первой и второй мировых войн): Автореферат дис. ... канд. филол. наук / Н.П. Кругликова. – СПб., Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2005. – 26 с.
11. Кудин П. Психология восприятия и искусство плаката / П. Кудин, Б. Ломов, А. Митькин. – М. : Плакат, 1987. – 208 с.
12. Ломоносова Е.С. Жанровые особенности текстов малой формы / Е.С. Ломоносова // Universum: Филология и искусствоведение [Электронный ресурс]. – 2015 – № 3-4 (17). – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/2081> (дата обращения: 05.01.2025).
13. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю.М. Лотман. – Таллинн : Ээсти раамат, 1973. – 140 с.
14. Максименко О.И. Поликодовый vs. креолизованный текст: проблема терминологии / О.И. Максименко // Вестник РУДН. Серия: Теория языка, Семиотика. Семантика. – М. : РУДН, 2012. – №2 – С. 93–102.
15. Пименова Н.Н. Жанр советского плаката в изобразительном искусстве 1917–1922 гг. / Н.Н. Пименова, А.А. Шпак, Т.К. Ермаков // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 16. № 4. – С. 580–593.
16. Рыбинок Е.С. Семантика нарратива в поликодовом тексте (на материале сериала Ю. Грымова «Казус Кукоцкого») по одноименному роману Л. Улицкой). : дис. ... канд. филол. наук / Е.С. Рыбинок. – М. : РУДН, 2021. – 228 с.
17. Сорокин Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Высшая школа, 1990. – С. 180–186.
18. Степанов В.Н. Семиотические коды в рекламном тексте / В.Н. Степанов // Иностранные языки в высшей школе. – Рязань : Изд-во Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, 2010. – № 2 (13). – С. 92–100.
19. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 141 с.
20. Ходоренко А.В. Проблема дефиниции, принципы конструирования / А.В. Ходоренко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 24 (63), № 1. Часть 1. – 2011. – С. 192–198.
21. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика / Р.О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. – С. 193–230.
22. Якобсон Р.О. Язык в отношении к другим системам коммуникации / Р.О. Якобсон // Избранные работы. – М. : Наука, 1985. – С. 319–330.
23. Beaugrande R.A. de. Introduction to Text Linguistics / R.A. de Beaugrande, W. Dressler. 2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://knowledge.allbest.ru/languages/3c0a65625b2ac68a5d43b89521206c37_0.html (дата обращения: 05.01.2025).
24. Eco U. Semiotics and the philosophy of language / U. Eco. – Bloomington, Indiana University Press, 1986. – 254 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

25. Бочкарев А.Е. Семантический словарь / А.Е. Бочкарев. – Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2003. – 197 с.

26. Плакат Д. Моора «Ты записался добровольцем?» // Онлайн-музей Gallerix [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gallerix.ru/storeroom/1973977528/N/306693685/> (дата обращения: 05.01.2025).

REFERENCES

1. Anisimova E.E. (1992). Paralingvistika i tekst (k probleme kreolizovannykh i gibridnykh tekstov) [Paralinguistics and text (to the problem of creolized and hybrid texts)]. Voprosy yazykoznaniiya. (1), pp. 71–78 (In Russian).
2. Bart R. (1975). Osnovy` semiologii [Fundamentals of Semiology]. Strukturalizm: «za» i «protiv» [Structuralism: “for” and “against”]. M. : Progress, pp. 114–163 (In Russian).
3. Bel'chikov Yu.A. (1996). Vzaimodeistvie funktsional'nykh raznovidnostei yazyka (kontaminirovannye teksty) [Interaction of functional varieties of language (Contaminated texts)]. Kul'tura russkoi rechi i effektivnost' obshcheniya [Culture of Russian speech and effectiveness of communication]. pp. 335–357 (In Russian).
4. Bol'shakova L.S. (2008). O soderzhanii ponyatiya «polikodovyi tekst» [On the content of the concept “polycoded text”]. Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo, (49), pp. 48–51 (In Russian).
5. Bykova E.V. (2012). Modul'nyi tekst v massovoi kommunikatsii: zakonomernosti rechevoi organizatsii [Modular text in mass communication: regularities of speech organization] (Doctoral dissertation) (In Russian).
6. Vashunina I.V. (2009). Vzaimovliyanie verbal'nykh i neverbal'nykh (ikonicheskikh) sostavlyayushchikh pri vospriyatii kreolizovannogo teksta. [Interaction of verbal and non-verbal (iconic) components in the perception of the creolized text]. Moskva (In Russian).
7. Gal'perin I.R. (1981). Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research] (In Russian).
8. Evgrafova Yu. A. (2021). Lingvosemiotika ekrana: modelirovanie real'nosti v ekrannykh tekstakh (na materiale tekstov kino, televideniya i seti Internet) [Linguosemiotics of the screen: modeling of reality in screen texts (on the material of texts of cinema, television and Internet)] (In Russian).
9. Eiger G.V., & Yukht V.L. (1974). K postroeniyu tipologii tekstov [Toward the construction of a typology of texts]. Lingvistika teksta: materialy nauchnoi konferentsii pri MGPIIYa im. M. Toreza. pp. 103–109 (In Russian).
10. Kruglikova N.P. (2005). Yazykovye sredstva plakata: semanticheskii i pragmaticheskii aspekty (na materiale britanskikh i amerikanskikh plakatov pervoi i vtoroi mirovykh voyn) [Linguistic means of the poster: semantic and pragmatic aspects (on the material of British and American posters of the first and second world wars)]. 26 p. (In Russian).
11. Kudin P., Lomov B., & Mit'kin A. (1987). Psikhologi vospriyatiya i iskusstvo plakata (fragmenty) [Psychology of Perception and the Art of Poster]. Moskva, Plakat, 208 p. (In Russian).
12. Lomonosova E.S. (2015). Zhanrovye osobennosti tekstov maloi formy [Genre features of texts of small form]. Universum: Filologiya i iskusstvovedenie, 3–4 (17), 3 (In Russian)
13. Lotman Yu.M. (1973). Semiotika kino i problemy kinoestetiki. [Semiotics of cinema and problems of film aesthetics]. pp. 153–189 (In Russian).
14. Maksimenko O.I. (2012). Polikodovyi vs. kreolizovannyi tekst: problema terminologii [Polycoded vs. creolized text: the problem of terminology]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika, 2, pp. 93–102 (In Russian).
15. Pimenova N.N., Shpak A.A., & Ermakov T.K. (2023). Zhanr sovetskogo plakata v izobrazitel'nom iskusstve 1917–1922 gg. [The genre of the Soviet poster in the fine arts 1917–1922] Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki, 16(4), pp. 580–593 (In Russian).
16. Rybinok S.E. (2021). Semantika narrativa v polikodovom tekste (na materiale seriala Yu. Grymova «Kazus Kukotskogo» po odnoimennomu romanu L. Ulitskoi) [Semantics of narrative in a polycoded text (on the material of Y. Grymov's serial “Kazus Kukotsky” based on the novel of the same name by L. Ulitskaya)]. Moskva, pp. 85–86 (In Russian).
17. Sorokin T. Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. (1990) Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Creolized texts and their communicative function]. Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya. [Optimization of speech impact]. M., pp. 180–186 (In Russian).
18. Stepanov V.N. (2012). Semioticheskie kody v reklamnom tekste [Semiotic codes in an advertising text]. Analitika kul'turologii, 24, pp. 113–121 (In Russian).
19. Teliya V.N. (1986). Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinits [Connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moscow: Nauka (In Russian).

20. Hodorenko A.V. (2011) Problema definicii, principy konstruirovaniya [Problem of definition, principles of construction]. Ucheny'e zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universitete im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Social'ny'e kommunikacii». T. 24 (63), № 1. Chast' 1, pp. 192–198 (In Russian).
21. Jakobson R.O. (1975). Lingvistika i poetika [Linguistics and Poetics]. Strukturalizm: «za» i «protiv» [Structuralism: “for” and “against”]. M. : Progress, pp. 193–230 (In Russian).
22. Jakobson R.O. (1985). Yazyk v otnoshenii k drugim sistemam kommunikatsii [Language in relation to other communication systems]. Izbrannye raboty [Selected works]. M. : Progress, 460 p. (In Russian)
23. Beaugrande R.A. de, & W. Dressler (2002). Introduction to Text Linguistics. URL: https://knowledge.allbest.ru/languages/3c0a65625b2ac68a5d43b89521206c37_0.html (In English).
24. Eco U. (1986) Semiotics and the philosophy of language. Bloomington, Indiana University Press, 1986. 254 p. (In English).

Поступила в редакцию 07.01.2025 г.

POSTER AS POLYCODE SMALL-FORMAT TEXT

Jingyan Ma

The work considers the poster as a polycode small-format text with a modular structure. The poster is a complex dynamic system that includes hierarchies of codes of the addresser, the addressee, the national language and individual speech features. The results emphasize that the poster is characterized by the combination of different linguistic codes and non-linguistic visual elements such as iconic signs, images, graphic forms and color solutions. These components enhance the impact of the verbal code and increase the expressiveness of the poster. A special attention is paid to modularity as the key parameter of poster polycode phenomenon. The modular structure is expressed through composition, the use of backgrounds and frames, and the interaction of visual and verbal elements. Frame borders play an important role in the modular non-verbal and verbal components, ensuring the structural integrity and functionality of the poster.

Key words: poster, polycode text, small-format text, kroelized text, modular text, modularity, text code.

Ма Цзинянь.

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Российская Федерация.
Аспирант.
ORCID: 0009-0002-9617-3805.
E-mail: Majingyan1997@yandex.ru

Ma Jingyan.

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation.
Post-graduate student.
ORCID: 0009-0002-9617-3805.
E-mail: Majingyan1997@yandex.ru

Научная статья

УДК 81-25

DOI: 10.5281/zenodo.15301555

ВЫСОКОЧАСТОТНЫЕ СЛОВА В СПОНТАННЫХ МОНОЛОГАХ-ОПИСАНИЯХ: МЕТОДИКА СОЗДАНИЯ ЧАСТОТНОГО СПИСКА ДЛЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

© 2025 Се Жои

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ORCID 0000-0002-4044-2458

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье анализируются высокочастотные слова спонтанных монологов-описаний на русском языке, записанных от 30 китайских и 20 русских информантов. Материалом для описания стало сюжетное изображение (комикс) Х. Бидструпа «Эликсир для волос», в качестве инструментов для анализа использовались программы Mystem 3.1 и AntConc 4.3.1. С их помощью были выполнены лемматизация и фильтрация стоп-слов, на основе чего был создан нормализованный частотный список лемм для дальнейшего лексического анализа. Обе группы информантов были сбалансированы по гендеру, психотипу и уровню владения русским языком (для китайцев), монологи были записаны на русском как родном или как изучаемом языке. Результаты проведенного анализа показали, что 60 % высокочастотных слов в монологах китайских и русских информантов совпали (например, *волосы* и *эликсир*), но китайцы значительно чаще использовали наречие степени *очень*, в то время как русские предпочитали такие конкретные существительные, как *зеркало* и *голова*. Различия объясняются, в частности, переносом с родного языка в речи китайцев, ограниченным владением вторым языком и стратегиями упрощения словарного запаса в условиях стресса при выполнении задания. Исследование подтвердило эффективность применения корпусного метода при анализе устной речи и предоставило эмпирические данные для межъязыкового сравнения и преподавания русского языка в иностранной аудитории.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, частотный список лемм, высокочастотные слова, устная спонтанная речь, монолог-описание, AntConc, Mystem, стоп-лист, корпусный менеджер.

Для цитирования: Се Жои. Высокочастотные слова в спонтанных монологах-описаниях: методика создания частотного списка для лексического анализа / Жои Се // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 3. – С. 92–102. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15301555>.

Введение. Изучение языка как важного инструмента для передачи мыслей и эмоций в ходе межличностного общения является главной задачей лингвистики. Более того, «язык создан прежде всего для устного употребления» [1, с. 34]. Устная речь, как наиболее естественная и первичная форма языка, является базовой способностью человека, источником эволюции и развития языка, и «если и изучать какую-то грамматику ради грамматики, то следует изучать только грамматику живого, произносимого языка» [11, с. 14].

Монолог-описание (изображения, обстановки в комнате, вида за окном, внешнего вида человека и т.п.) является одной из типичных форм речевого поведения говорящего. Такой монолог, с одной стороны, в значительной степени лингвистически мотивирован изображением как исходным стимулом и, соответственно, ограничен тематически, что влечет за собой употребление особого рода конструкций и соответствующей лексики.

С другой стороны, будучи неподготовленным, такой монолог обладает достаточно высокой степенью спонтанности и типичным набором соответствующих черт [5, с. 354]. Таким образом, изучение монологов-описаний как на родном, так и на изучаемом языке может не только выявить закономерности использования языка в конкретных ситуациях, но и предоставить важные «подсказки» для понимания взаимосвязи между языком, познанием и восприятием.

Высокочастотные слова, наиболее употребительные в повседневной речи, несут в себе ядерное значение и основные функции языка. Изучение высокочастотных слов не только помогает понять механизм работы языковой системы, но и дает важную теоретическую основу и практическое руководство для преподавания языка, составления словарей, обработки естественного языка и для других областей лингвистики.

По определению В.П. Захарова и С.Ю. Богдановой, лингвистический корпус – это представленный в машиночитаемом формате, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических или прикладных задач [3, с. 7]. В последние годы, в связи с бурным развитием корпусной лингвистики, методы анализа, основанные на реальных языковых и речевых корпусах, открыли новые перспективы и инструменты для исследования языка (см. подробнее [7]).

В настоящей статье основное внимание уделяется высокочастотным словам спонтанных монологов-описаний на русском языке. Целью работы является разработка метода построения частотного списка лемм с помощью таких инструментов корпусного анализа, как AntConc и Mystem, а также количественный и качественный анализ полученного списка высокочастотных слов с выявлением их лексико-грамматических характеристик в русских спонтанных монологах-описаниях.

Материал исследования. Источником материала для анализа в настоящей работе стали монологи-описания из корпуса «Сбалансированная аннотированная текстовая» (САТ), созданного и разрабатываемого в Санкт-Петербургском государственном университете (см. о нем подробнее: [2]). Анализу были подвергнуты описания информантами сюжетного изображения (комикса) Х. Бидструпа «Эликсир для волос» [12], который включает 13 картинок и описывает историю мужчины, страдающего от потери волос и решившего исправить этот недостаток.

Корпус САТ содержит монологи на русском языке, записанные как от носителей этого языка, так и от иностранцев, изучающих русский, что позволяет проводить сравнительный анализ в разных аспектах изоморфных текстов, построенных разными говорящими.

Конкретным материалом для анализа стали 50 расшифрованных аудиозаписей на русском языке, записанных от 30 китайских (КИ) и 20 русских (РИ) информантов⁷. Все информанты – студенты или аспиранты СПбГУ в возрасте (на момент записи) от 18 до 28 лет. (см. подробнее: [8; 9; 10]). Обе группы были строго сбалансированы по гендеру (юноши/девушки) и психотипу (экстраверты/амбиверты/интроверты), а группа КИ – еще и по уровню владения русским языком (согласно [18]): более низкий уровень ТРКИ-2 и более высокий ТРКИ-3.

Создание частотного списка лемм. В настоящем исследовании были использованы методы корпусной лингвистики и на основе транскриптов аудиозаписей

⁷ Специально для данного исследования были записаны КИ №№ 21-30 и РИ №№ 15-20, а также расшифрованы записи КИ №№ 11-40 и РИ №№ 13-20. Остальные монологи – из корпуса САТ.

создан небольшой частотный список лемм, который позволяет более гибко и точно изучать языковые явления в конкретных речевых сценариях. В процессе создания корпуса использовались две программы обработки естественного языка: AntConc (версия 4.3.1) [19] и Mystem (версия 3.1) [21].

Лемматизацией в лингвистике называют процесс присвоения словоформам в тексте условных начальных форм. Для лемматизации в разных корпусах используют разные инструменты.

В целом ряде русских корпусов (НКРЯ, Открытый корпус и др.) для разметки используется разработанный Яндексом морфологический анализатор для русского языка Mystem, который может автоматически выполнять морфологическую разметку текстов в корпусе. С помощью данной программы можно быстро определить начальную форму (лемму) и часть речи русских слов в тексте в формате txt.

Программное обеспечение AntConc – это корпусный менеджер (поисковая система), разработанный Л. Энтони, профессором Университета Васэда в Японии. AntConc может выполнять поиск и анализ в одноязычных корпусах. В настоящем исследовании используются следующие три функции данной программы: 1) импорт стоплиста (списка «запрещенных» слов, которые не нужны для дальнейшего анализа); 2) создание частотного списка токенов; 3) генерация облака слов.

Процесс создания любого корпуса – это целый ряд процедур: токенизация, фильтрация, устранение дублей, морфологическая разметка, синтаксическая разметка, загрузка корпусных данных и др. [4, с. 77–78]. В связи с целью настоящего исследования этот процесс был значительно упрощен.

Для начала необходимо было расшифровать аудиозаписи в текстовую форму, объединить все тексты монологов в один документ, удалить специальные символы и преобразовать документ в формат txt.

Следующий шаг – лемматизация с использованием программы Mystem, что включало ряд конкретных операций. Ввести в командной строке первую команду, указывая путь к папке Mystem: `cd «путь к папке на компьютере»`. Вторая команда – запустить Mystem и вывести результаты в формате txt.: `mystem.exe input.txt output.txt -wld8`. Таким образом можно получить файл, содержащий только начальную форму слова (см. рис. 1).

Следует отметить, что поскольку анализируемые тексты представляют собой спонтанную устную речь, в них содержится много фрагментов, которые не поддаются автоматическому распознаванию с помощью программы Mystem. Места, отмеченные вопросительными знаками, необходимо было размечать вручную.

По разным причинам (незнание говорящим нужного слова, необходимость большего количества времени на обдумывание, реакция на сделанную ошибку и т. п.) в текстах часто встречаются обрывы или разрывы слов, которые затем повторяются целиком (*стри... [э-э стриждёт; элик... [э... [эликсир]*)⁹. В таких случаях считалось, что данная словоформа используется лишь один раз.

⁸ *-wld* – это сочетание режимов вызова Mystem: *-w* значит печатать только слова из встроенного словаря, *-l* – не печатать исходные словоформы, только леммы и грамемы, *-d* – применить контекстное снятие омонимии [18].

⁹ Знаком «*⟨*» в расшифровках монологов отмечены физические паузы хезитации. (см. подробнее о хезитационных явлениях в спонтанных монологах: [10]).

{КИ??}{эликсир}{для}{волос}{м}{м}{рано}{о}{один}{мужчина}{э}{ы}{у}
 {он}{у}{он}{нет}{воло??}{сы??}{волосов??}{н}{н}{э}{ы}{это}{о}{очень}{э}
 {н}{г}{э}{ы}{э}{ы}{он}{очень}{грустно}{поэтому}{он}{н}{н}{пойти}{в}
 {магазин}{и}{и}{хотеть}{покупать}{н}{н}{какой-то}{н}{н}{для}{я}
 {растение}{я}{во}{ло??}{сова}{в}{магазин}{ы}{н}{н}{н}{красивый}
 {женщина}{ы}{н}{посове??}{посоветовать}{он}{что}{кашель}{один}{у}
 {ы}{н}{лекарст??}{о}{о}{один}{лекарство}{и}{и}{сказать}{что}{ы}{н}{это}
 {очень}{полезный}{и}{и}{очень}{быстро}{это}{мужчина}{очень}{рад}
 {очень}{рад}{и}{и}{взять}{э}{это}{лекарство}{домой}{ы}{н}{когда}{когда}
 {он}{н}{вернуться}{домой}{он}{он}{сразу}{же}{ы}{н}{стира??}{стирать}
 {голова}{и}{и}{ы}{н}{голова}{и}{и}{использовать}{этот}{лекарство}{и}
 {после}{это}{он}{ы}{н}{уже}{ы}{н}{уже}{вечер}{и}{он}{ы}{н}{ложиться}

Рисунок 1. Вид транскрипта после лемматизации

После ручной доработки данный текст полностью лемматизируется и готов к импортированию в корпусный менеджер AntConc. Далее процесс можно переключить на функцию создания частотного списка (в этой версии он называется *word*) нажав внизу кнопку start, и система выведет список частотных слов данного текста (см. рис. 2)¹⁰.

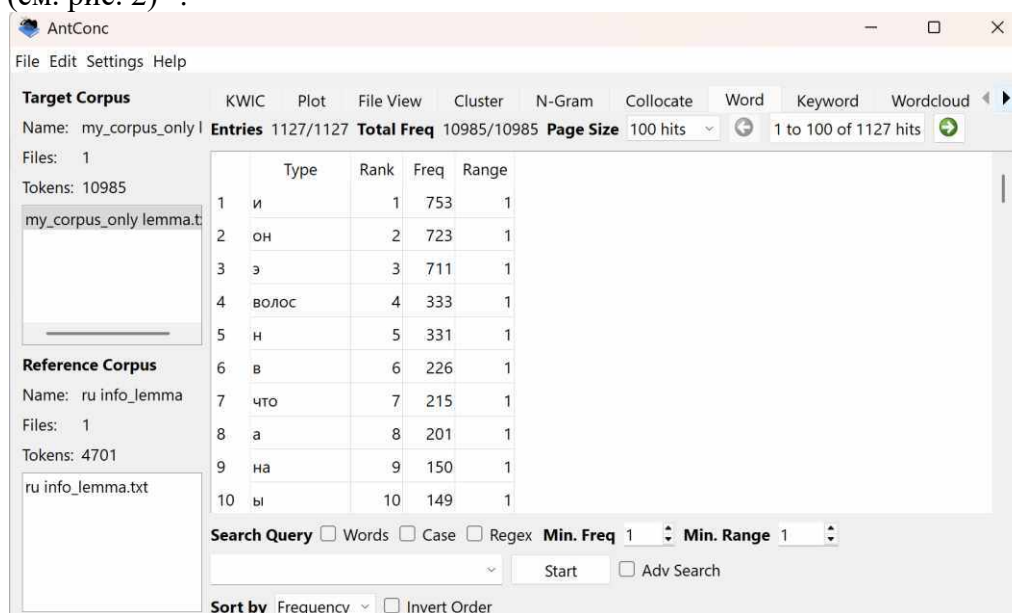

Рисунок 2. Топ-10 списка высокочастотных слов (лемм), сгенерированный AntConc 4.3.1 без использования стоп-листа

Видно, что большинство высокочастотных единиц (токенов) являются служебными, их поисковая значимость и исследовательская ценность (для лексико-грамматического анализа материала) невысоки, и для устранения такой «помехи» необходимо ввести стоп-лист – список «запрещенных» слов.

Построение стоп-листа. Для настоящего исследования стоп-лист включает в себя 6 категорий токенов: 1) служебные слова (предлоги, союзы, частицы); 2) полужнаменательные или незнаменательные глаголы *быть, являться, стать, становиться, иметь*; 3) местоимения; 4) паралингвистические элементы (*смех, вздох, кашель* и т.п.); 5) теговые слова, используемые для различения текстов монологов

¹⁰ Таблица со списком наиболее частотных лемм, созданная с помощью AntConc, разделена на 5 столбцов: порядковый номер, *Type* – собственно лемма, *Rank* – ранг леммы по частоте, *Freq* – абсолютная частотность и *Range* – число текстов, в которых встречается заданная лемма.

разных информантов (например, КИ или РИ); 6) заполненные паузы хезитации (*би, э-э, м, н-н* и т.п.).

После создания стоп-листа в формате .txt можно вернуться в окно AntConc, последовательно нажать Settings – Global Settings – Tool Filters, отметить пункт Cluster/N-Gram/Collocate/Word/Keyword/Wordcloud Results галочкой и выбрать Hide words in file (см. рис. 3).

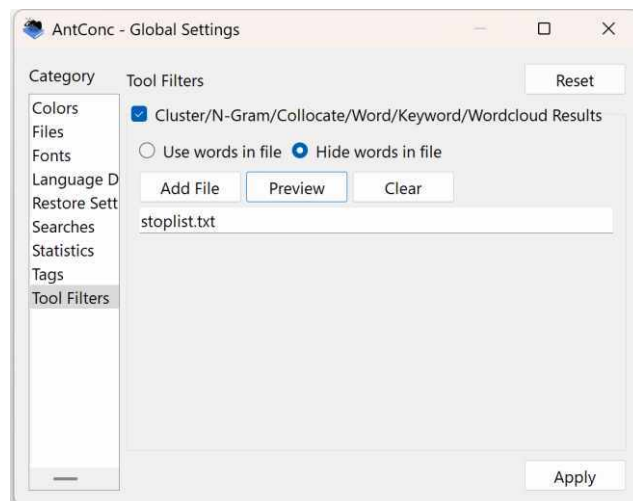

Рисунок 3. Инструкция по загрузке стоп-листа

Наконец, необходимо добавить стоп-лист и нажать Apply: в результате можно отфильтровать ненужные слова и сосредоточиться в процессе поиска на конкретных лексических или грамматических задачах, что делает результаты этого поиска более четкими и понятными (см. рис. 4).

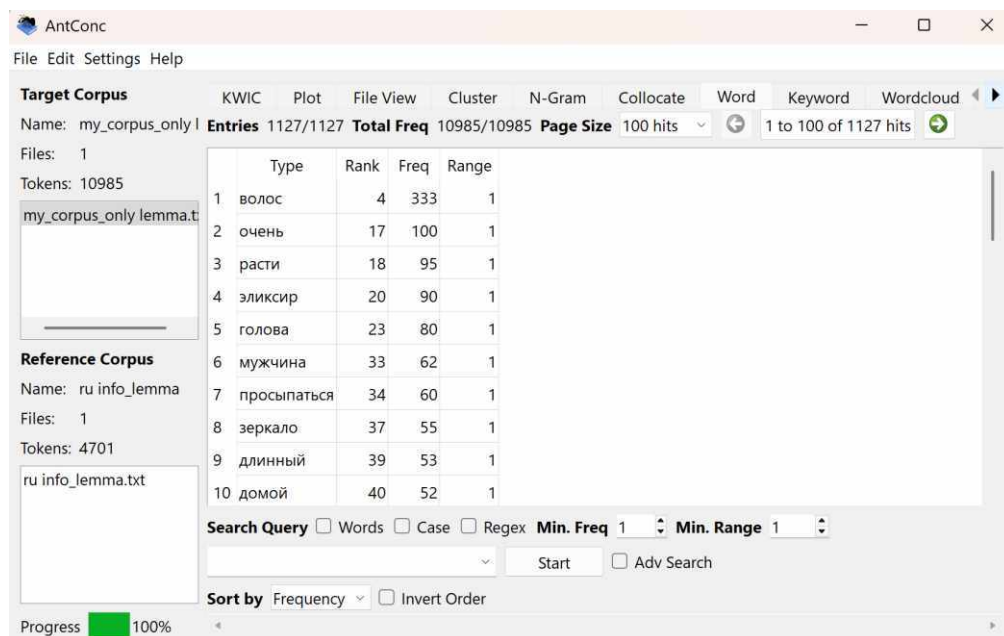

Рисунок 4. Топ-10 списка высокочастотных слов (лемм), сгенерированный AntConc 4.3.1 после использования стоп-листа

В полученном частотном списке находятся уже только реальные слова, которые позволяют вывести анализ материала на лексико-грамматический уровень. Такие списки

были составлены и для материала в целом и отдельно для монологов-описаний русских и китайцев.

Количественный и качественный анализ высокочастотных слов. Поскольку количество русских и китайских информантов в эксперименте было различно, объем созданных частотных списков также различен (в списке РИ – 4701 токен, в списке КИ – 6284 токена). В результате невозможно сравнивать эти списки на основе только полученных цифр. Эту проблему можно решить с помощью функции plot в программном обеспечении AntConc. С помощью этой функции можно получить нормализованное значение частоты (NormFreq) – для облегчения сравнения и анализа между различными наборами данных. Сравнивая значения нормализованной частоты, можно напрямую определить частоту слова в двух текстах разного объема. Так, например, оказалось, что лемма *волос* в китайских монологах встречается чаще, чем в русских (см. рис. 5).

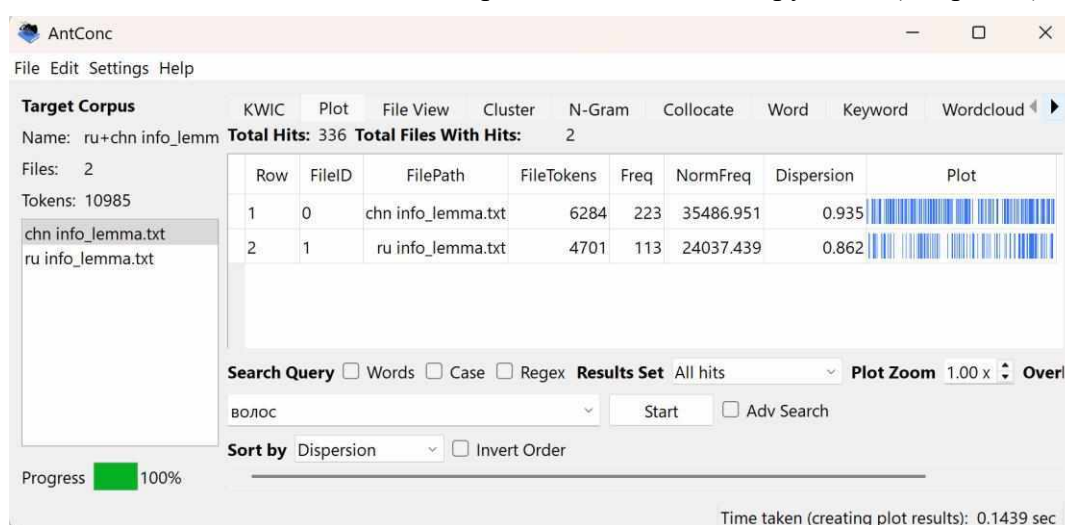

Рисунок 5. Инструкция по запросу нормализованной частоты в AntConc

Группу высокочастотных слов, подвергнутых дальнейшему анализу, составили по 20 единиц в каждом списке. Эти списки показаны в таблице 1.

Таблица 1. Списки 20 наиболее частотных слов в группах РИ и КИ

Китайская группа				Русская группа			
№	Слово (лемма)	Freq	NormFreq	№	Слово (лемма)	Freq	NormFreq
1	<i>волос</i>	222	35327.817	1	<i>волос</i>	111	23611.997
2	<i>очень</i>	80	12730.745	2	<i>голова</i>	43	9146.99
3	<i>эликсир</i>	56	8911.521	3	<i>расти</i>	42	8934.269
4	<i>расти</i>	53	8434.118	4	<i>эликсир</i>	34	7232.504
5	<i>длинный</i>	42	6683.641	5	<i>зеркало</i>	31	6594.342
6	<i>голова</i>	37	5887.969	6	<i>начинать</i>	31	6594.342
7	<i>замечать</i>	36	5728.835	7	<i>просыпаться</i>	31	6594.342
8	<i>быстро</i>	32	5092.298	8	<i>мужчина</i>	30	6381.621
9	<i>мужчина</i>	32	5092.298	9	<i>картинка</i>	29	6168.9
10	<i>один</i>	32	5092.298	10	<i>лысый</i>	28	5956.18
11	<i>сон</i>	31	4933.164	11	<i>домой</i>	25	5318.017
12	<i>просыпаться</i>	29	4614.895	12	<i>спать</i>	21	4467.135

13	день	27	4296.626	13	очень	20	4254.414
14	домой	27	4296.626	14	ложиться	19	4041.693
15	купить	27	4296.626	15	видимо	18	3828.973
16	магазин	25	3978.358	16	конец	18	3828.973
17	зеркало	24	3819.223	17	магазин	18	3828.973
18	лысый	23	3660.089	18	приходить	18	3828.973
19	лекарство	22	3500.955	19	сон	18	3828.973
20	сразу	21	3341.82	20	видеть	17	3616.252

Анализ показал, что 12 из 20 (60 %) самых частотных слов в двух списках полностью совпали (одинаковые слова выделены в таблице жирным шрифтом). Это показывает, что китайские и русские информанты ожидаемо использовали схожую лексику при описании одного и того же комикса. И этот же результат позволяет на первом этапе анализа не разделять монологи по группам информантов.

Эти совпадающие высокочастотные слова можно разделить на четыре части речи: существительные (*волос, голова, сон, зеркало, магазин, мужчина, эликсир*), глаголы (*просыпаться, расти*), наречия (*домой, очень*) и прилагательное (*лысый*).

В описании комикса доминируют имена существительные (58,3 % от 12 совпавших высокочастотных слов), которые ожидаемо связаны с его темой и напрямую отражают основные элементы сюжета: человек (*мужчина*), предметы (*эликсир, зеркало, волосы*) и место (*магазин*).

Из глаголов (16,7 %) ¹¹ ключевую роль в монологе-описании играют слова *расти* и *просыпаться*. Они тесно связаны с динамичным сюжетом комикса (*волосы дико растут; мужчина проснулся и обнаружил, что что-то случилось*). Использование глаголов свидетельствует о том, что информанты при описании комикса большое внимание уделяют развитию сюжета.

Наречия *домой* и *очень* служат для дополнения описания: *он довольный купил эликсир и идёт [домой чтобы скорее его испробовать; волосы растут очень быстро; волосы начинают расти [слишком быстро и становятся очень густыми*. Частое использование наречий (16,7 %) свидетельствует о том, что информанты внимательны к деталям и тону сюжета, особенно при описании результатов или масштабов действий.

Прилагательное *лысый* является важным словом в исследуемых описаниях (8,3%), напрямую относящимся к физическим особенностям главного героя. Это прилагательное играет ключевую роль при описании сюжета, помогая информантам более точно раскрыть образ этого героя.

Для расчета стандартного значения частоты выявленных 12 высокочастотных слов в списках РИ и КИ в работе был использован корпусный менеджер AntConc. Оказалось, что эти высокочастотные слова делятся на две группы. Слова в группе А более частотны в китайских монологах, а слова в группе Б – в русских (см. табл. 2).

Помимо списка высокочастотных слов, в таблице указано также соотношение значений нормализованных частот поисковых слов в различных списках. Видно, что есть показатель, который значительно выше других значений – 2.992. Это значит, что слово *очень* встречается в китайских описаниях гораздо чаще, чем в русских.

¹¹ Любопытно, что полученные на нашем материале данные по дистрибуции глаголов почти полностью совпали с данными по частотности глаголов не только в устной спонтанной речи, полученными на материале корпуса русского языка повседневного общения «Один речевой день» [13] (17,2 %), но и в письменной речи основного подкорпуса НКРЯ [17] (17,1 %) (см. об этом подробнее [6, с. 242–244]).

Таблица 2. Группировка 12 высокочастотных слов в группах КИ и РИ

Группа А		Группа Б	
Лемма	NormFreq КИ / NormFreq РИ	Лемма	NormFreq РИ / NormFreq КИ
<i>очень</i>	2.992	<i>зеркало</i>	1.727
<i>волос</i>	1.496	<i>лысый</i>	1.627
<i>сон</i>	1.288	<i>голова</i>	1.554
<i>эликсир</i>	1.232	<i>просыпаться</i>	1.429
<i>магазин</i>	1.039	<i>мужчина</i>	1.253
		<i>домой</i>	1.238
		<i>расти</i>	1.059

Причины такого явления можно условно разделить на несколько групп.

а. Влияние привычек языкового выражения.

Языковая конверсия: недостаточное владение русским языком приводит к тому, что при построении монолога-описания китайцы сначала делают это мысленно по-китайски и лишь затем переводят на русский. И здесь снова оказывается важной высокая частотность слова *очень*, соответствующие китайские наречия 很 (IPM 1,469.0, по данным частотного списка лемм) или 非常 (IPM 3,796.2, по данным частотного списка биграмм) [20], используемого для выражения степени в китайском языке.

б. Недостаточный уровень владения русским языком.

Даже на втором или третьем уровнях владения русским языком китайские информанты все же имеют ограниченный словарный запас и предпочитают использовать высокочастотное русское наречие *очень* (IPM 1286.8, по данным частотного списка лемм [16]), чем искать более сложные выражения.

в. Влияние среды изучения языка.

При изучении русского языка наречие *очень* является одним из ключевых слов, которые изучаются на ранних этапах (см.: [14; 15]), поэтому китайские информанты владеют им лучше и склонны использовать его в своей речи.

г. Влияние характера задачи.

Поскольку задача по описанию комикса выполняется спонтанно и устно, китайские информанты могут столкнуться с определенным языковым «давлением» и, таким образом, более склонны использовать знакомую, употребительную лексику для выполнения задания, а не рисковать, используя незнакомые выражения.

Видно, что все эти причины так или иначе связаны с общим недостаточным владением китайскими информантами русским языком и лишней раз свидетельствуют о существенной разнице в построении устного спонтанного монолога на родном и неродном языках.

Заключение. Основное внимание в настоящем исследовании уделено корпусному анализу высокочастотных слов в спонтанных монологах-описаниях на русском языке, как родном и как изучаемом. Целью работы стала разработка методики извлечения языковых признаков на основе реальных устных материалов, а также количественный и качественный анализ частотных списков слов (лемм), полученных с применением такой методики.

Анализ нормализованной частоты (NormFreq) на основе AntConc показывает, что китайские и русские информанты одинаково предпочитают 60 % высокочастотных слов (таких как *волос*, *эликсир* и *мужчина*), что подтверждает сильные ограничения

визуального повествования (монолога-описания) в основном словарном запасе; различия подчеркивают двойное влияние языковых способностей и культурного познания: из-за стратегии языковой конверсии (таких как миграция китайского 很; 非常 в русское *очень*) и ограничений выражения на изучаемом языке, китайские информанты используют наречие степени *очень* со значительно более высокой частотой (NormFreq в 2,99 раза выше, чем в русской группе), в то время как носители русского языка больше фокусируются на конкретных существительных или их особенностях (например, *зеркало* подразумевает динамическое наблюдение, а *лысый* напрямую относится к характеристикам персонажа), что отражает тонкую обработку контекстных деталей носителями языка.

Продолжение исследований в этом направлении и с применением предложенных инструментов может объединить психолингвистические и социоллингвистические подходы для дальнейшего изучения глубокого влияния уровня владения языком, гендера, психотипа и культурного фона на устную речь.

Подводя итог, можно сказать, что благодаря методологическим инновациям и эмпирическому анализу данное исследование обеспечивает воспроизводимую техническую основу для исследования устной речи и открывает новые пути для дальнейшего изучения языковой сложности, межкультурной коммуникации и механизмов усвоения второго языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
2. Богданова-Бегларян Н.В. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстовая» (САТ): изучение специфики русской монологической речи / Н.В. Богданова-Бегларян, О.В. Блинова, К.Д. Зайдес, Т.Ю. Шерстинова // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. А.М. Молдован. Отв. ред. выпуска В.А. Плунгян. – М., 2019. – С. 111–126.
3. Захаров В.П. Корпусная лингвистика: учебник для студентов / В.П. Захаров, С.Ю. Богданова. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 144 с.
4. Захаров В.П. Корпусная лингвистика: учебник для студентов / В.П. Захаров, С.Ю. Богданова. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: СПбГУ, 2020. – 234 с.
5. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. – 532 с.
6. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014. – 396 с.
7. Котюрова И.А. Корпусные исследования с помощью сервиса AntConc в условиях работы в вузе / И.А. Котюрова // Язык и культура. – 2020, № 52. – С. 36–50. – DOI 10.17223/19996195/52/3.
8. Кун Ч. Специфика неподготовленного чтения на неродном языке (комплексное исследование на материале русской речи носителей китайского языка). Дис. ... канд. филол. наук. / Ч. Кун. – СПб., 2022. – 157 с.
9. Хан Н.А. Устные спонтанные монологи разного типа в коммуникативно-дискурсивном аспекте (на материале Звукового корпуса русского языка). Дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Хан. – СПб., 2013. – 277 с.
10. Чэн Ч. Хезитации в русской устной речи носителей китайского языка / Ч. Чэн. – СПб.: Нестор-История, 2021. – 232 с.
11. Щерба Л.В. О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета / Л.В. Щерба // Избранные работы по русскому языку / Ред. М.И. Матусевич. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 11–20.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Бидstrup Х. Комикс «Эликсир для волос» / Х. Бидstrup [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <https://bidstrup.ru/content/1103.html> (дата обращения: 10.03.2025).

13. Корпус русского языка повседневного общения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ord.spbu.ru/> (дата обращения: 10.03.2025).

14. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / Ред. Н.П. Андрушина 5-е изд. – СПб. : Златоуст, 2015. – 164 с.

15. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение / Ред. Н.П. Андрушина. 2-е изд. – СПб. : Златоуст, 2019. – 201 с.

16. Ляшевская О.Н. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. – М.: Азбуковник, 2009.

17. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.03.2025).

18. Российская государственная система тестирования иностранных граждан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://testingcenter.spbu.ru/ekzameny/russia/trki.html> (дата обращения: 20.01.2025).

19. Anthony L. AntConc (Version 4.3.1) [Computer Software] / L. Anthony // Tokyo, Japan: Waseda University. – 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.laurenceanthony.net/software/AntConc> (дата обращения 10.03.2025).

20. Da Jun. Chinese Text Computing. 2004. (на кит., англ. яз.) / Jun Da [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingua.mtsu.edu/chinesecomputing> (дата обращения 10.03.2025).

21. MyStem (Version 3.1) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.ru/dev/mystem/doc/ru/> (дата обращения 10.03.2025).

REFERENCES

1. Balli Sh. (1955). Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka [General Linguistics and Issues of the French Language]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury. (In Russian).

2. Bogdanova-Beglarian N.V. (Ed.). (2013). Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi: kollektivnaya monografiya. Chast' 1. Chtenie. Pereskaz. Opisanie [Speech Corpus as a Material for the Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description]. St Petersburg: Philol. Faculty of St. Petersburg State University Press Publ. (In Russian).

3. Bogdanova-Beglarian N.V. (Ed.). (2014). Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi: kollektivnaya monografiya. Chast' 2. Teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty analiza. Tom 1. O nekotorykh osobennostyakh ustnoy spontannoy rechi raznogo tipa. Zvukovoy korpus kak material dlya prepodavaniya russkogo yazyka v inostrannoy auditoria. [Speech Corpus as a Material for the Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 2. Theoretical and Practical Aspects of Analysis. Vol. 1. About Some Features of Oral Spontaneous Speech of Various Types. Speech Corpus as a Material for Teaching the Russian Language to Foreign Audiences]. St Petersburg: Philol. Faculty of St. Petersburg State University Press Publ. (In Russian).

4. Bogdanova-Beglarian N.V., Blinova O.V., Zaides K.D., & Sherstinova T.Yu. (2019). Korpus «Sbalansirovannaya annotirovannaya tekstoteka» (SAT): izuchenie spetsifiki russkoi monologicheskoi rechi [The "Balanced Annotated Textoteka" (SAT) Corpus: A Study of the Specifics of Russian Monologic Speech]. In: Ch. ed. A.M. Moldovan. Rep. ed. release V.A. Plungyan. Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Vyp. 21. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: issledovaniya i razrabotki [Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of Russian Language. Vol. 21. National Corpus of the Russian Language: Research and Development] (pp. 111–126). Moscow. (In Russian).

5. Cheng Chen (2021). Hezitatsii v russkoi ustnoi rechi nositelei kitaiskogo yazyka [Hesitations in Russian Oral Speech of Chinese Speakers]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian).

6. Khan N.A. (2013). Ustnye spontannye monologi raznogo tipa v kommunikativno-diskursivnom aspekte [Oral Spontaneous Monologues of Different Types in Communicative-Discursive Aspects]. PhD Thesis. Saint Petersburg. (In Russian).

7. Kong Chunxia (2022). Spetsifika nepodgotovlennogo chteniya na nerodnom yazyke [Specifics of Unprepared Reading in a Non-Native Language]. PhD Thesis. Saint Petersburg. (In Russian).

8. Kotyurova I.A. (2020). Korpusnye issledovaniya s pomoshch'yu servisa AntConc v usloviyakh raboty v vuze [Corpus Research Using the AntConc Service in University Settings]. In: Yazyk i kul'tura, 52, 36–50. <https://doi.org/10.17223/19996195/52/3> (In Russian).

9. Shcherba L.V. (1957). O sluzhebnoy i samostoyatel'nom znachenii grammatiki kak uchebnogo predmeta [On the Auxiliary and Independent Significance of Grammar as a Subject]. In: L.V. Shcherba. Selected Works on the Russian Language. Ed. By M.I. Matushevich (pp. 11–20). Moscow: Uchpedgiz. (In Russian).

10. Zakharov V.P., & Bogdanova S.Yu. (2013). Korpusnaya lingvistika: uchebnik dlya studentov [Corpus Linguistics: A Textbook for Students] (2nd ed.). Saint Petersburg: SPbGU. (In Russian).

11. Zakharov V.P., & Bogdanova S.Yu. (2020). *Korpusnaya lingvistika: uchebnik [Corpus Linguistics: A Textbook]* (3rd ed.). Saint Petersburg: SPbGU. (In Russian).

Поступила в редакцию 13.03.2025 г.

**HIGH-FREQUENCY WORDS IN SPONTANEOUS MONOLOGICAL DESCRIPTIONS:
METHOD OF CREATING FREQUENCY LIST FOR LEXICAL ANALYSIS**

Xie Ruoyi

The article analyzes high-frequency words of spontaneous monological descriptions in Russian, recorded from 30 Chinese and 20 Russian informants. The material for the description was a plot image (comic) by H. Bidstrup "Elixir for Hair". The programs Mystem 3.1 and AntConc 4.3.1. have been used as tools for analysis. With their help, lemmatization and filtering of stop words were performed, on the basis of which a normalized frequency list of lemmas was created for further lexical analysis. Both groups of informants were balanced by gender, psychotype and level of proficiency in Russian (for the Chinese). The monologues were recorded in Russian as a native or as a second language. The results of the analysis showed that 60% of high-frequency words in the monologues of Chinese and Russian informants coincided (e.g., *hair* and *elixir*), but the Chinese significantly more often used the adverb of degree *very*, while the Russians preferred such concrete nouns as *mirror* and *head*. The differences are accounted for, in particular, by the transfer from the native language in the speech of the Chinese, limited proficiency in the second language, and strategies for simplifying vocabulary under stress when performing a task. The study confirmed the effectiveness of the corpus method in analyzing oral speech and provided empirical data for cross-linguistic comparison and teaching Russian to a foreign audience.

Key words: corpus linguistics, frequency list of lemmas, high-frequency words, oral spontaneous speech, monological description, AntConc, Mystem, stoplist, corpus manager.

Се Жон.

Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург, Российская
Федерация.
Аспирант кафедры русского языка.
ORCID 0000-0002-4044-2458.
E-mail: xieruoyi@mail.ru.

Xie Ruoyi.

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation.
Postgraduate student of the Russian Language
Department.
ORCID 0000-0002-4044-2458.
E-mail: xieruoyi@mail.ru.

Научная статья

УДК 81-42

DOI: 10.5281/zenodo.15301649

ГЛАГОЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ОПОСРЕДОВАННОЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В РОССИЙСКИХ ПУБЛИКАЦИЯХ О КИТАЕ

© 2025 Тяньцзяо Цзян

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ORCID: 0009-0003-5482-2085

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена изучению глагольных маркеров опосредованной эвиденциальности, функционирующих в российских публикациях о Китае и косвенно обозначающих источники информации. В условиях глобализации и насыщенности информационного поля медиадискурс играет ключевую роль в формировании общественного восприятия международных событий, в установлении связей между народами. Глагольные маркеры рассматриваются на материале 1 000 публикаций за 2022-2024 гг. российских журналистов на сайте «Это Китай, детка!», ориентированном на молодежь России, на фоне данных Национального корпуса русского языка. Анализ частотности употребления глагольных маркеров в текстах СМИ, определение семантики и контекстуальных функций глаголов, лингвокультурный анализ позволяют охарактеризовать глаголы *сообщать*, *заявлять* и *объявлять* как универсальные маркеры эвиденциальности, позволяющие дистанцироваться от источника информации, объективно подавать в медиапространстве информацию о Китае российскому читателю.

Ключевые слова: опосредованная эвиденциальность, глагольные маркеры, медиадискурс, международные отношения, восприятие информации, частотность употребления, контекстуальный анализ, функции глагольных маркеров

Для цитирования: Цзян Тяньцзяо. Глагольные маркеры опосредованной эвиденциальности в российских публикациях о Китае / Тяньцзяо Цзян // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 3. – С. 103–112. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15301649>.

Введение. В условиях глобализации и стремительного развития информационных технологий роль медиадискурса в формировании общественного мнения и восприятии международных событий становится все более значимой. Эвиденциальность как категория, характеризующая источник информации в тексте, в последние десятилетия привлекает значительное внимание лингвистов, особенно в связи с анализом её проявлений в различных языковых дискурсах. По мнению Е.Н. Никитиной, категория эвиденциальности в русском языке тесно связана с выражением перцептивных и когнитивных модусов, что указывает на её значимость в передаче субъективного опыта и восприятия [10, с. 71]. Структура эвиденциальности, как подчёркивает В.С. Храковский, тесно переплетается с эпистемической модальностью, расширяя границы понимания того, как источники информации влияют на уверенность говорящего в достоверности утверждений [13, с. 348]. Это расширяет возможности анализа текстов, поскольку эвиденциальные маркеры играют важную роль в передаче не только фактической информации, но и её оценочных аспектов [12].

Согласно И.М. Басовец, языковыми средствами реализации эвиденциальности являются языковые средства, указывающие на источник информации или степень достоверности сообщаемой пропозиции [1, с. 72]. Потребность сообщения информации определяет соответствующую информативную функцию [9, с. 69]. Именно поэтому в рамках данного исследования глагольные маркеры рассматриваются в качестве ключевых средств анализа, обладающих высокой значимостью. Изменение форм личных местоимений и глаголов, а также указание на автора первичного текста являются обязательными элементами пересказательности [8, с. 132]. Можно утверждать, что глагольные маркеры играют важную роль в фиксации источника информации, обеспечивая дистанцирование говорящего от заявленной достоверности передаваемых сведений [4, с. 32].

В русском языке особый интерес вызывает изучение глагольных маркеров (далее – ГМ) опосредованной эвиденциальности, основанной на внешних источниках без явного указания авторства [2, с. 132], которые маркируют предположения, слухи или интерпретации третьих лиц, то есть данные маркеры выполняют важную функцию передачи информации. Это особенно важно в условиях возросшей роли международных организаций, экономических и политических союзов, где каждая сторона стремится акцентировать внимание на определённых ценностях, избегая при этом прямых утверждений, которые могут быть интерпретированы как односторонние. В работах, посвященных эвиденциальности в текстах СМИ, опосредованная эвиденциальность анализируется на материале международных публикаций по экономической риторике, что способствует пониманию её проявлений в медиатекстах [1; 2; 5; 9; 10].

Цель статьи – проанализировать функции глагольных маркеров (ГМ) опосредованной эвиденциальности, определить особенности их использования в российских публикациях о Китае, чтобы выявить особенности передачи субъективной оценки на основе анализа 1 000 текстов за 2022–2024 гг. интернет-ресурса «Это Китай, детка!» [18] (далее – «ЭКД!») в сопоставлении с данными Национального корпуса русского языка [17]. Это предполагает сравнение нормализованной частотности употребления ГМ в текстах «ЭКД!» с данными основного и газетного подкорпусов НКРЯ, контекстуальный анализ для выявления типичных сфер использования ГМ, определения их роль в создании модальных оттенков, что обеспечивает интерпретацию функционирования опосредованной эвиденциальности в медиадискурсе.

Основная часть.

1. Частотность употребления глагольных маркеров эвиденциальности.

В контексте опосредованной эвиденциальности данные маркеры выполняют важную функцию передачи информации, основанной на внешних источниках, при этом оставаясь в рамках косвенного представления фактов без явного указания авторства [2, с. 133]. Такая практика способствует не только снижению категоричности представляемых суждений, но и повышению уровня доверия к сообщаемым данным, что обуславливается созданием ощущения объективности и дистанцированности автора от ответственности за достоверность информации [6]. «Хозяином информации выступает не сам говорящий, а иное лицо; информация может быть полной или неполной, однако в то же время передаваемое сообщение может оцениваться адресатом как полная или неполная информация в зависимости от "уровня авторитетности" источника сведений» [7, с. 150]. Репрезентанты эвиденциальности часто используются для того, чтобы усилить убедительность материала и придать ему дополнительную весомость [3, с. 944]. Это свидетельствует о том, что эвиденциальность может выполнять важные риторические функции, выходящие за рамки сугубо информационных задач. Согласно Т.Н. Пермяковой в категории эвиденциальности

«говорящий, в том числе и журналист, в описании события определяет свою роль: либо непосредственного свидетеля, либо передатчика чужой информации» [11, с. 187].

Выбор интернет-ресурса «ЭКД!» определяется тем, что это уникальный пример медиадискурса, создающегося российскими журналистами на основе китайских публикаций и отражающего современные тенденции освещения событий, связанных с Китаем. Он сочетает в себе элементы развлекательного и информационного дискурса, ориентированного на популяризацию китайской культуры и освещение международных событий. Этот ресурс играет важную роль в формировании восприятия Китая российской аудиторией, предлагая читателю материалы, насыщенные культурными и социальными отсылками. В рамках исследования проанализировано 1 000 публикаций за 2022–2024 годы, отобранных по критерию релевантности и насыщенности глагольными маркерами опосредованной эвиденциальности. Анализ ГМ в текстах «ЭКД!» проведен на основе данных «Большого толкового словаря русских глаголов» [14, с. 356-366], что отражено в табл. 1.

Таблица 1. Частотность глагольных маркеров опосредованной эвиденциальности в текстах «Это Китай, детка!»

Глагол	Количество	Глагол	Количество
<i>Заявлять</i>	1637	<i>Извещать</i>	0
<i>Информировать</i>	14	<i>Объявлять</i>	522
<i>Объяснять</i>	108	<i>Оповещать</i>	1
<i>Повторять</i>	8	<i>Предлагать</i>	436
<i>Предостерегать</i>	15	<i>Предполагать</i>	90
<i>Провозглашать</i>	0	<i>Резюмировать</i>	23
<i>Сообщать</i>	2899	<i>Уведомлять</i>	26
<i>Указывать</i>	31	<i>Упомянуть</i>	37
<i>Утверждать</i>	84	<i>Уточнять</i>	181

В ходе анализа частотности использования глагольных маркеров опосредованной эвиденциальности в интернет-издании «ЭКД!» выявлено, что наибольшую частотность демонстрирует глагол *сообщать*, который встречается в 2 899 случаях, что составляет нормализованную частоту 2234,69 ipm (на миллион слов). Этот маркер используется в широком спектре контекстов: от официальных заявлений до медийных репортажей, отражая его значимость в передаче информации от авторитетных источников, например: *Создатели новогоднего шоу **сообщили** китайским СМИ, что программа находится на стадии пост-продакшена...* (ЭКД!).

Глагол *сообщать* в русском языке играет ключевую роль в реализации коммуникативной функции передачи информации. Согласно данным «Малого академического словаря», это слово имеет три основных значения: ‘доведение сведений до адресата’, ‘передача качеств или свойств’ и ‘наделение объекта новыми характеристиками’ [16]. «Большой толковый словарь русского языка» уточняет первое значение, акцентируя внимание на применении глагола в официальных и бытовых контекстах [15]. «Большой толковый словарь русских глаголов» указывает на функциональную нейтральность и частое использование глагола как синонима слов: *извещать, информировать, уведомлять* [14, с. 365].

Сопоставление данных словарей с употреблением глагола *сообщать* в НКРЯ подтверждает его использование как маркера косвенной эвиденциальности. Примеры из газетного подкорпуса иллюстрируют, что информация часто передается через

неперсонифицированный субъект, например: *ТАСС сообщает...*, *пресс-служба сообщает...* (НКРЯ). Такой способ оформления усиливает объективность высказывания, глагол используется для передачи фактов, мнений экспертов и официальных данных. Таким образом, ГМ *сообщать* представляет собой универсальный инструмент для оформления нейтральной и достоверной информации, обеспечивая дистанцирование автора от источника.

Меньшее, но все же значительное место по результатам анализа частотности занимают глаголы *заявлять* (1637 случаев, 1261,88 ipm) и *объявлять* (522 случая, 402,38 ipm). Они активно используются в контексте политических заявлений, подчеркивая официальность и декларирующую роль высказываний.

Глаголы *заявить* и *объявить* имеют свои типичные контексты употребления, отражающие функциональные и жанровые особенности. Согласно данным словарей, *заявить* (МАС, БТС) используется в значениях ‘сделать заявление’, ‘сообщить о чём-либо’, ‘проявить себя’. Он часто встречается в официально-деловом стиле, где подчёркивает авторитетность и уверенность источника. Например, в предложении *Он заявил, что намерен возглавить проект* (НКРЯ) акцентируется субъективная позиция говорящего, а в контексте *Министерство заявило о запуске новой программы* (НКРЯ) подчеркивается официальность информации. Кроме того, глагол может использоваться в безличных конструкциях (*заявлено*), что усиливает нейтральность и объективность текста.

Глагол *объявить* имеет основное значение ‘сказать, заявить что-либо’, а также ‘поставить в известность о чем-либо’ или ‘довести до всеобщего сведения, огласить’ (МАС, БТС). Конструкция *Пекин объявил об ограничении экспорта на материалы и оборудование* (ЭКД!) характерна для делового дискурса, так как подчёркивает сам факт объявления, а не его инициатора.

Заявить и *объявить* обозначают передачу информации, однако с различными коммуникативными акцентами. *Заявить* подчёркивает официальность и авторитетность высказывания, тогда как *объявить* связано с доведением информации до широкой аудитории, особенно в контексте инициатив и решений. Оба глагола играют важную роль в текстах официально-делового характера.

Остальные глаголы, такие как *информировать*, *предлагать*, *объяснять*, *оповещать*, *повторять*, *предостерегать*, *предполагать*, *провозглашать*, *резюмировать*, *уведомлять*, *указывать*, *упоминать*, *утверждать* и *уточнять*, встречаются значительно реже и играют менее заметную роль.

Для оценки частотности употребления ГМ опосредованной эвиденциальности проведено сопоставление данных интернет-издания «ЭКД!» с основным корпусом и газетным подкорпусом НКРЯ. Анализ охватил нормализованную частотность (ipm) для каждой лексической единицы, что позволило выявить стилистические и жанровые особенности их использования (табл. 2).

Таблица 2. Сравнительный анализ нормализованной частотности глаголов опосредованной эвиденциальности в «ЭКД!», основном и газетном корпусах

Глагол	«ЭКД!» (ipm)	Основной корпус НКРЯ (ipm)	Газетный подкорпус НКРЯ (ipm)
<i>Заявлять</i>	1261.88	28.88	134.59
<i>Извещать</i>	0.00	7.33	1.42
<i>Информировать</i>	10.79	5.24	23.43
<i>Объявлять</i>	402.38	27.96	24.56
<i>Объяснять</i>	83.25	102.50	135.43
<i>Оповещать</i>	0.77	1.84	1.92

Повторять	6.16	90.85	26.73
Предлагать	336.09	124.68	299.12
Предостерегать	2.56	5.21	3.47
Предполагать	69.37	80.51	143.63
Провозглашать	0.00	6.67	3.66
Резюмировать	17.72	3.04	20.65
Сообщать	2234.69	76.34	1076.83
Уведомлять	20.04	4.04	3.60
Указывать	23.89	85.75	84.22
Упомянуть	28.52	39.42	23.02
Утверждать	64.75	97.17	237.24
Уточнять	139.52	6.82	76.42

Наибольшую частотность среди исследуемых глаголов демонстрирует *сообщать*, что подтверждается его доминирующей позицией во всех трёх корпусах. В частности, его показатель *ipm* в «ЭКД!» (2234,69) значительно превосходит аналогичные значения в газетном подкорпусе (1076,83) и основном корпусе (76,34). Это свидетельствует о функциональной роли данного глагола как основного средства передачи информации в журналистских материалах, где акцентируется его медиативная функция.

Глагол *заявлять*, напротив, демонстрирует повышенную частотность в «ЭКД!» (1261,88), что указывает на специфику дискурса интернет-журналистики, ориентированной на официальные заявления, политические высказывания и их интерпретацию. В газетном корпусе его частотность значительно ниже (134,59), что может быть связано с более строгим форматом подачи информации, требующим использования нейтральных глаголов, таких как *сообщать*.

Значительный интерес представляет распределение глагола *предлагать*, чей показатель в газетном подкорпусе (299,12) ниже, чем в «ЭКД!» (336,09), но при этом заметно превышает его частотность в основном корпусе (124,68). Это подтверждает значимость данного глагола в контексте обсуждения инициатив и решений, характерных для политико-экономического дискурса. Глаголы с низкой частотностью, такие как *оповещать* (0,77–1,92 *ipm*), *уведомлять* (3,60–20,04 *ipm*) и *предостерегать* (2,56–5,21 *ipm*), демонстрируют относительно равномерное распределение по корпусам. Их редкость в текстах обусловлена принадлежностью к официально-деловому стилю, менее представленному в анализируемых корпусах.

Сопоставление частотности также выявило различия в употреблении глаголов *объяснять* и *уточнять*. В основном корпусе НКРЯ глагол *объяснять* занимает доминирующее положение (102,50 *ipm*), что отражает его распространённость в научных и учебных текстах. В газетном подкорпусе (135,43 *ipm*) и в «ЭКД!» (83,25 *ipm*) его использование связано с разъяснением событий и пояснением сложных материалов. Глагол *уточнять* в газетном подкорпусе (76,42 *ipm*) встречается значительно чаще, чем в основном корпусе (6,82 *ipm*), что обусловлено его ролью в передаче уточняющей информации в новостных и аналитических материалах.

2. Контекстуальный анализ ГМ.

Глаголы *сообщать*, *заявлять* и *объявлять* были выбраны в качестве объекта контекстуального анализа, позволяющего выявить жанрово-стилистические особенности использования в текстах различной природы, на основании их высокой частотности в корпусах и значимости как маркеров опосредованной эвиденциальности.

Глагол *сообщать* является ключевым инструментом передачи информации от третьего лица, что делает его важным элементом медиативного дискурса. В корпусе «ЭКД!» данный глагол употребляется для фиксации данных, полученных от авторитетных

источников. Например, в предложении *Врач **сообщил** ей, что состояние пациента критическое* (ЭКД!) глагол вводит косвенную речь врача, подчеркивается экспертная позиция источника, а использование конструкции с косвенной речью акцентирует достоверность сообщения. Аналогично в основном корпусе глагол *сообщать* активно используется для обозначения авторитетной информации, как в примере: *Об этом **сообщает** из китайской столицы издающаяся в Сянгане информированная газета «Саут Чайна морнинг пост», ссылаясь на китайские источники* (НКРЯ), где фиксируется связь с официальным источником. В газетном подкорпусе данный глагол также широко применяется в формально-деловом контексте. Так, в предложении *Как **сообщает** ИТАР-ТАСС со ссылкой на данные Минсельхоза, на сегодняшний день в России с учетом гибели зерновых убрано всего лишь 54% площадей...* (НКРЯ) акцентируется официальность источника. В совокупности данные примеры подтверждают универсальность глагола *сообщать* в жанрах, требующих передачи достоверной информации.

Глагол *заявлять* выполняет иную функцию, акцентируя внимание на субъективной позиции говорящего, что делает его особенно значимым для политико-делового и эмоционального дискурсов. В текстах «ЭКД!» данный глагол используется для выражения эмоционально окрашенных утверждений. Например, в предложении *99-летний автор **заявил**, что нарисовал кролика, чтобы порадовать всех и отпраздновать китайский Новый год* (ЭКД!) глагол фиксирует субъективное мнение, усиливая эмоциональное воздействие текста. В основном корпусе НКРЯ *заявлять* используется преимущественно для передачи официальных утверждений, как, например, в предложении *Ранее руководитель Роспотребнадзора **заявляла**, что в России выявлено 103 случая заражения* (НКРЯ), где акцент сделан на важности и официальности информации: указан официальный статус информирующего лица. Газетный подкорпус демонстрирует активное использование глагола в политико-деловых контекстах с персонифицированными информирующими субъектами (с указанием имени / статуса информирующего лица), например: *Путин **заявил**, что «Северный поток–2» полностью готов к работе* (НКРЯ). Эти данные подчеркивают универсальность глагола *заявлять* как маркера субъективной эвиденциальности, придающего высказыванию дополнительную значимость.

Глагол *объявлять* выделяется своей способностью фиксировать инициативу субъекта, что делает его характерным для делового, официального и публичного дискурсов. В корпусе «ЭКД!» данный глагол часто используется для обозначения заявлений официальных лиц, как в предложении *Министерство финансов Китая **объявило** о выпуске сверхдолгосрочных государственных облигаций* (ЭКД!), где подчеркивается деловой характер ситуации. В основном корпусе *объявлять* встречается преимущественно в официальном или институциональном контексте, но также используется в повседневной речи, как, например, в предложении *Даже в автобусах остановки **объявляют** сначала на испанском, а потом на английском* (НКРЯ). В газетном подкорпусе глагол чаще всего функционирует в формально-деловом стиле, что иллюстрирует пример *Однако 13 декабря центробанк не стал **объявлять** о продаже валюты* (НКРЯ), где подчеркивается решение на нормативном уровне. Можно утверждать, что глагольный маркер *объявлять* играет значимую роль в фиксации и распространении информации о решениях и инициативах, что подтверждает его широкую сферу применения в различных жанрах и дискурсивных условиях.

Используемые в «ЭКД!» ГМ *предполагается, считается, утверждается* не только маркируют чужую речь, но и вносят элемент неопределённости в отношении истинности передаваемых данных, что создает дополнительную семантическую дистанцию между

субъектом речи и описываемым фактом. Можно констатировать, что глагольные маркеры способствуют формированию нарратива с элементами субъективного восприятия и демонстрации отчуждения автора от содержания или источника сообщения.

Проведенное исследование подтвердило, что глагольные маркеры опосредованной эвиденциальности играют важнейшую роль в организации медиадискурса, обеспечивая как передачу информации, так и формирование модальных характеристик текста. На основе сопоставления данных интернет-ресурса «ЭКД!», основного и газетного подкорпусов НКРЯ выявлены жанрово-стилистические особенности их использования, связанные с коммуникативными задачами различных текстов.

3. Функции ГМ.

Глагольные маркеры эвиденциальности выполняют три основные функции: *медиативную, субъективную и декларативную*. Медиативная функция, реализуемая глаголами, такими как *сообщать*, отражает дистанцированность автора от источника информации, создавая эффект объективности. Субъективная функция, характерная для глагола *заявлять*, фиксирует выраженную оценочность и авторскую позицию, что особенно значимо в политическом и международном дискурсе. Декларативная функция, связанная с глаголом *объявлять*, направлена на официальное доведение решений и инициатив до широкой аудитории, что типично для формально-делового и институционального стиля.

Семантический анализ и корпусные данные позволяют выявить различия в функциональном распределении глаголов *сообщать*, *заявлять* и *объявлять* в медиадискурсе. Глагол *сообщать* нейтрален и ориентирован на передачу фактической информации, что подтверждается его основными значениями: 'доводить сведения', 'уведомлять'. В отличие от него, глагол *заявлять* акцентирует субъективную позицию говорящего, маркируя политические и общественные высказывания, что отражается в его значениях: 'делать заявление', 'выражать мнение'. Глагол *объявлять*, в свою очередь, выполняет декларативную функцию, фиксируя институциональные решения, общественные инициативы и официальные сообщения, что коррелирует с его значениями 'оглашать', 'доводить до сведения'.

Схожесть глаголов *заявлять* и *объявлять* обусловлена их направленностью на формулирование значимых сообщений, однако различие проявляется в их стилевой и коммуникативной нагрузке: *заявлять* подчеркивает авторскую позицию и часто несет оценочную окраску, тогда как *объявлять* фиксирует факт официального сообщения, акцентируя его институциональную значимость. Безличные конструкции (*объявлено*, *заявлено*) способствуют усилению объективности, что особенно характерно для нормативных и деловых текстов. Таким образом, семантические и функциональные особенности глаголов определяют их жанрово-стилистическое распределение в медиадискурсе, формируя его структуру, модальность и коммуникативную направленность.

4. Лингвокультурный анализ.

Лингвокультурный аспект анализа показал, что в текстах «ЭКД!» выбор маркеров эвиденциальности связан с потребностью отражать сложный социально-политический контекст взаимодействия России и Китая. Частотное использование глаголов, передающих дистанцированную или официальную информацию, свидетельствует о стремлении ресурса поддерживать баланс между информативностью и нейтральностью. Это, в свою очередь, влияет на восприятие текстов аудиторией, формируя представления о достоверности и объективности материалов.

Выявлены жанровые различия между корпусами. Например, тексты «ЭКД!» демонстрируют более эмоционально-динамичный характер, что обусловлено спецификой интернет-дискурса, ориентированного на вовлечение аудитории. Газетный подкорпус НКРЯ, напротив, иллюстрируется текстами в формально-деловом стиле, который акцентирует внимание на нормативных инициативах и политических процессах.

Маркеры опосредованной эвиденциальности являются эффективным инструментом для выражения сложных ценностных ориентаций в текстах о международных отношениях. Они позволяют авторам передавать информацию через призму внешних источников, избегая категоричных оценок. Это важно для формирования многоаспектной риторики, особенно в условиях, когда ценности различных стран пересекаются или вступают в противоречие. Эвиденциальные маркеры создают гибкость, позволяя авторам дистанцироваться от прямых утверждений, тем самым передавая множественные перспективы без жесткой привязанности к одной точке зрения. Кроме того, они помогают установить отношение между позицией автора и включенными в текст мнениями других субъектов, что способствует созданию многогранной и модально насыщенной системы текстопостроения [5].

Заключение. «ЭКД!» формирует образ Китая через призму событий и явлений, интерпретируемых с учетом культурных различий и исторического контекста. Использование ГМ эвиденциальности позволяет не только передавать информацию, но и дистанцироваться от источников, создавая эффект нейтрального освещения событий. Это особенно важно в условиях насыщенного медиaprостранства, где объективность и доверие к информации играют ключевую роль.

Можно утверждать, что глагольные маркеры опосредованной эвиденциальности выступают не только лингвистическим инструментом, но и культурным индикатором, отражающим способы представления информации и её интерпретации в медиaprостранстве. Их изучение позволяет глубже понять механизмы формирования доверия к информации, структуры медиадискурса и взаимодействия между текстами разных жанров, открывают перспективы для анализа аксиологических и когнитивных аспектов использования эвиденциальности в международном медиадискурсе.

Исследование особенностей использования глагольных маркеров, косвенно передающих информацию, позволяет лучше понять механизмы формирования восприятия международных событий в медиaprостранстве и их влияние на общественное сознание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басовец И.М. Взаимодействие категорий, маркирующих авторство сообщаемого / И.М. Басовец // Язык и коммуникация в контексте культуры : Материалы международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 12 апреля 2023 года. – Ростов-н/Д. : Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2023. – С. 72–77.
2. Выровцева Е.В. Функции эвиденциальности в речевой модели возражения (научно-популярный медиадискурс) / Е.В. Выровцева, А.А. Самсонова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2023. – Т. 1. – № 1(40). – С. 132–138.
3. Вяткина С.В. Репрезентанты опосредованной эвиденциальности в российских СМИ / С.В. Вяткина // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, 14–21 марта 2023 года, Санкт-Петербург : Сборник тезисов. – СПб., 2023. – С. 944–945.
4. Вяткина С.В. К вопросу об эвиденциальности в информационно-публицистическом дискурсе / С.В. Вяткина, Т. Цзян // Слово. Словарь. Словесность : сб. науч. тр. – СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2024. – С. 25–32.
5. Ильина Е.В. Ирреалис, эвиденциальность, модальность: к проблеме соотношения категорий / Е.В. Ильина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – №7-2. – С. 26–30.

6. Козловский Д.В. Типы взаимодействия модусной категории «эвиденциальность» с другими модусными категориями / Д.В. Козловский // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». – 2022. – №5. – С. 1027–1036.
7. Козловский Д.В. Типы и виды эвиденциальности в языке / Д.В. Козловский // Язык и мир изучаемого языка : сборник научных статей. Том 9 / ред. совет: А.А. Зарайский, Е.А. Елина, С.П. Хижняк. – Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова». – 2018. – С. 149–152.
8. Лунина Т.П. О средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке / Т.П. Лунина // Известия ВГПУ. – 2020. – №5 (148). – С. 92–97.
9. Лутфуллина Г.Ф. Анализ функционирования глагола информирования для выражения категории пересказываемости в русском языке / Г.Ф. Лутфуллина // Филология и человек. – 2019. – № 4. – С. 58–69.
10. Никитина Е.Н. Субъектные нули и перцептивный модус (к вопросу о выражении категории эвиденциальности в русском языке) / Е.Н. Никитина // Вопросы языкознания. – 2013. – № 2. – С. 68–82.
11. Пермякова Т.Н. Репрезентация категории эвиденциальности в современных медиатекстах / Т.Н. Пермякова // Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования : Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию университета, Астрахань, 27–28 октября 2022 года. – Астрахань : Астраханский государственный университет, 2022. – С. 186–189.
12. Скоробач Н.Ю. Категория эвиденциальности как средство формирования модальности сомнения в текстах публицистического дискурса / Н.Ю. Скоробач // Известия ВГПУ. – 2020. – №4 (147). – С. 134–139.
13. Храковский В.С. Эвиденциальность и эпистемическая модальность / В.С. Храковский, В.И. Подлесная // Четвертая типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии (Ереван, 21-28 сентября 2005 г.) : Материалы лекций и семинаров. – М. : РГГУ, 2005. – С. 347–348.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

14. Большой толковый словарь русских глаголов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar-russkikh-glagolov> (дата обращения: 28.12.2024).
15. Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 28.12.2024).
16. Малый академический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/mas> (дата обращения: 28.12.2024).
17. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 27.12.2024).
18. Это Китай, детка! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ekd.me/ads/> (дата обращения: 27.12.2024).

REFERENCES

1. Basovets I.M. (2023). Vzaimodeystviye kategoriy, markiruyushchikh avtorstvo soobshchayemogo [Interaction of categories marking the authorship of the reported] In Yazyk i kommunikatsiya v kontekste kul'tury [Language and communication in the context of culture : Proceedings of the International Scientific and practical conference, Rostov-on-Don, April 12, 2023. Russian Academy of Sciences] (pp. 72–77). Rostov-on-Don: Rostov State University of Economics RINH (In Russian).
2. Vyrovtsseva E.V., Samsonova A.A. (2023). Funktsii evidentsial'nosti v rechevoy modeli vozrazheniya (nauchno-populyarnyy mediadiskurs) [Functions of evidentiality in the speech model of objection (popular science media discourse)]. In Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. Vol. 1, 1 (40). (pp. 132–138). (In Russian).
3. Vyatkina S.V. (2023) Reprezentanty oposredovannoy evidentsial'nosti v rossiyskikh SMI [Representatives of mediated evidentiality in the Russian media]. In LI International Scientific Philological Conference named after Lyudmila Alekseevna Verbitskaya, March 14–21, St. Petersburg: Collection of abstracts. (pp. 944–945). Saint Petersburg (In Russian).
2. Vyatkina S.V., Jiang T. (2024). K voprosu ob evidentsial'nosti v informatsionno-publitsisticheskom diskurse [On the issue of evidentiality in information and journalistic discourse]. In Word. Dictionary. Literature: [collection of scientific works] (pp. 25–32). St. Petersburg: Herzen State Pedagogical Univ. (In Russian).

3. Ilyina E.V. (2013). Irrealis, evidentsial'nost', modal'nost': k probleme sootnosheniya kategoriy [Irrealis, evidentiality, modality: towards the problem of the correlation of categories]. In Actual problems of the humanities and natural sciences. No.7-2, pp. 26–30 (In Russian).
4. Kozlovsky D.V. (2022). Tipy vzaimodeystviya modusnoy kategorii «evidentsial'nost'» s drugimi modusnymi kategoriyami [Types of interaction of the modus category "evidentiality" with other modus categories]. In Bulletin of the Udmurt University. "History and Philology, 5, pp. 149–152 (In Russian).
5. Kozlovsky D.V. (2018). Tipy i vidy evidentsial'nosti v yazyke [Types and types of evidentiality in language]. In (Ed. Council) A.A. Zaraisky, E.A. Elina, S.P. Khizhnyak. Language and the world of the studied language : a collection of scientific articles, 9. (pp. 149–152). Saratov (In Russian).
6. Lunina T.P. (2020). O sredstvakh vyrazheniya kosvennoy evidentsial'nosti v russkom yazyke [On the means of expressing indirect evidentiality in the Russian language]. In Izvestiya VGPU, 5 (148), pp. 92–97 (In Russian).
7. Lutfullina G.F. (2019) Analiz funktsionirovaniya glagola informirovaniya dlya vyrazheniya kategorii pereskazyvatel'nosti v russkom yazyke [Analysis of the functioning of the verb of information to express the category of retelling in the Russian language]. In Filologiya i chelovek, 4. pp. 58–69 (In Russian).
8. Nikitina E.N. (2013). Sub'yektnyye nuli i pertseptivnyy modus (k voprosu o vyrazhenii kategorii evidentsial'nosti v russkom yazyke) [Subject zeros and perceptual mode (on the question of expressing the category of evidentiality in the Russian language)]. In Voprosy yazykoznaniya, 2, pp. 68–82 (In Russian).
9. Permyakova T.N. (2022). Reprezentatsiya kategorii evidentsial'nosti v sovremennykh mediatekstkakh [Representation of the category of evidentiality in modern media texts]. In Vectors of development of Russian studies and linguodidactics in the context of modern philological education : Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference dedicated to the 90th anniversary of the University, Astrakhan, October 27–28, 2022. Astrakhan: Astrakhan State University of Higher Education. (pp. 186–189) (In Russian).
10. Skorobach N.Y. (2020). Kategoriya evidentsial'nosti kak sredstvo formirovaniya modal'nosti somneniya v tekstakh publitsisticheskogo diskursa [The category of evidentiality as a means of forming the modality of doubt in the texts of journalistic discourse]. In Izvestiya VGPU, 4 (147), pp. 134–139 (In Russian).
11. Khrakovsky V.S. (2005). Evidentsial'nost' i epistemicheskaya modal'nost' [Evidentiality and epistemic modality]. In V.I. Podleskaya (ed.). The Fourth typological School. International School of Linguistic Typology and Anthropology (Yerevan. September 21–28, 2005). Materials of lectures and seminars. (pp. 347–348). Moscow: RGGU (In Russian).

Поступила в редакцию 10.03.2025 г

VERBAL MARKERS OF MEDIATED EVIDENTIALITY IN RUSSIAN PUBLICATIONS ABOUT CHINA

Tianjiao Jiang

The article deals with the study of verbal markers of indirect evidentiality functioning in Russian publications about China and indirectly designating sources of information. In the context of globalization and saturation of the information field, media discourse plays a key role in shaping public perception of international events. Verbal markers are considered based on the material of 1,000 publications by Russian journalists on the website "This is China, Baby!" against the background of data from the National Corpus of the Russian Language. The analysis of the verbal markers frequency of use, determination of semantics and contextual functions of verbs, as well as the linguocultural analysis enable to characterize the verbs *to report*, *to declare*, and *to announce* as universal markers of evidentiality, allowing to distance ourselves from the source of information and objectively present information about China to the Russian reader in the media space.

Key words: mediated evidentiality, verb markers, media discourse, international relations, information perception, frequency of use, contextual analysis, functions of verb markers.

Цзян Тяньцзяо.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Аспирант.

ORCID: 0009-0003-5482-2085.

E-mail: jiangf@mail.ru

Jiang Tianjiao.

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation.

Postgraduate student.

ORCID: 0009-0003-5482-2085.

E-mail: jiangf@mail.ru

Научная статья

УДК 81'37

DOI: 10.5281/zenodo.15303692

ПАРАГРАФЕМЫ ТЕКСТА МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: КРЕОЛИЗАЦИЯ И ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКА БРЕНДОВ В МЕССЕНДЖЕРЕ TELEGRAM

© 2025 *Е.В. Федоровская*

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение «Московский политехнический университет»

ORCID 0009-0001-9035-3410

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В данной статье исследуются особенности использования параграфемных элементов в текстах маркетинговых коммуникаций, их роль в интернет-дискурсе и влияние на взаимодействие брендов с аудиторией. В условиях перенасыщенности медиапространства и трансформации потребительских предпочтений бренды используют креолизованные тексты и паралингвистические средства (эмодзи, стикеры, выделенный и скрытый текст) для установления эмоциональной связи с целевой аудиторией. Анализ публикаций брендов «Магнит Маркет», «МегаФон» и «Rostic's» в мессенджере Telegram продемонстрировал высокую актуальность параграфемных средств, их значимость для создания уникального лексического стиля и повышения узнаваемости брендов. Основное внимание уделяется адаптивности маркетингового языка к современным цифровым условиям, что позволяет усиливать ассоциативные связи с потребителями и формировать конкурентное преимущество. Результаты исследования подчеркивают, что паралингвистические элементы являются эффективными инструментами для привлечения внимания, создания эмоционального отклика и укрепления позиций брендов в динамичной цифровой среде.

Ключевые слова: параграфемы, интернет-дискурс, креолизованные тексты, язык маркетинговых коммуникаций, бренд-коммуникации.

Для цитирования: Федоровская Е.В. Параграфемы текста маркетинговых коммуникаций в цифровую эпоху. Креолизация и паралингвистические особенности на примере языка брендов в мессенджере Telegram / Е.В. Федоровская // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 3. – С. 113–122. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15303692>.

Введение. Современные маркетинговые коммуникации находятся на пересечении лингвистических и социокультурных трансформаций, вызванных развитием цифровых технологий и изменением потребительских предпочтений. В перенасыщенной медиасреде перед брендами стоит задача привлечения внимания, создания запоминающихся впечатлений и установления эмоциональных связей с аудиторией. Одним из ключевых инструментов для решения этих задач является использование креолизованных текстов и параграфемных элементов в интернет-дискурсе, которые интегрируют вербальные и визуальные компоненты, формируя единое смысловое пространство.

Сегодняшняя цифровая эпоха кардинально трансформировала способы коммуникации, что особенно заметно в сфере маркетинговых взаимодействий. Бренды, стремясь адаптироваться к динамично меняющимся условиям медиапространства,

активно используют новые лингвистические и паралингвистические инструменты для установления эмоциональной связи с аудиторией. Отличительной особенностью современных коммуникаций является интеграция паралингвистических элементов, таких как эмодзи, смайлики, выделенный текст и так называемый скрытый текст. Эти элементы, опираясь на традиционные лингвистические приемы, позволяют брендам адаптироваться к реалиям цифровой среды. Они не только дополняют вербальное сообщение, но и усиливают его воздействие, делая коммуникацию более выразительной и запоминающейся.

Исследования таких ученых, как И.Е. Клюканов и Е.Е. Анисимова, подчеркивают важность визуальной и графической составляющих в привлечении внимания и вызывании эмоционального отклика. Кроме того, применение этих инструментов развивается под влиянием новых медиаплатформ, таких как приложения для обмена сообщениями (например, Telegram).

Цель исследования – проанализировать современные тенденции использования параграфемных элементов в текстах маркетинговой коммуникации, обновить их типологию и выявить наиболее эффективные инструменты взаимодействия бренда с аудиторией. Эмпирическая база исследования включает публикации брендов «Магнит Маркет», «Мегафон» и «Rostic's» в «Telegram» за восьмимесячный период. Особое внимание уделяется анализу креолизованных текстов, их роли в формировании эмоционального взаимодействия с аудиторией и адаптации к требованиям цифровой среды.

Научная новизна работы заключается в актуализации списка параграфем, используемых в современных маркетинговых текстах, а также в выявлении их роли в формировании эмоционального отклика аудитории. Исследование дополняет существующие теоретические наработки в области паралингвистики и интернет-дискурса, предлагая новые подходы к анализу креолизованных текстов. Практическая же значимость исследования заключается в возможности применения его результатов для оптимизации маркетинговых коммуникаций.

Материалы и методы исследования. Данное исследование направлено на изучение актуальных параграфемных средств, используемых в текстах маркетинговых коммуникаций брендов, с акцентом на их применение в интернет-дискурсе. Особое внимание уделено влиянию цифровизации на языковую парадигму, трансформации используемых инструментов и их эффективности при взаимодействии с аудиторией. Материалами исследования стали 514 публикаций трех брендов: «Магнит Маркет», «МегаФон» и «Rostic's», размещенных на платформе быстрых сообщений (мессенджере) Telegram в течение восьми месяцев. Мессенджер Telegram был выбран в качестве исследовательской платформы благодаря его актуальности при коммуникационной активности брендов, а также гибкости и широким возможностям для креолизованных текстов.

Основным методом исследования выступил контент-анализ. Были проанализированы элементы параграфемного оформления, включая иконические символы (смайлы, эмодзи, стикеры), выделенный текст и так называемый скрытый текст. При этом исследование носило комплексный характер, охватывая как количественный анализ частоты использования параграфем, так и качественную оценку их влияния на аудиторию.

Изучение параграфемных средств выявило три ключевых тренда: активное использование смайлов, стикеров и эмодзи, высокую популярность выделенного текста и внедрение скрытого текста как нового средства коммуникации. Анализ также показал, что использование параграфемных элементов варьируется в зависимости от бренда, отражая индивидуальные стратегии взаимодействия с аудиторией.

Таким образом, исследование позволило актуализировать существующий список параграфем, а также выявить их роль в формировании эмоционального отклика и улучшении восприятия бренда. Эти данные подчеркивают важность дальнейшего изучения языковых инноваций в цифровой среде.

Основная часть. Паралингвистические средства языка находят применение в текстах маркетинговых коммуникаций на протяжении длительного времени. Широта вариативности их использования, возможности при формировании большей вовлеченности аудитории делает их значимым инструментом. Однако смена реалий в виде трансформации каналов коммуникации, возникновения новых из них, формирования новых норм языка под воздействием цифровизации, приемы, использующихся при выстраивании коммуникации, ставят вопрос о необходимости трансформации использующихся лингвистических инструментов.

Конечно, переход в диджитал-формат коммуникаций массового потребителя весьма заметно отразился на языке. Здесь можно упомянуть большое количество лексических неологизмов, регулярно обновляющихся, чему в значительной степени способствуют стремительно развивающиеся цифровые технологии. Стоит упомянуть также внедрение заимствованной лексики, что обусловлено открытой системой международной сети Интернет [9]. К тому же активность виртуального общения во многом способствовала стилистическому упрощению языка, что отразил российский лингвист Максим Кронгауз, рассматривающий адаптацию письменного языка в рамках интернет-дискурса, перенимающего нормы разговорной речи [7]. Данные метаморфозы не могли остаться незамеченными сферой маркетинговых коммуникаций, которая вынуждена оперативно реагировать на трансформации, актуальные для массового потребителя. Учитывая значимость текстового контента при выстраивании коммуникации, язык маркетинга адаптивен и претерпел значительные изменения.

Использование паралингвистических приемов, в частности параграфем, является часто применяемым инструментом современных бренд-коммуникаций. Переняв их у языка СМИ и в целом печатного текста, язык маркетинга сумел интегрировать их в свою деятельность. Однако активное использование в рамках своей медиаактивности таких каналов коммуникации, как социальные сети, способствовало распространению новых лингвистических норм для рекламного текста. Социальные сети и мессенджеры, пользуясь широкой распространённостью среди потребительской аудитории, стали одним из ключевых каналов взаимодействия с ними для представителей брендов. Однако насыщенность медиапространства, обилие потребляемого контента привели аудиторию к определенной пресыщенности и, как следствие, зашоренности, так называемой, информационной слепоте. В то же время необходимо сказать, что персуазивный характер использующихся языковых средств при выстраивании взаимодействия с аудиторией является одним из ключевых показателей эффективности [8]. Но быстро распространяющийся контент, увеличивающееся количество площадок для его размещения и потребления приводят к ситуации, когда остановить взгляд потребителя на своем информационном сообщении становится все сложнее. В свою очередь рекламное сообщение подвергается еще более критической оценке. Это заставляет бренды прибегать к поискам дополнительных способов воздействия на свою аудиторию. Когда мы рассматриваем цифровые коммуникации, стоит признать, что вербальная информация не всегда способна сконцентрировать внимание аудитории на себе и вынуждена прибегать к паралингвистическим средствам (т.е. невербальным).

Отдельно стоит отметить, что у паралингвистических средств есть возможность оказания эмоционального воздействия на потребителя данного контента, что в ситуации

с текстами маркетингового характера имеет очень большое значение. Использование привычных для пользователей языковых средств способствует сближению и интимизации коммуникативного процесса между брендом и его потребителями. Изучение актуальных параграфемных элементов может выступить в качестве инструмента по способствованию установлению тесных связей посредством наличия общих языковых привычек. Это, в свою очередь, способно привести к повышению общего уровня лояльности аудитории и, как следствие, улучшению показателей эффективности работы бренда.

Однако стоит отметить, что рассмотрение набора паралингвистических средств требует адаптации под сегодняшние реалии. Средства коммуникации и актуальные языковые привычки меняются. Логично, что и набор паралингвистических средств заметно изменился. Исследование параграфемных элементов ведется давно, например, данная область изучалась еще в 80-х годах прошлого века И.Э. Ключановым [5]. Значительных изменений данный перечень не претерпевал. Тогда как прямое рекламное воздействие активно теряет свою актуальность, освобождая место более нативным инструментам воздействия.

Рекламные коммуникации сменяются на бренд-коммуникации, что провоцирует применение приемов, имеющих антропоморфные формы и создающие возможность для более «человеческого» общения брендов, а также параграфемы, свойственные межличностной коммуникации. Иными словами, все более часто и активно в рамках коммуникации брендов используются элементы, свойственные межличностному общению, с применением средств, характерных для взаимодействия пользователей между собой. Это позволяет гуманизировать образ бренда в глазах потребителей, сместить фокус внимания с его продуктовых качеств на те ценности, что заложены непосредственно в позиционирование бренда и, как следствие, установить более тесный контакт.

Особое внимание при выстраивании коммуникации прагматического характера сегодня стоит уделить графическим элементам, которые становятся неотъемлемой частью текста маркетинговых коммуникаций на площадках социальных сетей и мессенджеров.

Использование параграфемных элементов не является новшеством, однако существующая типологизация затрагивает более классические варианты. Например, Л.П. Амири в статье «Параграфемные средства языковой игры как паралингвистические реалии в рекламной коммуникации» предлагает следующий перечень инструментов:

- использование математических знаков (с полной или частичной заменой вербального сегмента цифровым);
- использование физических символов (например, знак температуры t° или единицы измерения C°);
- использование денежных знаков (¥, €, \$);
- внедрение знаков препинания;
- использование интернет-символов (такие, как, например, @);
- применение зачеркиваний, исправлений, слияния, вставок, перевернутых букв;
- использование иконических символов – смайлов (☺) [1].

Подтверждают подобную типологизацию и другие исследователи. Например, Е.О. Захарова в своей статье «Особенности пунктуационно-графического взаимодействия в рекламе». Автор добавляет к вышеупомянутым инструментам шрифтовое выделение [3]. В труде С.В. Ильясовой «Язык СМИ и рекламы: игра как норма и как аномалия» подробно рассматриваются методы взаимодействия с аудиторией посредством рекламного текста и в качестве его параграфемных элементов приводится

список из математических знаков, физических символов, денежных символов, знаков препинания, зачеркиваний и перевернутых букв [4].

Безусловно, на протяжении длительного времени данные приемы часто использовались в рекламных текстах. Активное использование обозначенных нами выше параграфемных элементов находило применение как в рекламных слоганах (*ЛЮБАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ В ИПОТЕКУ С Б%ЛЬШИМИ СКИДКАМИ!*), так и в самом нейминге (например, название сети универсамов «7Я») [1]. Это позволяло привлечь внимание потребителя посредством нетипичного использования элементов (в данном случае – математических знаков). Однако в текущих реалиях рассматриваемый перечень претерпел изменения и некоторые из данных средств все реже можно встретить ввиду сниженного доверия потребителей к откровенно «рекламным» приемам. Следует пояснить, что данные параграфемы, такие как использование математических знаков, знаков препинания, физических символов, призваны подчеркнуть желаемое оказание воздействия на потребителя, тогда как сегодняшние реалии призывают к обратному. Поэтому в приведенном ниже исследовании мы проанализируем использующиеся методы и постараемся актуализировать список эффективных параграфем, применяемых в текстах бренд-коммуникаций, внося в него инструменты, находящие применение сегодня.

Важным свойством рассматриваемых языковых средств является экспрессивность, поскольку именно она позволяет вызвать больший эмоциональный отклик у аудитории, а это то свойство, которое является одним из основополагающих при выстраивании текста маркетинговых коммуникаций. Экспрессивность может носить разного рода характер: комплиментарный или коннотативный, что в обоих случаях является значимым в реалиях интернет-дискурса.

Особое внимание в выстраивании бренд-коммуникаций в интернет-пространстве отводится креолизированным текстам. А они, в свою очередь, согласно утверждению Е.Е. Анисимовой, представляют «сложное текстовое образование, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [2]. На сегодняшний день одним из ключевых каналов коммуникации с постоянным взаимодействием бренда с аудиторией являются социальные сети и мессенджеры. Оценить значимость использования креолизированных текстов, а также применение конкретных параграфем можно, проанализировав деятельность брендов в мессенджерах и социальных сетях. Для рассмотрения мы выбрали три бренда из разных областей деятельности и одну из ключевых площадок, согласно данным исследовательской компании «MediaScore», – Telegram [11]. Данная площадка выбрана не случайно: благодаря специфике своего функционала она дает возможность применения разнообразных лингвистических форм и инструментов.

В качестве исследовательской базы нами были рассмотрены следующие бренды из разных товарных категорий: «Магнит Маркет», «Мегафон» и «Rostic's». Период для анализа был выбран более 8 месяцев. Целью анализа было рассмотреть значение креолизированных текстов, установить актуальные параграфемы, а также выделить те, которые в сегодняшних реалиях не используются, благодаря чему актуализировать список параграфем, применяемых в текстах маркетинговых коммуникаций.

При рассмотрении использования тех или иных средств и инструментов языка в случае, когда речь идет о маркетинговых коммуникациях, одним из ключевых аспектов является их эффективность при выстраивании взаимодействия с аудиторией потребления контента, в том числе эмотивная функция. Анализируя статистические данные, можно прийти к пониманию прагматических показателей данных аспектов.

Первым брендом для проведения аналитики был выбран «Магнит Маркет». В коммуникации данного бренда нами было проанализировано 115 публикаций. Было установлено, что среди них 104 публикации относились к креолизированным текстам, что составляет более 90%. Это говорит об активном использовании их брендом. Касательно параграфом стоит отметить, что ни в одной публикации не были замечены физические символы, математические знаки, денежные единицы, а также интернет-символы, внедрение знаков препинания или использование зачеркиваний и перевернутых букв. Однако анализируемые тексты изобиловали смайлами и индивидуальными эмодзи. Здесь следует уточнить, что использование брендированного пакета эмодзи или стикеров является частым и успешным методом, претендующим пополнить перечень параграфом текста маркетинговых коммуникаций [12]. Говоря об эмодзи, их прагматический потенциал отмечают как маркетологи, так и лингвисты. Возможность передавать широкий спектр эмоций при помощи графических элементов отмечают и Е.А. Кольцова и Ф.И. Карташкова [6]. Антропоморфность эмодзи позволяет устанавливать более близкий контакт с потребителем, несмотря на цифровой формат коммуникации.

В случае с брендом «Магнит Маркет» из рассматриваемого числа постов 96 содержали смайлы и эмодзи. В свою очередь это составляло более 83% от общего количества рассматриваемых текстов. Стоит указать, что при подсчетах не учитывались смайлы, направленные на стимулирование активности аудитории в постановке реакций.

Нередким в текстах публикаций данного бренда является использование выделенного текста. Из указанных публикаций 86 содержали текстовые выделения, что говорит об актуальности приема [12].

Еще одним инструментом, использующимся брендами в социальных сетях (преимущественно на площадке мессенджера Telegram), является такое средство, как скрытый текст. Данный инструмент не имеет аналогов и потому на данный момент не относится ни к какой классификации. Но мы полагаем, что, вероятно, его следует отнести к параграфемным средствам языка, поскольку, по мнению Н.Л. Шубиной, «параграфемика изучает невербальные способы передачи и выражения информации в письменном тексте (рукописном и печатном). В число семиотических единиц, входящих в параграфемiku, включен широкий спектр семиотических единиц (цифры, графики, символы, схемы, фотографии, рисунки, таблицы, пунктуационные знаки в узком понимании и др.)» [10]. Учитывая, что так называемый скрытый текст является в некотором смысле графической передачей информации, причисление к подобной классификации нам кажется уместным. Стоит сказать, что скрытой при креолизированных текстах может быть как текстовая, так и визуальная информация.

Бренд «Магнит Маркет» в своей коммуникации использует инструмент скрытого текста в 28 публикациях, что составляет почти четверть от общего числа рассмотренных текстов.

Следующим брендом для рассмотрения нами был взят бренд «Мегафон». За аналогичный период брендом было совершено 119 публикаций. Их анализ был произведен по тем же критериям, в ходе чего нами было установлено: порядка 84 публикации, или 70,5% из общего числа, относились к креолизированным текстам. При этом с параграфемами в виде смайлов и эмодзи был 101 пост, что составило уже почти 85% от общего количества. Стоит сказать, что тональность коммуникации бренда можно определить как сдержанную, но использование брендированных эмодзи (бренд «Мегафон» имеет свой пакет эмодзи, а также стикерпак) позволяет установить более тесный и доверительный контакт с аудиторией, чему свидетельствует число реакций на посты, выражающих высокий уровень вовлеченности аудитории. 83 публикации

использовали для акцентирования выделения текста. Что же касается скрытого текста, он выполняет аналогичную функцию, число постов, содержащих его, достигает 42, что составляет уже порядка 35% от общего числа публикаций [13].

Третьим брендом для исследования выступил «Rostic's», который имеет высокий показатель коммуникационной активности и отличается активным постингом. Нами были проанализированы 280 публикаций, сделанных брендом за аналогичный период. Из указанных публикаций 233, то есть порядка 83% от общего количества проанализированных текстов, можно отнести к креолизированным. В свою очередь параграфемы в виде эмодзи и смайлов содержали 234 публикации (данный бренд также имеет разработанный индивидуальный пакет эмодзи и стикерпак, что еще раз указывает на актуальность и эффективность этой параграфемы). 189 публикаций использовали выделенный текст, что составляет 67,5%. Скрытый текст содержали 32 публикации из общего числа. Использование же физических символов, математических знаков, денежных единиц, интернет-символов, а также внедрения знаков препинания или использование зачеркиваний и перевернутых букв отмечено в ходе проведенного анализа не было [14].

Таким образом, проведенная аналитика 514 публикаций позволяет нам убедиться в необходимости актуализации списка параграфем, использующихся в текстах маркетинговых коммуникаций на сегодняшний день. Активное использование социальных сетей и мессенджеров как одного из ключевых каналов коммуникации для брендов с аудиторией, делает необходимым акцентировать внимание на приемах, характерных для интернет-дискурса. Привычные методы теряют свою значимость и все реже находят применение. Так проведенное исследование помогает нам выявить параграфемы, потерявшие актуальность, и, напротив, использующиеся брендами. Анализ указанных текстов не выявил ни одного использования физических символов, математических знаков, денежных единиц, а также интернет-символов, внедрение знаков препинания или использование зачеркиваний и перевернутых букв, что говорит о потере актуальности применения данных параграфем в условиях интернет-дискурса. Актуальными приемами мы можем назвать следующие:

- иконические символы: смайлы, эмодзи, стикеры;
- выделенный текст;
- скрытый текст.

Стоит отметить, что во всех случаях исследованных текстов креолизированные тексты составляют преобладающее число от общего количества публикаций.

Сформированный набор параграфем текстов маркетинговых коммуникаций не является исчерпывающим и может претерпевать изменения и дополняться. Динамика развития текстов цифрового пространства высока и требует динамического перманентного анализа. Предложенное нами исследование имеет перспективы, так как значимость паралингвистических приемов очень высока для маркетинговых текстов и возможность нативного взаимодействия с аудиторией становится лишь актуальнее.

Заключение. Настоящее исследование посвящено анализу параграфемных элементов в текстах маркетинговых коммуникаций в цифровую эпоху, с акцентом на их креолизацию и паралингвистические особенности на примере брендов в мессенджере Telegram. В условиях перенасыщенного медиапространства бренды вынуждены искать новые способы привлечения внимания и установления эмоциональной связи с аудиторией, что делает изучение параграфем особенно актуальным.

Проведённое исследование продемонстрировало, что использование паралингвистических средств, таких как параграфемы, в текстах маркетинговых

коммуникаций является неотъемлемым элементом современной цифровой среды. Эти средства помогают брендам адаптироваться к реалиям интернет-дискурса, привлекая внимание аудитории и обеспечивая эффективное взаимодействие.

Среди ключевых выводов исследования стоит указать происходящую трансформацию маркетинговых коммуникаций в цифровую эпоху.

Развитие цифровых технологий и изменение потребительских предпочтений привели к эволюции языковых средств в маркетинге.

Традиционные рекламные тексты уступают место более нативным и антропоморфным формам коммуникации, что отражается в использовании параграфов, характерных для межличностного общения.

Креолизованные тексты, объединяющие вербальные и визуальные компоненты, становятся ключевым инструментом взаимодействия с аудиторией. Анализ 514 текстов из публикаций брендов «Магнит Маркет», «МегаФон» и «Rostic's» выявил преобладающее использование креолизованных текстов (до 80% от общего числа).

Говоря об актуальных параграфах в современных бренд-коммуникациях, можно отметить, что анализ публикаций рассматриваемых брендов в рамках их деятельности в мессенджере Telegram показал, что традиционные параграфы (математические знаки, денежные знаки, физические символы, зачеркивания, знаки препинания) утрачивают актуальность.

Наиболее востребованными оказалось использование эмодзи, смайлов, стикеров, выделенного и скрытого текста в рамках креолизованных текстов, что подтверждает их высокую эффективность для привлечения внимания аудитории и создания более «человеческого» контакта. Антропоморфность эмодзи, смайлов, стикеров позволяет установить более тесный контакт с аудиторией, имитируя «человеческое» общение. Выделенный текст применяется для акцентирования ключевых сообщений, позволяя направлять внимание аудитории. Скрытый текст выступает в качестве нового инструмента, повышающего интерактивность и вовлеченность.

В целом сочетание вербальных и визуальных элементов усиливает прагматическое воздействие на аудиторию, делая сообщения более запоминающимися.

Говоря об эмоционально-оценочной функции, можно отметить, что паралингвистические средства усиливают эмоциональную связь между брендом и потребителем, позволяя эффективно адаптировать маркетинговые сообщения под потребности и предпочтения целевой аудитории.

Это демонстрирует необходимость постоянной адаптации к новым форматам цифровой коммуникации. Тем не менее, использование данных методов укрепляет конкурентные позиции брендов и позволяет глубже интегрироваться в социокультурный контекст.

Таким образом, развитие текстов маркетинговых коммуникаций должно учитывать динамичные изменения в цифровой среде. Актуализация параграфного инструментария и креативное использование его элементов остаются важными направлениями для дальнейших исследований.

Этот анализ подчёркивает, что языковые инновации и паралингвистические элементы становятся значимыми инструментами в создании эффективных коммуникационных стратегий брендов, способствуя формированию их уникального позиционирования на рынке.

В целом проведенное исследование демонстрирует, что параграфные элементы играют крайне важную роль в адаптации брендов к цифровой среде, способствуя более эффективному и эмоционально насыщенному взаимодействию с потребителями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амири Л.П. Параграфемные средства языковой игры как паралингвистические реалии в рекламной коммуникации / Л.П. Амири // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2013. – № 2(12). – С. 69–76.
2. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е.Е. Анисимова. – М. : Академия, 2003. – 128 с.
3. Захарова Е.О. Особенности пунктуационно-графического взаимодействия в рекламе / Е.О. Захарова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – № 7 (172). – С. 130–137.
4. Ильясова С.В. Язык СМИ и рекламы: игра как норма и как аномалия. Монография / С.В. Ильясова, Л.П. Амири. – М. : Флинта, 2016. – 328 с.
5. Клюканов И.Э. Структура и функции параграфемных элементов текста : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / И.Э. Клюканов. – Саратов, 1983. – 18 с.
6. Кольцова Е.А. Мультиmodalный характер цифровой коммуникации: функционирование эмодзи в межличностном общении / Е.А. Кольцова, Ф.И. Карташкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 769–783. – DOI 10.22363/2313-2299-2022-13-3-769-783.
7. Кронгауз М.А. Как интернет-язык делает письменную речь формой существования разговорного языка / М.А. Кронгауз // Клуб любителей русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20141027224850/http://slovari21.ru/analytics/maksim_krongauz_litdibr_ot_blogera_ili_kak_internet-yazik_delaet_pismennuu_rech_formoy_suschestvovan (дата обращения: 23.08.2024).
8. Рюкова А.Р. Языковые способы реализации персуазивности / А.Р. Рюкова, Е.А. Филимонова // Вестник Башкирского университета. – 2016. – Т. 21, № 2. – С. 431–435.
9. Федоровская Е.В. Функционирование неологизмов в диджитал-среде / Е.В. Федоровская // Язык как фактор интеграции образовательных систем и культур : Материалы XVI Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию Института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгород, 26 декабря 2023 года. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2024. – С. 96–99.
10. Шубина Н.Л. Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста : дисс. ... доктора филол. наук / Н.Л. Шубина. – СПб., 1999. – 455 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Лукьянова А. Аудитория социальных медиа / А. Лукьянова // Исследовательская компания Mediascope [Электронный ресурс]. – Режим доступа – https://mediascope.net/upload/iblock/438/37qf2vk4di1n4ncguevk3mufyzb11qfx/Аудитория_социальных_медиа_Mediascope.pdf (Дата обращения 15.08.2024).
12. Магнит Маркет : официальный канал бренда // Telegram [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://t.me/magnitmrkt> (Дата обращения 15.08.2024).
13. Мегафон : официальный канал бренда // Telegram [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/megafon_online (Дата обращения 15.08.2024).
14. Rostic's : официальный канал бренда // Telegram [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://t.me/ROSTICS.ru> (Дата обращения 15.08.2024).

REFERENCE

1. Amiri L.P. (2013). Paragrafemnye sredstva yazykovoy igry kak paralingvisticheskie realii v reklamnoy kommunikatsii [Paragraphemic means of language game as paralinguistic realities in advertising communication]. Vestnik MGPU. Series: Philology. Language Theory. Language Education, 2(12), 69–76. EDN REVTIP. (In Russian).
2. Anisimova E.E. (2003). Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov) [Linguistics of the text and intercultural communication (on the material of creolised texts)]. Moscow: Academy. (In Russian).
3. Zakharova E.O. (2016). Osobennosti punktuatsionno-graficheskogo vzaimodeistviya v reklame [Features of punctuation-graphic interaction in advertising]. Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, 7(172), 130–137. (In Russian).
4. Ilyasova S.V. & Amiri L.P. (2016). Yazyk SMI i reklamy: igra kak norma i kak anomal'ya [The language of mass media and advertising: play as a norm and as an anomaly]. Moscow: Flinta, 328 p. (In Russian).

5. Klukanov I.E. (1983). Struktura i funktsii paragrafemnykh elementov teksta: spetsial'nost' 10.01.08 "Teoriya literatury. Tekstologiya" [Structure and functions of paragraphemic elements of the text: speciality 10.01.08 'Theory of literature. Textology'] (Dissertation abstract). Saratov. EDN PXVOQF. (In Russian).
6. Koltsova E.A. & Kartashkova F.I. (2022). Multimodal'nyi kharakter tsifrovoy kommunikatsii: funktsionirovanie emodzi v mezhlichnostnom obshchenii [Multimodal nature of digital communication: emoji functioning in interpersonal communication]. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics, 13(3), 769–783 (In Russian).
7. Krongauz M.A. (2009). Kak internet-yazyk delaet pismennuyu rech formoy sushchestvovaniya razgovornogo yazyka [How internet language makes written language a form of spoken language existence]. Club of Russian Language Lovers. (In Russian).
8. Rukova A.R. & Filimonova E.A. (2016). Yazykovye sposoby realizatsii persuazivnosti [Linguistic ways of realising persuasiveness]. Bulletin of Bashkir University, 21(2), 431–435 (In Russian).
9. Fedorovskaya E.V. (2024). Funktsionirovanie neologizmov v digital-srede [Functioning of neologisms in digital environment]. In Language as a factor of integration of educational systems and cultures: Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference dedicated to the 10th anniversary of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod, 26 December 2023 (pp. 96–99). Belgorod: Epicentre LLC (In Russian).
10. Shubina, N. L. (1999). Punktuatsiya v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte i yeye mesto v semioticheskoy sisteme russkogo teksta [Punctuation in the communicative-pragmatic aspect and its place in the semiotic system of the Russian text] (Doctoral dissertation). St. Petersburg (In Russian).

PARAGRAPHEMES IN TEXTS OF MARKETING COMMUNICATIONS AT DIGITAL AGE. CREOLISATION AND PARALINGUISTIC FEATURES ON EXAMPLE OF BRANDS' LANGUAGE IN TELEGRAM MESSENGER

E.V. Fedorovskaya

The article explores the use of neologisms in brand communications within the framework of Internet discourse, focusing on their argot character and their role in the formation of associative links with the audience. The lexical innovations that become a tool for creating subcultural communities of consumers that strengthen their loyalty to the brand are analysed. The research is based on empirical data obtained in the course of the content analysis of messages in the Telegram messenger, as well as on the questionnaire survey of 148 respondents interacting with such brands as Sber, MTS, and Megafon. The results of the study demonstrate that the use of neologisms in the digital environment contributes to audience stratification and enables brands to adapt the language of communication to the values and expectations of target groups. A special attention is paid to the role of borrowings, word formation mechanisms, and semantic derivation, which create a unique lexical image of brands. The conclusion is made about the importance of argotic neologisms as a tool of personalisation of communication, forming a unique style of interaction with consumers and strengthening the positioning of brands in the competitive environment.

Keywords: neologisms, Internet discourse, brand communication language, argotic lexicon, digital environment, argotic neologisms, marketing communications.

Федоровская Екатерина Владимировна.

Московский политехнический университет,
г. Москва, Российская Федерация.

Аспирант кафедры «Русский язык и история
литературы»; старший преподаватель кафедры
«Реклама и связи с общественностью в
медиаиндустрии».

ORCID 0009-0001-9035-3410.

E-mail: katrinkati@yandex.ru.

Fedorovskaya Ekaterina Vladimirovna.

Moscow Polytechnic University, Moscow,
Russian Federation.

Postgraduate student at Department of Russian
Language and History of Literature; Senior Lecturer at
Department of Advertising and Public Relations in
Media Industry.

ORCID 0009-0001-9035-3410.

E-mail: katrinkati@yandex.ru.

Научная статья

УДК: 81'373.48

DOI: 10.5281/zenodo.15304889

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЛИНГВАЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ МЕМА *ВЫ ПРОДОЕТЕ РЫБОВ?* (К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССЕ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ)

© 2025 Чжан Цзысин

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
ORCID: 0009-0001-4091-1082

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматривается история появления одного из популярных интернет-мемов – *Вы продоете рыбов?* Фразеологизированный диалог, служащий базой для этого комического интернет-жанра, содержит различные нарушения языковых норм: ошибочные морфологические формы падежа, числа и рода; несогласованность грамматической и контекстуальной лексической семантики; ошибочная орфография; нарушение законов лексической сочетаемости. Эти явления делают мем узнаваемым, ведут к его фразеологизации с целью передачи иронических смыслов. На базе мема *Вы продоете рыбов?* образуются синкретичные креолизованные тексты, включающие другие популярные мемы, что приводит в одних случаях к явлениям аллюзии, включая автоаллюзию, и парафразу, что свидетельствует о проявлении интертекстуальной функции анализируемого мема. Постепенное появление всех идиоматических признаков в меме *Вы продоете рыбов?*, включая устойчивое значение ‘сообщение о несоответствии собственных ожиданий и суровой окружающей реальности’, свидетельствует о завершении процесса фразеологизации в названном комическом интернет-тексте.

Ключевые слова: комическое, интернет-коммуникация, жанр, фразеологизация.

Для цитирования: Чжан Ц. Происхождение и лингвальное варьирование мема *Вы продоете рыбов?* (к вопросу о процессе фразеологизации) / Ц. Чжан // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 3. – С. 123–136. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15304889>.

Введение. С появлением Интернета и в связи бурными темпами развития информационных технологий активизируется появление новых понятий и новой терминологии в этой сфере общения, что стало предметом исследования многих отечественных и зарубежных лингвистов (Е.Н. Галичкина, Е.И. Горошко, Т.Н. Колокольцева, Л.Ф. Компанцева, О.В. Лутовинова, Н.Б. Мечковская, И.Н. Розина, М.С. Рыжков, Л.В. Самойленко, М.Ю. Сидорова, Г.Н. Трофимова, Л.Ю. Щипицина, S. Barnes, R. Campbell, S.C. Herring, J. Nielsen, J. Sanderson, U. Schmitz и др.). Многие вопросы, связанные с отдельными характеристиками интернет-коммуникации, по сей день остаются дискуссионными. Одним из них является закреплённость терминологической номинации – интернет-дискурс, или интернет-коммуникация. Так, Н.В. Гладкая определяет интернет-дискурс как «особый тип общения, реализуемый в глобальной сети. Такое понимание даёт возможность, с одной стороны, рассматривать данное явление как разновидность коммуникации, а с другой – как ситуацию коммуникации» [1, с. 186]. Однако, на наш взгляд, следует говорить об

интернет-коммуникации, поскольку в виртуальном пространстве можно наблюдать функционирование дискурсов различных типов. Таким образом, интернет-коммуникация – это «...полифункциональное общение в электронной среде, для которого характерны дистантность, опосредованность, мультимедийность (и как следствие – поликодовость сообщений), гипертекстуальность, разнообразие дискурсивных и жанровых воплощений, а также возможность широкого варьирования по параметрам "персональность / институциональность"» [5, с. 1].

Интернет-коммуникация служит источником порождения разнообразных жанров, функционирующих в определённых условиях и основывающихся на психологических, социальных и культурных факторах, что было отражено в работах О.В. Лутовиновой [7], Н.В. Гладкой [1], Ю.В. Щуриной [13; 14] и др. Термин *речевой жанр* мы понимаем традиционно – это устойчивая форма текстового произведения [11, с. 4]. *Интернет-жанр* функционирует в специфической коммуникативной среде и обладает определёнными характеристиками, возможными только в условиях цифровой среды, – подвижностью границ, мультимедиаальностью [4]. Наибольшую популярность получили комические/смеховые интернет-жанры (см., например: [1; 6]).

С точки зрения участия в возникновении и распространении устойчивых выражений существуют такие виды комических интернет-жанров, как мемы, интернет-анекдоты, демотиваторы, веб-комиксы, пикчи, комические скриншоты, бугурт-треды, сатирические новости и др. Названные жанры представляют собой не только текст, часто в них присутствует иконическая часть, что дает право относить их к креолизированным текстам (термин Ю.А. Сорокина и Е.Ф. Тарасова; [9]) – это «сложное визуально-текстовое единство, в котором вербальные и невербальные элементы синтезируются в визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, целью которого является комплексное воздействие на адресата» [1, с. 53].

Причиной популярности креолизированных текстов является их развлекательно-юмористический характер. Благодаря иллюстративно-визуальному ряду обеспечивается восприятие текста. Появление подобного рода текстов в интернет-дискурсе обуславливается общими тенденциями интернет-коммуникации: сжатость текста (для экономии времени), наличие feedback (обратной связи, т.е. возможности дальнейшего распространения понравившегося текста, цитаты), оценочность (возможность выразить свое отношение к тексту в категориях нравится / не нравится / репост), объединение текста и изображения.

В центре внимания нашей статьи такой комический интернет-жанр, как *мем*. Сам термин понимается в широком (все смеховые жанры сети) и узком смысле. Р. Докинз определил одним из важных свойств мема репликацию, то есть распространение в новых вариантах с сохранением базовой смысловой части. Таким образом, в узком смысле слова, мем – это комический речевой жанр, в котором присутствует информация в скрытой и открытой форме, причем в вербальном и визуальном видах [12, с. 33], и который реплицируется с определенной смысловой константой. Мем может копироваться и передаваться от одного носителя другому с большой скоростью распространения в Интернете, подвергаясь селекции и храня культурную информацию.

Комические речевые жанры становятся одним из новых источников пополнения языка устойчивыми выражениями, которые получили распространение благодаря Интернету, поскольку, как констатирует Ю.В. Щурина, «специфика интернет-коммуникации определяется глобальностью масштабов и возможностью практически мгновенного свободного распространения любой информации. Это открытое

пространство является почти идеальной средой для существования и развития смеховой стихии» [14, с. 219–220], а также активной популяризации отдельных фраз и выражений.

Придерживаясь широко взгляда на фразеологическую единицу (см. работы В.Л. Архангельского, А.Г. Ломова, Н.М. Шанского, В.Н. Телия и др.) и ее базовые признаки, можно утверждать, что мемы обладают такими важнейшими признаками фразеологизма, как устойчивость (их компонентный состав не меняется и опознается многими участниками интернет-общения), образность (причем создаваемый вербальный образ «подкрепляется» визуальной частью, что усиливает эффект восприятия информации, заложенной в меме), последний признак становится базой для формирования экспрессии, воздействуя на читателя и картинкой, и словом. Однако непроницаемость в мемах наблюдается непоследовательно, что отражается в возникновении различных текстовых вариантов. И всё же названные признаки, на наш взгляд, позволяют отнести отдельные мемы или их части к фразеологизмам (есть мнение об отнесенности мемов к паремиям, см. [8, с. 79]). Это ведет к активному пополнению в последние десятилетия фразеологической системы русского языка и определяется тем, что «спонтанному неконтролируемому распространению от одного интернет-пользователя к другому подвержена не всякая информация, а только та, которая каким-либо образом оставляет многих пользователей неравнодушными к ней» [14, с. 226].

Актуальным является подробный анализ процесса фразеологизации новых устойчивых выражений, зарождающихся в интернет-коммуникации, в частности в комических интернет-жанрах. Теоретическое осмысление всех языковых явлений, которые возникают на этом пути, составляют научную **новизну** данной статьи. Вклад в неофразеологию современного русского языка в плане расширения представлений о новых путях развития и пополнения названного выше уровня языковой системы определяет **теоретическую значимость** нашего исследования. Исходя из сказанного, **целью** его является рассмотрение истории появления и трансформаций, прежде всего языковых, такого мема, как *Вы продоете рыбов?* **Материалы и методы исследования.** Материал исследования черпался нами прежде всего на сайтах *tetepedia.ru*, *comicsbook.ru*, *bash.org.ru* и др. В качестве основных методов исследования, помимо описательного, были задействованы методы контекстуального и интертекстуального анализов, семантико-стилистический и сопоставительный.

Основная часть. Картинка с котиками как основа мема *Вы продоете рыбов?* появилась в 2014 году, далее в июле 2021 года в социальной сети «ВКонтакте» в сообществе «Мемы про котов (по ржать)» к иконической части был добавлен диалог, причем вначале интернет-мем выглядел так (рис. 1).

Рисунок 1. Изначальный вид мема

Как видим, в вымышленном диалоге упоминались лобстеры, что, предположительно, является отсылкой к шрифту Lobster. Вариант с ошибочной морфологической формой *рыбов* появился позже. После его популяризировали пользователи социальной сети Twitter¹², выкладывая фотографии своих домашних питомцев с добавленными диалогами и намеренно искажая морфологическую форму слов по образцу *рыбов* (например: *Вы продоёте ежевиков?*) либо жалуясь на отсутствие чего-либо (например: *Вы выдаёте зарплатов?*). 21 июля того же года создатели интернет-мема опубликовали его вариацию, где кошки отвечали «некрасивое», однако она не стала такой же популярной, как оригинальное изображение.

В «Российской газете» говорится о семантике этого интернет-мема: «Теперь же это универсальный способ рассказать собеседнику или всему миру о несоответствии собственных ожиданий и суровой окружающей реальности. Или о желаниях и планах, которым не суждено сбыться» [15].

Анализируя креолизированный текст интернет-мема, можно отметить, что в нем есть намеренная орфографическая ошибка в проверяемой безударной гласной корня *продОете* (правда, в некоторых мемах данная ошибка отсутствует), а также неправильные морфологические формы:

- падежная форма мн.ч. сущ. *рыбы*: должно быть *продаете рыб* или *рыбу* (В.п.), а в меме – *рыбов* (Р.п.);

- в ответе употребляется прилагательное в форме ед.ч. ср. р. *красивое*, верной должна быть форма мн.ч., потому что согласуется со словом *рыбы*, или ед.ч. ж.р., которая согласуется с возможной собирательной контекстуальной семантикой слова *рыба*.

Рисунок 2. Вариации мема

Закрепились и стали переходить из мема в мем ошибочные формы конкретного существительного (*рыбов* – Р.п. мн.ч.) и прилагательного (*красивое* – ср.р. ед.ч.), сам мем получил различные преобразования. Рассмотрим их подробнее.

В вариантах мема про *рыбов* отмечены следующие лингвальные явления.

Грамматическая фразеологизация: у конкретного существительного *плитка* неправильная морфологическая форма Р.п. мн.ч. – *плитков*, а также несогласованное с ним в ответе прилагательное *красивое* (ср.р. ед.ч.).

¹² Совр. Х; социальная сеть, запрещённая на территории Российской Федерации.

Рисунок 3. Вариация мема с плиткой

Одушевленное существительное *координатор* нарушает законы лексической сочетаемости (продавать людей нельзя). Прилагательное *крестроновое* (*крестроновый*), так адаптированное в жаргоне, отсылает к американской фирме Crestron Electronics (или Crestron), разрабатывающей и производящей новейшее аудио- и видеооборудование.

Рисунок 4. Вариация мема с координаторами

Вещественное существительное *мясо* не имеет формы мн.ч., однако в меме представлена неправильная морфологическая форма – Р.п. мн.ч., также в приведенных ниже мемах имеется уже отмеченная ранее в ответах намеренная грамматическая ошибка – употребление прилагательных в форме ср.р. ед.ч. *бессердечное* и *тёплое*, которые не согласуются с вещественными существительными, поданными в вопросах.

Рисунок 5. Вариации мема с мясом и газом

Абстрактные существительные *зарплата* и *отпускные* тоже не имеют формы мн.ч., однако в меме присутствует неправильная морфологическая форма – Р.п. мн.ч. Кроме того, во втором меме есть и орфографическая ошибка в непроверяемой гласной корня – *кросивое*.

Рисунок 6. Вариации мема с зарплатой и отпускными

Рисунок 7. Вариации мема с универсиадой и резюме

Рисунок 8. Вариация мема

Появился вариант мема, смысл которого противоположен изначальному, исходному: собственные ожидания оправдываются, вопреки суровой окружающей реальности, поскольку продавец проникается жалостью к уличным животным. Это единственный вариант мема, где используется его антифрастическая трактовка.

В одном из мемов нами отмечена грамматическая метатеза адресанта и объекта покупки: объект *рыбов* сменился на *кошков*.

Рисунок 9. Вариация мема с кошками

Текст мема менялся, что привело к возникновению автоаллюзии и наличию концовки в истории *про рыб*.

Рисунок 10. Вариации мема с автоаллюзией

Автоаллюзия присутствует и в следующем варианте, когда на приеме у ветеринара, возможно, идет поиск причин плохого самочувствия кота.

Рисунок 11. Вариация мема с автоаллюзией

В приведенном ниже меме отмечена текстовая диереза, однако он остался узнаваемым за счет фразеологизированных уже грамматических форм: ключевых слов *красивое* и *продаете*.

Рисунок 12. Вариация мема с диерезой

Фразеологизированная морфологическая форма используется и в наименовании одного из знаков зодиака.

Рисунок 13. Вариация мема со знаком зодиака

Со временем мем *про рыбов* начал объединяться с другими известными мемами, образуя синкретичный креолизированный текст. Ю.В. Щурина отмечает, «что наиболее популярные лица зачастую становятся самостоятельными мемперсонажами, упоминания о которых, выходя за пределы интернет-среды, распространяются и в других сферах коммуникации» [13, с. 37]. Так, в целой серии мемов используется фотография Леонида Каневского и текст завершающих фраз ведущего программы «Следствие вели» – *Впрочем, это уже совсем другая история (Но это уже совсем другая история)*. Они используются, чтобы сменить тему разговора, показаться загадочным или саркастично намекнуть на то, чего никогда не будет на самом деле.

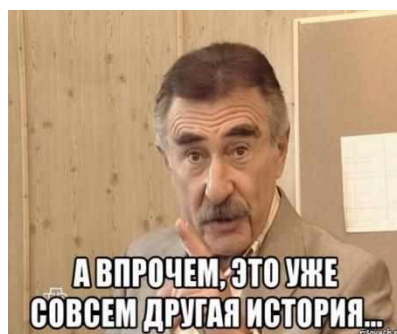

Рисунок 14. Мем с Л. Каневским

Соединением двух мемов образовался следующий:

Рисунок 15. Синкретичный мем

Одним из распространенных в Интернете в последние пять лет является мем *Наташа и коты* (*Наташа* – собирательный образ, часто фигурирующий в постах «Котизма», именно это женское имя сделало мем узнаваемым), который стал символом различных проблем. В нем отмечаются фразеологизировавшиеся фразы – *Наташ, вставай!* и *Наташ, ты спишь?*

Мем про *Наташу* объединился в текстовом плане с мемом про *рыбов*.

Рисунок 16. Мем о Наташе и котках

Рисунок 17. Синкретичный мем

В синкретичном меме тоже может наблюдаться текстовая диереза, однако оба известных мема узнаются по ключевым словам и морфологическим формам.

Рисунок 18. Синкретичный мем

На основе мема *про рыбов* возникли другие синкретичные жанры:

- мем-плакат (пародия) избирательной кампании, на котором можно увидеть аллюзию на известную фразу Н.С. Хрущева *Мы вам еще покажем Кузькину мать!*, обычно воспринимаемую как угрозу:

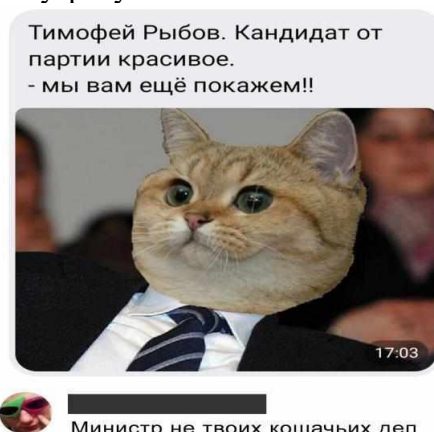

Рисунок 19. Мем-плакат

- философский диалог апеллирует к фразе из произведения Генриха Бёлля «Бильярд в половине десятого: «... есть вещи, которые не продаются; порок перестает быть пороком, если нет добродетели...» и ведет к формированию парафраза:

Рисунок 20. Мем с парафразом

Отмечены нами тексты – подражания афоризмам:

- китайскому крылатому выражению Лао-цзы: «Дай человеку рыбу, и он будет сыт целый день. Научи его ловить рыбу, и он будет сыт всю жизнь», а в подписи можно увидеть языковую игру на ониме *Конфуций – Котфуций*.

Рисунок 21. Мем – подражание афоризму

- японскому афоризму *У самурая нет цели – только путь*, который стало широко известным благодаря книге Ямамото Цунэтомо «Хагакурэ», написанной в XVIII веке:

Рисунок 22. Мем – подражание афоризму

- подражание японскому трехстишию (хокку/хайку):

Рисунок 23. Мем – подражание хокку

Свидетельством фразеологизации исследуемого мема *про рыбов*, на наш взгляд, является и то, что он становится узнаваемым и без иконической части:

- это ваш номер телефона?
- нет. Это счёт в банке.
- красивое.

В приведенном выше контексте комический эффект строится на прагматической информации, заключенной в существительном *номер*. Далее представлен мем, в котором наблюдается алогизм: запахи и вкусы не могут быть воспринимаемы зрительно:

- вы выдаёте запахов и вкусов?

– нет, просто показываю

– красивое...

Заключение. Мем *Вы продоете рыбов?* относится к фразеологизированным диалогам. В нем присутствуют следующие грамматические нарушения, ставшие устойчивыми:

- ошибочные морфологические формы: падежная форма мн.ч. сущ. *рыбы* – *рыбов* (Р.п.); в ответе употребляется прилагательное в форме ед.ч. ср. р. *красивое*, верной должна быть форма мн.ч., потому что согласуется со словом *рыбы*, или ед.ч. ж.р., которая согласуется с возможной собирательной контекстуальной семантикой слова *рыба*;

- используется наряду с правильным написанием и орфографически ошибочное, например, прилагательного *кросивое*;

- у существительных появляются морфологические признаки, не свойственные их лексико-грамматическому разряду: вещественные и абстрактные существительные могут иметь формы только одного из чисел – ед. ч. или мн.ч., однако в меме представлены неправильные морфологические формы Р.п. мн.ч.;

- наблюдается нарушение законов лексической сочетаемости у одушевленных существительных;

- отмечена грамматическая метатеза в субъектно-объектных отношениях (объект *рыбов* сменился на *кошков*).

Эти явления делают мем узнаваемым, потому что перечисленные выше ошибки переходят из одного текста в другой, а отдельные неправильные морфологические формы, грамматически фразеологизируясь, подчеркивают иронический смысл. Появился вариант мема, где используется его антифрастическая трактовка.

Мем *про рыбов* начал объединяться с другими известными мемами, образуя синкретичный креолизированный текст. Кроме того, выявлена текстовая диереза в исходном меме и в синкретичном образовании, однако мем остался узнаваемым за счет фразеологизированных уже грамматических форм.

В меме *Вы продоете рыбов?* нами отмечены различные фигуры интертекста: аллюзии и парафразы, основанные на художественных текстах (прозе и стихах), исторических фактах, фразеологии (афоризмах). Текст мема менялся, что в результате породило автоаллюзии на него.

Названные выше факты (аллюзии, включая автоаллюзию, текстовая диереза и др.) свидетельствуют о проявлении интертекстуальной функции мема.

Темы, которые затрагиваются в меме *Вы продоете рыбов?*, это философия, экономика (торговля и строительство, новейшие технологии и оборудование), политика, вопросы благотворительности, объективные обстоятельства в жизни отдельного человека (например, отношения с работодателем).

В целом такие признаки, как воспроизводимость в речи; относительная устойчивость (состава, структуры и семантики); компонентная раздельнооформленность; акцентологическая раздельнооформленность; активная вариативность; определенный компонентный состав; грамматические категории, включая ошибочные, закрепившиеся в меме; частичная десемантизация компонентов; употребительность; идиоматичность; сформировавшееся фразеологическое значение ('сообщение о несоответствии собственных ожиданий и суровой окружающей реальности'); метафоричность; эмоционально-экспрессивная выразительность, стилистическая окраска, которые отражены в приведенных выше фактах, говорят о прохождении процесса фразеологизации описанного мема.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гладкая Н.В. Комические речевые жанры в интернет-дискурсе : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Н.В. Гладкая; ДонНУ. – Донецк, 2018. – 29 с.
2. Зевахина Т.С. Паремнологические единицы в дунганском и китайском языках: параметризация, эксперимент, базы данных / Т.С. Зевахина // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2002. – Вып. 21. – С. 90–105.
3. Кацюба Л.Б. Детерминация паремии как единицы языка и коммуникации / Л.Б. Кацюба // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 1 (292). – Вып. 73. – С. 53–57.
4. Клушина Н.И. Введение в интернет-стилистику : учебник / Н.И. Клушина, А.В. Николаева. – М. : Флинта, 2020. – 240 с.
5. Колокольцева Т.Н. Интернет-коммуникация как зеркало основных тенденций развития и функционирования русского языка [Электронный ресурс] / Т.Н. Колокольцева // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». – 2011. – № 4 (14). – Режим доступа: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1325226177.pdf> (дата обращения: 05.03.2025).
6. Лопухов С.В. Дифференциация «смеховых» интернет-жанров / С.В. Лопухов // Верхневолжский филологический вестник. – 2022. – № 4 (31). – С. 37–43.
7. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / О.В. Лутовинова; ВГСПУ. – Волгоград, 2009. – 519 с.
8. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремнологии / Г.Л. Пермяков. – М. : Наука, 1988. – 236 с.
9. Сорокин Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Высшая школа, 1990. – С. 180–186.
10. Степанова М.М. Сопоставительный анализ мемов как современных паремнологических единиц в русском, английском и испанском интернет-дискурсе / М.М. Степанова, Е.В. Ковалева // Вестник КГУ. – 2016. – № 6. – С. 150–154.
11. Тертычный А.А. Жанры периодической печати / А.А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 310 с.
12. Шацкая А.Д. Человек в зеркале интернет-мемов / А.Д. Шацкая // Новые горизонты русистики. – 2024. – № 2. – С. 32–41.
13. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации / Ю.В. Щурина // Научный диалог. – 2012. – № 3. – С. 161–173.
14. Щурина Ю.В. Комические речевые жанры в интернет-коммуникации (на материале сайта bash.org.ru) / Ю.В. Щурина // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А.П. Сковородникова. – Вып. 13 (21): Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. – С. 219–228.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

15. Благовещенский А. «Вы продоёте рыбов». Картинка с котами стала мемом года [Электронный ресурс] / А. Благовещенский // RG RU. Социальный проект ТЕХНОЛОГИИ. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/08/02/vy-prodoyote-rybov-kartinka-s-kotami-stala-memom-goda.html> (дата обращения: 05.03.2025).
16. Магазин комиксов «Книжки с картинками» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://comicsbook.ru> (дата обращения: 05.03.2025).
17. Энциклопедия мемов | Memepedia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://memepedia.ru> (дата обращения: 05.03.2025).
18. bash.im — Цитатник Рунета года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bash.org.ru> (дата обращения: 05.03.2025).

REFERENCES

1. Gladkaja N.V. (2018) Komicheskie rechevye zhanry v internet-diskurse [Comic speech genres in Internet discourse]. Doneck (in Russian).
2. Zevahina T.S. (2002) Paremiologicheskie ediniy v dunganskom i kitajskom yazykah: parametrizaciya, eksperiment, bazy dannyh [Paremiological units in the Dungan and Chinese languages: parameterization, experiment, databases]. Yazyk, soznanie, kommunikaciya. Moscow: MAKSS Press. 21, 90–105 (in Russian).
3. Kacyuba L.B. (2013) Determinaciya paremii kak ediniy yazyka i kommunikacii [Determination of proverbs as a unit of language and communication]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. Iskuststvovedenie, 1 (292), 73, 53–57 (in Russian).
4. Klushina N.I., Nikolaeva A.V. (2020) Vvedenie v internet-stilistiku. Moscow: Flinta (in Russian).
5. Kolokol'ceva T.N. (2011) Internet-kommunikacija kak zerkalo osnovnyh tendencij razvitiya i

funkcionirovaniya russkogo jazyka [Internet communication as a mirror of the main trends in the development and functioning of the Russian language]. Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal VGPU «Grani poznaniya», 4 (14) (in Russian).

6. Lopuhov S.V. (2022) Differenciatsiya «smekhovyyh» internet-zhanrov [Differentiation of "funny" Internet genres]. Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik, 4 (31), 37–43 (in Russian).

7. Lutovinova O.V. (2009) Lingvokul'turologicheskie harakteristiki virtual'nogo diskursa [Linguistic and cultural characteristics of virtual discourse]. Volgograd (in Russian).

8. Permyakov G.L. (1988) Osnovy strukturnoj paremiologii [Fundamentals of structural paremiology]. Moscow: Nauka (in Russian).

9. Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. (1990) Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaya funkciya [Creolized texts and their communicative function]. Optimizatsiya rechevogo vozdejstviya. Moscow: Vysshaya shkola, 180–186 (in Russian).

10. Stepanova M.M., Kovaleva E.V. (2016) Sopostavitel'nyj analiz memov kak sovremennyh paremiologicheskikh edinic v russkom, anglijskom i ispanskom internet-diskurse [Comparative analysis of memes as modern paremiological units in Russian, English and Spanish Internet discourse]. Vestnik KGU, 6, 150–154 (in Russian).

11. Tertychnyj A.A. (2000) Zhanry periodicheskoy pechati [Genres of periodical printing]. Moscow: Aspekt Press (in Russian).

12. Shackaya A.D. (2024) Chelovek v zerkale internet-memov [The man in the mirror of Internet memes]. Novye gorizonty rusistiki, 2, 32–41 (in Russian).

13. Shchurina Yu.V. (2012) Internet-memy kak fenomen internet-kommunikatsii [Internet memes as a phenomenon of Internet communication]. Nauchnyj dialog, 3, 161–173 (in Russian).

14. Shchurina Yu.V. (2011) Komicheskie rechevye zhanry v internet-kommunikatsii (na materiale sajta bash.org.ru) [Comic speech genres in Internet communication (based on the material of the website bash.org.ru)]. Rechevoe obshchenie: specializirovannyj vestnik, 13 (21): Kategoriya komicheskogo v aspekte teorii i praktiki rechevogo vozdejstviya. Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet, 219–228 (in Russian).

Поступила в редакцию 31.03.2025 г.

ORIGIN, PHRASEOLOGIZATION, AND LINGUAL VARIATION OF MEME WILL YOU SELL THE FISH?

Zhang Zixing

The article examines the history of the emergence of one of the popular Internet memes – Are you selling the fish? The phraseological dialogue that serves as the basis for this comic Internet genre contains various violations of language norms, among them are erroneous morphological forms of case, number and gender; inconsistency of grammatical and contextual lexical semantics; erroneous spelling; violation of the laws of lexical compatibility. These phenomena make the meme recognizable, leading to its phraseology in order to convey ironic meanings. On the basis of the meme Are you selling the fish? syncretic creolized texts are formed, including other popular memes, which in some cases leads to the phenomena of allusion, including auto-allusion, and paraphrase, which indicates the manifestation of the intertextual function of the analyzed meme. The gradual emergence of all idiomatic features in the meme Are you selling the fish?, including the stable meaning – ‘a message about the discrepancy between one’s own expectations and the harsh surrounding reality’, indicates the completion of the process of phraseologization in the aforementioned comic Internet text.

Key words: comic, Internet communication, genre, phraseologization.

Чжан Цзысин.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация.

Аспирант 1 курса кафедры русского языка и методики его преподавания.

ORCID 0009-0001-4091-1082.

E-mail: 1321033736@qq.com.

Zhang Zixing.

Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation.

1st year postgraduate student at Department of Russian Language and Methods of Teaching.

ORCID 0009-0001-4091-1082.

E-mail: 1321033736@qq.com.

Научная статья

УДК 32.019.5 + 0.70

DOI: 10.5281/zenodo.15305083

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА: МОДЕЛЬ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

© 2025 Ф.Н. Гуров¹, А.Э. Мартиросян², Э.Э. Шульц³

^{1,3} Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет»

² Общество с ограниченной ответственностью «РСМ МЕДИА»

ORCID¹: 0000-0002-9010-1037

ORCID²: 0009-0004-7735-121X

ORCID³: 0000-0002-9067-6228

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Авторы данной работы попробовали проверить гипотезу Р. Эллиота о том, что психология масс повторяет паттерны, основанные на соотношениях Фибоначчи в анализе сообщений социальных сетей в контексте протестных тем, замера уровня социальной напряженности, прогнозирования роста этой напряженности и возможности выплеска в политический протест. Количественная модель Social Media Индекс, которая учитывает число вхождений в соцсетях страны сообщений, содержащих словоформы и сюжеты, свидетельствующие о социальной напряженности, позволяет применить указанную гипотезу. В данном конкретном примере анализ социальных сетей Республики Казахстан подтвердил работоспособность модели: на основании анализа тем, связанных с общественным недовольством, удалось спрогнозировать рост социальной напряженности и с определенного момента переход недовольства в открытый политический протест. Исследование модели требует продолжения, отдельного внимания требует прогнозирование перехода социальной напряженности в открытые формы массового политического протеста и выявление инструментов манипулятивных технологий, которые выступают катализатором протестных процессов.

Ключевые слова: медиакоммуникации, социальные сети, Биг дата в коммуникациях, Social Media Индекс, политический протест, социальная напряженность, протесты в Казахстане.

Для цитирования: Гуров Ф.Н. Социальная напряженность и прогнозирование политического протеста: модель анализа социальных медиа // Ф.Н. Гуров, А.Э. Мартиросян, Э.Э. Шульц // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 3. – С. 137–144. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15305083>.

Введение. Исследование политического протеста не только не теряет своей актуальности, но и расширяется в последнее десятилетие [18; 19; 22]. Это обусловлено целым рядом причин, среди которых главенствующее место занимает разрушительная сила целого ряда примеров современных политических протестов, переходящих в радикальные и массовые формы, которые проявились в т.н. цветных революциях и целой группе событий, регулярно повторяющихся в государствах бывшего СССР.

Измерение социальной напряженности, протестного потенциала и, в конечном итоге, возможности прогнозирования политического протеста становятся важной задачей для власти и общества. Социальная напряженность формируется на основе недовольства уровнем благосостояния, политическими процессами,

сформированными образами настоящего и будущего. В связи с этим формируются критерии и факторы оценки в анкетировании и анализе данных: уровень благосостояния [8; 13; 15], набор социально-экономических показателей [2; 7, с. 166], комплекс социально-экономических и политических факторов [5; 14], отношение к политическим группам и фигурам, институтам власти, электоральной системе [3]. Отдельным комплексом вопросов в такой оценке является проблема межэтнических отношений и национальный фактор [7; 11; 16]. Особо выделяются попытки комплексного подхода среди исследователей, соединяющие экономические, социальные, политические факторы напряженности, а также вопросы об отношении к акциям протеста и потенциальном личном в них участии интервьюируемых [см. напр.: 1; 5]. В последние годы все больший акцент делается на анализе с помощью информационных баз и различных систем мониторинга [9; 10, с. 10–19; 11]. Отдельным направлением становится исследование социальной напряженности и протестного потенциала по материалам СМИ [6].

Социальные медиа в данном контексте становятся одним из самых ресурсных и репрезентативных источников для оценки социальной напряженности и прогнозирования социального протеста в открытых формах.

В связи с тем, что принципы исследования социальных сетей на предмет мониторинга протестных настроений и угрозы их перехода в открытые формы протеста до сих пор не сформировались в науке, в данной статье предлагаются подходы, получившие апробирование опытным путем. Здесь рассматривается методология такой оценки на примере замеров по Республике Казахстан в 2021–2022 гг.

Основанием модели для прогнозирования роста сообщений на протестные темы и повышения уровня социальной напряженности, способной выйти в открытые формы социального протеста, послужила гипотеза Р. Эллиота о том, что психология масс повторяет паттерны, основанные на соотношениях Фибоначчи. Эта гипотеза была использована в анализе сообщений социальных сетей.

Материалы и методы исследования. Методология исследования опиралась на три методики. Первая из них – волновая теория Эллиотта, применяемая рядом финансовых аналитиков при интерпретации и прогнозировании некоторых процессов на финансовых рынках с поправкой на «психологию масс». Основоположник волновой теории для фондового рынка Ральф Эллиот исходил из гипотезы о том, что многие явления природы имеют циклический и волновой (колебательный) характер. При этом в поведении фондового рынка проявляются не действия отдельных людей, а именно коллективные действия всех участников, которые описываются правилами поведения толпы. В результате Эллиот выделил классическую схему формирования волнового цикла из отдельных направленных движений котировок. Сложность и недостаток использования ценового графика для определения волн Эллиота состоит в значительной субъективности восприятия графиков [12]. Эллиот заметил, что колебания котировок происходят в определенном ритме, в котором прослеживалось все то же «золотое сечение Фибоначчи». Признано, что в условиях минимального влияния внешних обстоятельств использование инструментов биржевой торговли, основанных на уровнях Фибоначчи, действительно может обеспечивать определенную эффективность в прогнозировании поведения цен и индексов акций.

Вторая методика, на которой базируется описываемый практический пример, – закон больших чисел и научные изыскания зарубежных коллег по прогнозу зарождающихся трендов при обработке огромных массивов данных [20; 21]. Работа с

большими числами позволяет при правильном подходе к вычистке и верификации исходных данных обеспечивать полную репрезентативность исследования.

Третья методика – медиааналитика и контент-анализ данных в социальных сетях. Здесь очень важно осуществить подготовку исходных данных, корректно сформировать поисковые запросы, а в последующей обработке массивов идентифицировать и отсеять рекламные и промо-материалы, боты и бот-сети. Этот сегмент данных создает информационный шум и искажает работу всей модели. Модель Social Media Индекс отражает активность публичного обсуждения в социальных сетях сюжетов и проблем, связанных и ассоциирующихся с общественным недовольством, митингами, протестной активностью, социальным неравенством, разрывом доходов, инфляцией, ростом цен, коррупцией, nepотизмом и кумовством, призывам к погромам и вооруженному сопротивлению. По сути, это простая количественная модель, которая учитывает число вхождений в соцсетях страны сообщений, содержащих словоформы и сюжеты, свидетельствующие о социальной напряженности.

Применение модели. Массовые политические протесты в Казахстане, известные как Январские события 2022 г. (эпитеты СМИ: *Кровавый январь* и *Январская трагедия*) вспыхнули 2 января 2022 г. в г. Жанаозен (газодобывающий город на западе Казахстана) и 3–4 января перекинулись на столицу (Нур-Султан) и большинство городов (Алма-Ата, Актау, Актобе, Атырау, Кызылорда, Талдыкорган, Тараз, Уральск, Усть-Каменогорск, Шымкент). Лозунги быстро сменились с экономических на политические (как обычно и происходит в таких случаях). Наряду с мирными демонстрациями протестные акции доходили до столкновений с полицией и массовых беспорядков. Смена политического руководства страны (в том числе президента), репрессивные меры и обещания выполнить главные требования протеста привели к восстановлению порядка и транквилизации протеста, начиная с 7 января.

Исследование социальных сетей Казахстана охватило период с августа 2021 г. по апрель 2022 г. Предмет исследования: словоформы и сюжеты, свидетельствующие о социальной напряженности и народном недовольстве. Для сбора данных и построения поисковых запросов использовались системы мониторинга и анализа социальных медиа Brand Analytics и «Медialogия».

Фильтр: отсеив спам-сообщений, сообщений ботов, рекламных и промо-материалов.

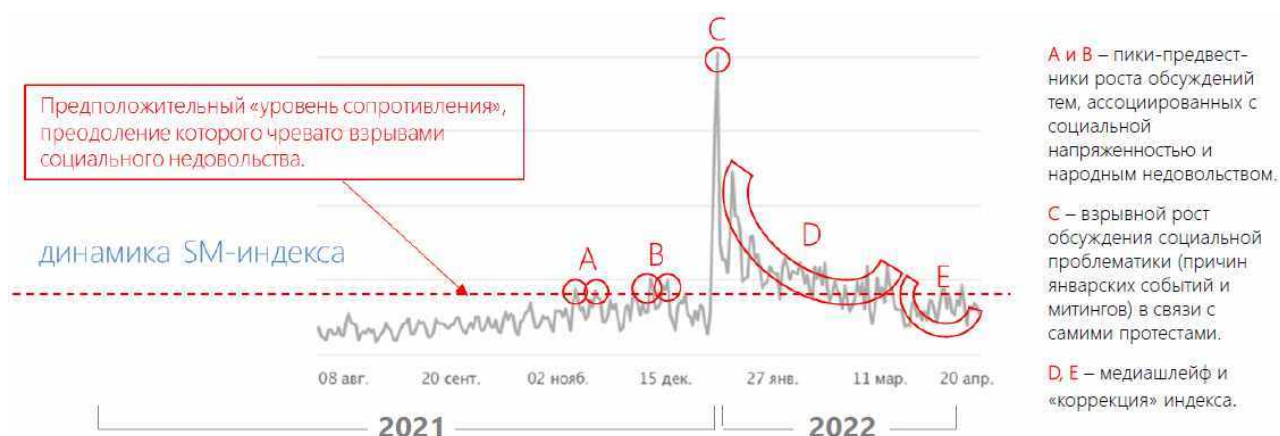

Рисунок 1. Согласно описанной модели, пики А, В и С – три восходящие волны, а D и E – следующие за ними две классические нисходящие «коррекционные волны».

Рисунок 2. Импульс и коррекция

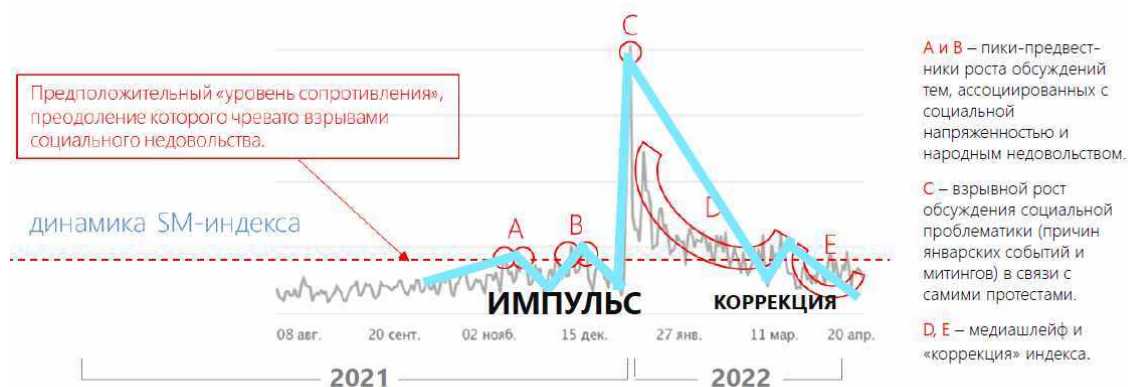

Рисунок 3. Предложенная модель позволила выявить имевшие место еще в ноябре и декабре 2021 «первые звоночки» о грядущем взрыве напряженности в январе 2022 года.

Рисунки 1 и 3. По оси X – время (с августа 2021 по апрель 2022). По оси Y – Social Media Индекс – число сообщений в социальных сетях Республики Казахстан, содержащих упоминания сюжетов, тезисов, информационных поводов, ассоциированных с общественным недовольством, митингами, протестной активностью, социальным неравенством, разрывом доходов, инфляцией, ростом цен, коррупцией, nepотизмом и кумовством, призывам к погромам и/или вооруженному сопротивлению.

На рисунке 2 схематически изображен основной паттерн поведения цен на финансовых рынках, согласно Эллиоту. Восходящий тренд из пяти волн (1, 2, 3, 4, 5) и его коррекция из трёх волн (A, B, C). Волны, направленные в сторону тренда, называются движущими или импульсными волнами, а волны, направленные против тренда, называются коррекционными волнами.

На рисунке 3 изображено наложение волновой модели на динамику количественного Social Media Index.

В трейдинге уровни поддержки и сопротивления – это не точные линии, а ценовые диапазоны, в котором трейдеры определяют актив как перепроданный или недооценённый в соответствии с текущей рыночной ситуацией. Согласно волновой теории, когда на графике вырисовывается паттерн, как на рисунке 2, при котором пик 3 должен быть обязательно выше пика 1, то прогнозируется пробитие линии сопротивления и роста стоимости актива до значений «пика 5».

В медиааналитике классическая картина угасающего инфоповода-события или сюжета чаще всего выглядит как два пика: первый – большой (тиражирование информации о самом событии), второй – существенно меньше, т.н. «волна коррекции» (реакция, мнения и интерпретации о произошедшем событии). Когда же вторая волна (пик 3) по уровню упоминаемости превосходит первую (пик 1), повторяя тот же самый паттерн, изображенный на рис.2, тогда прогнозируется всплеск упоминаемости до значений пика 5.

Вывод. В данном конкретном примере анализ социальных сетей Республики Казахстан по словоформам и тематическим сюжетам подтвердил работоспособность модели, в основание которой положены: 1) принцип Р. Эллиота о том, что психология масс повторяет паттерны, основанные на соотношениях Фибоначчи, 2) закон больших чисел по прогнозу зарождающихся трендов при обработке огромных массивов данных, 3) сложившиеся в медиааналитике принципы контент-анализа данных в социальных сетях, в частности модель Social Media Индекс. На основании анализа тем, связанных с общественным недовольством, удалось спрогнозировать рост социальной напряженности и с определенного момента переход недовольства в открытый политический протест.

Безусловно, один пример не является доказательством регулярной работы модели, которая требует проверки на других примерах. Особенно сложным, в любом случае, является прогнозирование перехода социальной напряженности, пусть и в самой высокой степени, в открытые формы массового политического протеста, так как здесь требуются определенные триггеры.

Кроме того, отдельно следует уделить внимание проблеме, оставшейся вне рамок данной работы – выявление инструментов манипулятивных технологий, которые выступают катализатором протестных процессов. Здесь, возможно, применим аппарат выявления навязывания идентичности [17]. Ключевую роль здесь играет оперативный мониторинг, который позволяет выявлять подобные манипуляции в режиме реального времени. Особый интерес представляют попытки использования протестов для дестабилизации ситуации в других странах. Так, например, авторы статьи, посвященной «кровавому январю» в Казахстане отмечают, что «модераторы протестных информационных потоков через использование пула манипулятивных технологий предприняли попытку по переложению казахстанских триггеров на российскую действительность. При этом отсутствие значимого национального события-триггера, консолидированных действий со стороны оппозиции, а также конкретных инструкций способствовало отсутствию офлайн протестной активности россиян» [4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алейников А.В. Опыт изучения социальной напряженности / А.В. Алейников, Г.П. Артёмов, А.Г. Пинкевич // Конфликтология. – 2015. – № 2. – С. 118–134.
2. Алексеенко А.А. Социальное неравенство и социальная напряженность / А.А. Алексеенко, Ю.В. Каира, В.А. Бараночников. – Орёл : Орловский фил. РАНХиГС, 2016. – 243 с.
3. Анисимов Д.И. Политические факторы социальной напряженности / Д.И. Анисимов // Конфликтология. – 2015. – № 2. – С. 224–233.
4. Бродовская Е.В. Восприятие российскими пользователями социальных медиа массовых протестов при попытке государственного переворота в Казахстане / Е.В. Бродовская, Р.В. Парма, К.А. Подрезов, М.А. Давыдова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24. – № 3. – С. 545–561.
5. Вавилина Н.Д. Региональные особенности протестного потенциала в условиях социальной напряженности / Н.Д. Вавилина, Д.А. Котов // Идеи и идеалы. – 2018. – № 1 (35). – Т. 2. – С. 176–189.
6. Вахин А.А. Особенности исследования динамики социальной напряженности по материалам СМИ / А.А. Вахин, А.Л. Журавлев // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1. – С. 101–108.
7. Внукова Л.Б. Социально-политическая напряженность в полиэтничном регионе / Л.Б. Внукова, Д.Д. Челпанова, И.В. Пашенко. – Ростов н/Д. : Изд-во Южного научного центра РАН, 2014. – 192 с.

8. Гаврилец Ю.Н. Статистический анализ факторов социальной напряженности в России / Ю.Н. Гаврилец, К.В. Клименко, А.В. Кудров // Экономика и математические методы. – 2016. – Т. 52. – № 1. – С. 45–66.
9. Журавлева Н.А. Информационная система оценки и прогнозирования уровня социальной напряженности / Н.А. Журавлева, М.Ю. Доломатов, В.В. Мартынов, Е.И. Филосова, О.В. Ширяев, А.И. А.И. Швецов // Электротехнические и информационные комплексы и системы. – 2013. – Т. 9. – № 4. – С. 121–127.
10. Кузина Н.В. Прогнозирование зон социальной напряженности на основе анализа данных региональной статистики / Н.В. Кузина // Международный правовой курьер. – 2020. – № 6. – С. 10–19.
11. Максимова А.С. Социологический мониторинг как инструмент диагностики социальной напряженности в миграционно привлекательных регионах / А.С. Максимова, А.В. Милехин // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2018. – № 5. – С. 167–174.
12. Митраков А. Волны Эллиота: что это и как применять их в трейдинге / А. Митраков // РБК [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://quote.rbc.ru/news/article/629f812f9a79473493e82632> (дата обращения: 12.03.2025).
13. Перова М.Б. Общие подходы к моделированию социально-экономической конфликтности общества / М.Б. Перова, Е.В. Перов // Социальные и экономические системы. – 2020. – № 1 (13). – С. 31–50.
14. Плотников В.В. Социальная напряженность: факторы возникновения и актуализации / В.В. Плотников, А.Р. Каспаров // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 1. – 2020. – № 1 (254). – С. 118–125.
15. Родимушкина О.В. Социальная напряженность и протестная активность в России / О.В. Родимушкина, И.А. Черникова, О.В. Яковлев // Общество и право. – 2015. – № 1 (51). – С. 300–304.
16. Светлаков А.Г. К вопросу о развитии социальной напряженности в регионах России / А.Г. Светлаков // Аграрный вестник Урала. – 2019. – № 1 (180). – С. 66–71.
17. Сорина Г.В. Принуждение к идентичности. Как это возможно? / Г.В. Сорина, Ф.Н. Гуров // Вестник Воронежского государственного университета, серия Философия. – 2022. – № 3. – С. 39–48.
18. Шульц Э.Э. Протест в России 2017–2021: технологии и закономерности / Э.Э. Шульц // Вестник Российского государственного университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2021. – Т. 8. – № 3. – С. 312–328.
19. Шульц Э.Э. Современные протестные акции в развитых странах как форма радикальной мобилизации // Международные процессы. – 2018. – Т. 16. – № 3(54). – С. 100–112.
20. Asur S. Predicting the Future with Social Media / S. Asur, B.A. Huberman // Proceedings of 2010 IEEE/WIC/ACM International Conference on Web Intelligence and Intelligent Agent Technology. – Toronto, 31 August–3 September 2010. – P. 492–499. DOI: <https://doi.org/10.1109/WI-IAT.2010.63>.
21. Hong L. Predicting Popular Messages in Twitter / L. Hong, O. Dan, B.D. Davison // Conference: Proceedings of the 20th International Conference on World Wide Web, WWW 2011. – Hyderabad, India, March 28 – April 1, 2011. – P. 57–58. DOI:10.1145/1963192.1963222.
22. Shults E. Revolution Forecasting – Formulation of the Problem / E. Shults // Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change / Ed. by Jack A. Goldstone, Leonid Grinin, Andrey Korotayev. – Springer Nature, 2022. – P. 1025–1035.

REFERENCES

1. Aleinikov A.V., Artyomov G.P., Pinkevich A.G. (2015). Opyt izucheniya social'noj napryazhennosti [Experience in the study of social tension]. Conflictology. 2, 118–134 (In Russian).
2. Alekseenok A.A., Cairo Yu.V., Baranochnikov V.A. (2016). Sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya napryazhennost' [Social inequality and social tension]. Oryol: Oryol phil. RANEPa (In Russian).
3. Anisimov D.I. (2015). Politicheskie faktory sotsial'noi napryazhennosti [Political factors of social tension]. Conflictology. № 2, 224–233 (In Russian).
4. Brodovskaya E.V., Parma R.V., Podrezov K.A., Davydova M.A. (2022). Vospriyatie rossiiskimi pol'zovateliami sotsial'nykh media massovykh protestov pri popytke gosudarstvennogo perevorota v Kazakhstane [Perception by Russian users of social media of mass protests during an attempted coup in Kazakhstan]. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. Vol. 24, №. 3, 545–561 (In Russian).
5. Vavilina N.D., Kotov D.A. (2018). Regional'nye osobennosti protestnogo potentsiala v usloviakh sotsial'noi napryazhennosti [Regional features of protest potential in conditions of social tension]. Ideas and ideals. № 1 (35). Vol. 2, 176–189 (In Russian).
6. Vakhin A.A., Zhuravlev A.L. (2004). Osobennosti issledovaniia dinamiki sotsial'noi napryazhennosti po materialam SMI [Features of the study of the dynamics of social tension based on media materials]. Knowledge. Understanding. Skill. № 1, 101–108 (In Russian).

7. Vnukova L.B., Chelpanova D.D., Pashchenko I.V. (2014). *Sotsial'no-politicheskaia napriazhennost' v polietnichnom regione* [Socio-political tension in a multi-ethnic region]. Rostov on Don: Publishing House of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (In Russian).
8. Gavrilets Yu.N., Klimenko K.V., Kudrov A.V. (2016). *Statisticheskii analiz faktorov sotsial'noi napriazhennosti v Rossii* [Statistical analysis of factors of social tension in Russia]. *Economics and mathematical method*. T. 52, № 1, 45–66 (In Russian).
9. Zhuravleva N.A., Dolomatov M.Yu., Martynov V.V., Filsova E.I., Shiryaev O.V., Shvetsov A.I. (2013). *Informatsionnaia sistema otsenki i prognozirovaniia urovnia sotsial'noi napriazhennosti* [Information system for assessing and predicting the level of social tension]. *Electrotechnical and information complexes and system*. Vol. 9, № 4, 121–127 (In Russian).
10. Kuzina N.V. (2020). *Prognozirovaniye zon sotsial'noi napriazhennosti na osnove analiza dannykh regional'noi statistiki* [Forecasting zones of social tension based on the analysis of regional statistics]. *International legal courier*. № 6, 10–19 (In Russian).
11. Maksimova A.S., Milekhin A.V. (2018). *Sotsiologicheskii monitoring kak instrument diagnostiki sotsial'noi napriazhennosti v migratsionno privlekatel'nykh regionakh* [Sociological monitoring as a tool for diagnosing social tension in migratorially attractive regions]. *University Bulletin*. № 5, 167–174 (In Russian).
12. Mitakov A. *Volny Elliota: chto eto i kak primeniat' ikh v treidinge* [Elliot waves: what it is and how to apply them in trading]. RBK. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/629f812f9a79473493e82632> (accessed on: 12.03.2025) (In Russian).
13. Perova M.B., Perov E.V. (2020). *Obshchie podkhody k modelirovaniu sotsial'no-ekonomicheskoi konfliktogennosti obshchestva* [General approaches to modeling the socio-economic conflictogenicity of society]. *Social and economic systems*. № 1 (13), 31–50 (In Russian).
14. Plotnikov V.V., Kasparov A.R. (2020). *Sotsial'naia napriazhennost': faktory vozniknoveniia i aktualizatsii* [Social tension: factors of emergence and actualization]. *Bulletin of the Adygea state. University. Series 1*. № 1 (254), 118–125 (In Russian).
15. Rodimushkina O.V., Chernikova I.A., Yakovlev O.V. (2015). *Sotsial'naia napriazhennost' i protestnaia aktivnost' v Rossii* [Social tension and protest activity in Russia]. *Society and law*. № 1 (51), 300–304 (In Russian).
16. Svetlakov A.G. (2019). *K voprosu o razvitiu sotsial'noi napriazhennosti v regionakh Rossii* [On the development of social tension in the regions of Russia]. *Agrarian Bulletin of the Urals*. № 1 (180), 66–71 (In Russian).
17. Sorina G.V., Gurov F.N. (2022). *Prinuzhdenie k identichnosti. Kak e' to vozmozhno?* [Compulsion to identity. How is this possible?]. *Bulletin of Voronezh State University, Philosophy series*. № 3, 39–48 (In Russian).
18. Shults E.E. (2021). *Protest v Rossii 2017–2021: tekhnologii i zakonomernosti* [Protest in Russia 2017–2021: technologies and patterns]. *Bulletin of the Russian State University of Peoples' Friendship. Series: State and Municipal Administration*, T. 8, No. 3, 312–328 (In Russian).
19. Shults E.E. (2018). *Sovremennye protestnye aktsii v razvitykh stranakh kak forma radikal'noi mobilizatsii* [Contemporary Protest Actions in the Developed Countries As A Form of Radical Mass Social Mobilization]. *International processes*, vol. 16, № 3(54), 100–112 (In Russian).
20. Asur S., Huberman B.A. (2010). *Predicting the Future with Social Media*. In: *Proceedings of 2010 IEEE/WIC/ACM International Conference on Web Intelligence and Intelligent Agent Technology*, Toronto, 31 August–3 September 2010 (pp. 492–499). DOI: 10.1109/WI-IAT.2010.63 (In English).
21. Hong L., Dan O., Davison B.D. (2011). *Predicting Popular Messages in Twitter*. In: *Conference: Proceedings of the 20th International Conference on World Wide Web, WWW 2011, Hyderabad, India, March 28 – April 1, 2011* (pp. 57–58). DOI:10.1145/1963192.1963222 (In English).
22. Shults E. (2022). *Revolution Forecasting – Formulation of the Problem*. In: *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* /Ed. by Jack A. Goldstone, Leonid Grinin, Andrey Korotayev. (pp. 1025–1035.). Springer Nature (In English).

Поступила в редакцию 13.03.2025 г.

SOCIAL TENSIONS AND PREDICTING POLITICAL PROTEST: SOCIAL MEDIA ANALYSIS MODEL

F.N. Gurov, A.E. Martirosyan, E.E. Shults

The authors of this work tried to test the hypothesis of R. Elliot that the psychology of the masses repeats patterns based on Fibonacci ratios in the analysis of social network messages in the context of protest topics, measuring the level of social tension, predicting the growth of this tension and the possibility of splashing into political protest. The quantitative model of the Social Media Index, which takes into account the number of entries

in the country's social networks of messages containing word forms and plots indicating social tension, enables to apply the hypothesis in question. In this particular example, the analysis of social networks of the Republic of Kazakhstan confirmed the performance of the model. Based on the analysis of topics related to public discontent, it was possible to predict the growth of social tension and from a certain point the transition of discontent into open political protest. The study of the model requires continuation. A special attention should be paid to predicting the transition of social tension into open forms of mass political protest and identifying the tools of manipulative technologies that act as a catalyst for protest processes.

Keywords: media communications, social networks, Big data in communications, Social Media Index, political protest, social tension, protests in Kazakhstan

Гуров Филипп Никитич

Кандидат философских наук.

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация.

Старший преподаватель кафедры коммуникационных технологий ИМО и СПН.

ORCID: 0000-0002-9010-1037.

E-mail: gurov@gurovpr.ru.

Мартirosян Альберт Эдуардович

Общество с ограниченной ответственностью «РСМ МЕДИА».

Управляющий партнер агентства репутационного менеджмента iMASTUM, аналитик медиа. Член Высшего экспертного совета кафедры «PR и интегративные коммуникации» Академии социальных технологий.

ORCID: 0009-0004-7735-121X

E-mail: am@imastum.ru

Шульц Эдуард Эдуардович

Кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация.

Заведующий кафедрой коммуникационных технологий.

ORCID: 0000-0002-9067-6228.

E-mail: nuap1@yandex.ru.

Gurov Philip Nikitich.

Candidate of Philosophy

Moscow State Linguistic University,

Moscow, Russian Federation.

Senior lecturer at Department of Communication Technologies.

ORCID: 0000-0002-9010-1037.

E-mail: gurov@gurovpr.ru.

Martirosyan Albert Eduardovich.

RSM MEDIA Limited Liability Company.

CEO & Co-Founder of the reputation management agency iMASTUM, media analyst. Member of the Supreme Expert Council of the Department of "PR and Integrative Communications" at the Academy of Social Technologies.

ORCID: 0009-0004-7735-121X

E-mail: am@imastum.ru.

Shults Eduard Eduardovich.

Candidate of History, Associate Professor.

Moscow State Linguistic University,

Moscow, Russian Federation.

Head of Department of Communication technologies.

ORCID: 0000-0002-9067-6228.

E-mail: nuap1@yandex.ru.

СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЁНОМУ

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.15305190

ДЕСТРУКТИВНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

© 2025 А.А. Соколовская

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
ORCID: 0009-0007-5808-8999

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена феномену деструктивного социального идеала в русском языковом сознании XIX – начала XX вв. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения причин появления деструктивного мышления у носителей русского языка, приведших к формированию искаженных ценностей, влияющих на современные общественные условия. Целью статьи является рассмотрение процесса формирования деструктивного социального идеала в русском языковом сознании заявленного периода, способов его персонификации и материального воплощения посредством анализа литературных текстов. В ходе исследования выделяются основные причины возникновения моделей деструктивного поведения в российском обществе, особенности их восприятия представителями различных социальных страт, последствия их проникновения во все общественные слои населения, их влияние на формирование русского менталитета. В результате исследования поэтических текстов выявляется лексика, непосредственно отражающая мировоззрение носителей русского языка, сформированное под воздействием деструктивного социального идеала.

Ключевые слова: русский язык, лингвокультурологический анализ, деструктивный социальный идеал, языковое сознание, языковая личность, текст.

Для цитирования: Соколовская А.А. Деструктивный социальный идеал в русском языковом сознании XIX – начала XX вв. // А.А. Соколовская // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 3. – С. 145–155. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15305190>.

Введение. В процессе развития каждого общества особое значение имеет социальный идеал как «предельная цель, задающая в сочленении познавательного, этического и эстетического начала образ будущей человеческой деятельности» [10, с. 21]. Он определяет вектор развития общества, формирует в общественном сознании систему общечеловеческих ценностей, задает модели поведения и, следовательно, предопределяет характер общественных «настроений» и преобразований.

По нашему мнению, правомерно разделять социальный идеал на два подтипа: социальный идеал созидательный, направленный на преобразование путем обновления прежних ценностей при сохранении основ, и социальный идеал деструктивный, предполагающий преобразование путем основательного разрушения прежней системы мироустройства. Настоящее исследование сосредоточено на последнем как на особом для русского языкового сознания типе идеала, неоднократно проявляющемся в истории России.

Понятие языкового сознания вслед за А.А. Яковлевым нами рассматривается как психолингвистический феномен, демонстрирующий взаимосвязь функционирования языка, значений слов с достижениями человеческого сообщества [5, с. 162].

Изучение феномена деструктивного идеала в русской лингвокультуре представляется **актуальным**, так как сам процесс его формирования в русском языковом сознании все еще недостаточно исследован. Он непосредственно влияет на становление системы ценностей, социокультурных констант и в современном обществе.

Целью исследования при этом является анализ процесса формирования деструктивного социального идеала в русском языковом сознании, способов его персонификации и материального воплощения посредством анализа поэтических текстов XIX – начала XX вв.

Материалом исследования при изучении причин и специфики формирования рассматриваемого феномена в контексте русской лингвокультуры служат поэтические литературные тексты XIX – начала XX вв., отражающие мировоззрение передовых общественных слоев.

В качестве материала были выбраны следующие поэтические произведения, содержащие яркие черты влияния деструктивного социального идеала: агитационная песня «Как идет кузнец...», написанная А.А. Бестужевым, К.Ф. Рылеевым [18, с. 299], стихотворение А.И. Одоевского «Струн вещей пламенные звуки...» [17, с. 73], стихотворение «Рабочая марсельеза» П.Л. Лаврова [16, с. 5], стихотворение И.П. Каляева «Первомайская песня» [18, с. 40–41]. Нами выделена лексика, непосредственно включающая в себя черты деструктивного социального идеала.

Перспектива исследования видится в дальнейшем изучении феномена социального идеала в русской лингвокультуре, рассмотрении его созидательной сущности.

Основная часть. Понимание содержания концепта деструктивности, возможных причин появления деструктивного поведения личности в нашем представлении являются необходимым этапом при формулировании понятия деструктивного социального идеала.

Н.Н. Исаченко отмечает, что проблема деструктивности «остается одной из исследуемых проблем социологии, социальной философии, политологии, психологии по причине того, что деструктивность в современном мире приобретает массовый характер» [3, с. 1577]. Действительно, тенденция к деструктивному поведению, коренным изменениям миропорядка характерна для развития современного глобализированного общества. Однако на проблему проявления деструктивности в сознании конкретного человека в частности и в общественном самосознании в целом внимание исследователей обращено уже не одно десятилетие.

В широком смысле деструктивность понимается философией как «разрушение или уничтожение чего-либо» [21, с. 379]. Само понятие «деструкция» было введено и подробно рассмотрено М. Хайдеггером [12]. В целом деструкция представляется явлением, основанным на разрушении устоявшихся правил, законов, традиций, нарушении поведенческих норм и т.д., способным проявляться в различных сферах человеческой жизнедеятельности.

Рассмотрением проблемы деструктивности – природы, мотивов, способов ее проявления – в антропологическом аспекте занимался ряд психологов, социологов, философов, в частности, А. Адлер, Т. Адорно, Л. Берковиц, А. Маслоу, Г. Маркузе, З. Фрейд, Э. Фромм, М. Хайдеггер, М. Хоркхаймер, К. Хорни, К. Юнг и др. Среди причин проявления деструктивного поведения у людей были выделены стремление к самозащите (Э. Фромм, К. Хорни), влечение к смерти (З. Фрейд), желание доказать свое превосходство над другими (А. Адлер) и над природой (Т. Адорно, М. Хоркхаймер). Сформировались два

противоположных взгляда на природу деструктивного поведения у человека. А. Адлер, Л. Берковиц, З. Фрейд, К. Хорни считали, что склонность к разрушению заложена в человеке с рождения, проявляется неизбежно. Т. Адорно, Г. Маркузе, А. Маслоу Э. Фромм, М. Хайдеггер, М. Хоркхаймер, напротив, не признавали склонность к разрушению врожденным свойством человеческой психики, считая, что деструктивное поведение является результатом социализации, взаимодействия с окружающим миром. Таким образом, установились две позиции в понимании причин возникновения деструктивного поведения: убеждение во врожденном характере деструктивности и убеждение в социальной природе деструктивного в человеке. Мы придерживаемся второй версии происхождения деструктивных наклонностей в человеческой личности, отмечая при этом влияние общественных событий, тенденций, идеологий на формирование ценностных и поведенческих ориентиров личности.

Значимым в контексте данного исследования представляется разделение Э. Фроммом деструктивности на «доброкачественную» и «злокачественную», косвенно подтверждающее нашу идею о существовании созидательного (позитивного) и деструктивного (негативного) типов социального идеала. Проявление «доброкачественной» деструктивности по Фромму объясняется инстинктом самосохранения, «злокачественной» – наличием так называемых человеческих страстей, которым подвержены люди любого возраста. По мнению ученого, укрепившись в человеке, эти негативные импульсы становятся частью характера, овладевают личностью, подталкивают ее к совершению разрушительных действий по отношению к окружающему миру [11, с. 17]. Такая интерпретация природы происхождения деструктивного поведения представляется продуктивной, позволяет говорить об отрицательном и положительном характере деструктивности личностных побуждений.

В философском дискурсе существует понятие «социальной деструктивности», разработанное представителями так называемой Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Э. Фромм, В. Беньямин, Л. Лёвенталь, Ф. Л. Нейман, Ф. Поллок). Согласно их концепции, социальную деструктивность можно считать константой общественного развития, «объективным процессом, сопровождающим любую динамику социума» [1, с. 87]. Так, феномен деструктивности атрибутивен по отношению к общественному развитию и может расцениваться как позитивный («доброкачественный», по Э. Фромму) и негативный («злокачественный», по Э. Фромму).

Принимая во внимание трактование социального идеала как некоей идеальной модели общественной организации [9, с. 71] и основываясь на понимании деструктивности как стремления к расшатыванию устоявшихся обычаев, в той или иной степени сопровождающего любые общественные преобразования, можно определить деструктивный социальный идеал следующим образом. Деструктивный социальный идеал – модель совершенного общественного устройства, основанная на разрушении устоявшихся порядков, традиций и достигаемая путем радикального обновления общественной системы ценностей.

Такой тип социального идеала, на наш взгляд, не раз проявлялся в русском языковом сознании: звучали призывы к топору, кровопролитию, революции. Первое осознанное пробуждение общественности пришлось в России на XIX в. Предполагается, что именно на данном историческом отрезке произошел своего рода перелом в народном сознании, развернувший общественность, ее этические установки в сторону радикального преобразования, разрушения, уничтожения традиционного общественно-политического строя. Случилось то, что мы именуем «искажением» социального идеала, его деформацией, приведшей к негативным последствиям.

Перспективным, таким образом, является определение мотивов появления деструктивности в языковом сознании в контексте русской лингвокультуры, а также условий, особенностей его бытования, распространения, укоренения и в перспективе – влияния на эволюцию русского национального самоопределения.

В нашем понимании одной из причин серьезных общественных перемен является не только назревание нового социального ориентира, но и появление некоей личности, олицетворяющей для людей данный социальный ориентир. Э. Стоунквист оперирует понятием «персонифицированный идеал» [13, с. 92], которое, на наш взгляд, точно отражает описываемое социально-психологическое явление.

Персонифицированный идеал представляет собой языковую личность, наделенную ораторским талантом, обладающую набором необходимых для данных культурно-исторических условий качеств, способных оказать значительное интеллектуальное, идеологическое воздействие на общественность, вдохновить, повести за собой. Беря за основу определение Современного словаря методических терминов и понятий, гласящее, что языковой личностью является «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования средств данного языка для отражения окружающей действительности» [18, с. 401], можно сделать вывод о том, что лексикон персонифицированного идеала является одним из факторов создания привлекательного образа, воздействующего на окружающих.

Особенности образа мыслей, идей, манеры говорить, использования определенной лексики, внешнего облика персонифицированного идеала порождаются самой социальной ситуацией; в каждой исторической вехе возникает свой кумир. В XIX в. зарождение нового идеального типа личности сопровождалось национально значимыми переменами.

Говоря о русской культуре XIX в., необходимо иметь в виду, что в данный период единственной «площадкой» развития общественной мысли, каналом передачи, распространения информации, новых мод, тенденций среди образованных граждан была литература. Здесь понятие включает в себя не только печатные издания, но и особую культуру кружков – собраний по литературным (с течением времени – не только) интересам. Как отмечает А.И. Герцен, журналы в это время «вбирают в себя все умственное движение страны» [2, с. 44]. В стихах, позднее – в прозе, отражаются общественные реалии, развивается критическая мысль. Литература становится источником новых идеалов, формирует мировоззрение молодежи, становится неотъемлемой частью любой общественной и интеллектуальной деятельности.

Литература на стыке XVIII–XIX вв. ознаменовалась поиском нового идеала. Фоном к этому послужил ряд европейских революций. Взор образованного дворянства устремился на либерально настроенный Запад. Путь развития французского общества, французский язык, идеи Просвещения, Великая революция, «свобода, равенство, братство» вдохновляли русского дворянина, внушали ему мысль о несправедливости существующей системы государственного управления, формировали новую цель – стремление к освобождению от оков гнетущего общественного строя, его разрушению для построения нового светлого мира с господством свободной личности. В дворянской среде идея о революции приобретала все большую привлекательность. Оружием против косных порядков первоначально стало стихотворение как способ проявления общественной позиции, пропаганды новых идей. Далее последовали литературные кружки, превратившиеся со временем в конспиративные антиправительственные организации со своими политическими программами. Так происходило зарождение первых антиправительственных сообществ, начавшееся с пропагандистской литературной деятельности поэтов-декабристов – А.А. Бестужева, Ф.Н. Глинки, В.К. Кюхельбекера, А.И. Одоевского, В.Ф. Раевского, К.Ф. Рылеева и др.

Новым персонифицированным идеалом стал поэт-борец, воспевающий гражданскую свободу, которую необходимо достичь любой ценой. В литературе популяризировались первые антиправительственные идеи. В то же время развивался образ героя-романтика, одинокого странника, непонятого, противопоставленного всему миру, пытающегося бороться с несправедливостью. Так, мысль о недопустимости дальнейшего процветания сложившихся общественных порядков, невозможности установления взаимопонимания между народом и государем вкупе с увлечением идеями о безграничной личностной свободе привели к утверждению в языковом сознании большей части образованного населения мнения о неизбежности применения деструктивных моделей поведения. Борьба представлялась единственным истинным путем выхода из ситуации, ведущим к светлому будущему без насилия и угнетения. Социальный идеал претерпевал искажение: путь насилия начал казаться путем избавления от него.

Приведем пример одной из агитационных песен, написанных совместно А.А. Бестужевым, К.Ф. Рылеевым (1823 или 1824 г.):

*...Как идет кузнец да из кузницы. Слава!
Что несет кузнец? Да три ножика.
Вот уж **первый-то нож на злодеев вельмож,**
А второй-то нож – на попов, на святош.
А молитву сотворя – **третий нож на царя.**
Кому вынется, тому сбудется;
А кому сбудется, не минуется. **Слава!** [18, с. 299]*

Создается образ простого человека, кузнеца, готового поднять нож на своих «угнетателей» – «злодеев вельмож», «попов», «святош». При этом самым страшным злодеем предстает царь, которому, по мнению лирического героя, не миновать народного суда. Создается контекст, поэтизирующий идею отмщения за страдания народа посредством царевбийства. В этом смысле агитационная деятельность декабристов может быть оценена как социокультурный прецедент антиправительственного движения XIX в.

В стихотворении «Струн вещей пламенные звуки...» сосланного декабриста А.И. Одоевского демонстрируется уверенность революционеров в своем правом положении (1828 или 1829 г.):

*...Но будь покоен, бард! – цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.
Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберет под святое знамя... [17, с. 73]*

В строках создается образ собирательного революционного «мы», «смеющегося над царями», уверенного в том, что «скорбный труд», заключающийся в пропаганде и осуществлении восстания, «не пропадет», а разожжет новое «пламя» – новый бунт. Необходимо отметить также вхождение в контекст революции лексемы *святой*, свидетельствующее о сближении двух важных концептов – «революции» и «святости» – в антиправительственном общественном дискурсе.

Таким образом, очевидно радикальное изменение вектора социальных устремлений образованного населения, сопровождающееся формированием нового мировоззрения.

В историческом масштабе первые ростки революционных идей, обретая новые черты, дали быстрые всходы. К середине века в России образовался политический блок революционеров-демократов, программным ядром которого стал издаваемый Н.А. Некрасовым и редактируемый В.Г. Белинским журнал «Современник». В нем «отчетливо пропагандировались революционно-демократические идеи, глубже раскрывались социалистические идеалы, последовательно давалась критика крепостничества, самодержавия, засилья церкви» [8, с. 122]. В центр политической и литературной полемики вышли В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский, активным политическим, творческим деятелем становился не рафинированный аристократ, а познавший жизнь разночинец. Либерально настроенные писатели-дворяне были объявлены «скушными», их идеи, переживания их героев – недостойными внимания [7, с. 178]. Целью новых общественных «героев» стало пробуждение народной силы в ответ на доминирование самодержавной и церковной властей.

Идейным вдохновителем, одним из персонифицированных идеалов демократов середины XIX в. века был В.Г. Белинский. «Как идеолог крестьянской революции, Белинский положил начало тому радикальному, революционному направлению, в котором единственно возможной стратегией считалась отмена крепостного права и свержение самодержавия путем народной революции» [8, с. 123]. Его критическая журнальная и литературная деятельность, направленная на пропаганду революционных, демократических идей, вдохновляла общество, служила призывом к действию, превращая литературу в «орудие политической борьбы» [8, с. 123]. «Современник» поделил историю русской литературы на «до» и «после». Беспрецедентным был масштаб общественного влияния журнальных статей, заметок. Уровень политической сознательности граждан вошел в прямую зависимость от степени вовлеченности в литературную жизнь.

Новые общественные условия породили новых «героев времени». В дальнейшем типичными представителями передовой молодежи стали герои И.С. Тургенева, Ф.И. Достоевского – разночинцы Евгений Базаров, Родион Раскольников.

По определению В.М. Марковича, социальную позицию Базарова можно рассматривать как «демократизм экстремистского толка», соединяющий в себе также иерархический подход к людям и презрение к человеку и человечеству вообще [6, с. 189]. Целью такого гражданина является «расчищение места», не включающее в себя построение нового мира. Разочарование в роде человеческом приводит его к мысли о необходимости разрушить все до основания, так как в современном быту для него не находится вещи, которая «не вызывала бы полного и беспощадного отрицания» [20, с. 75].

Радикализм Раскольникова, в свою очередь, более категоричен, а потому более опасен. Теория о «твари дрожащей» представляет собой крайнюю степень отрицания общегуманистических ценностей. Разделение людей на достойных и недостойных жизни, уверенность в своем исключительном праве, желание испытать судьбу, удовлетворить личный интерес, исполнить свою «миссию» ценой человеческой жизни представляются герою естественными, даже общественно полезными. Ошибочные представления о сущности и роли сильной личности в истории государства порождают состояние, в котором не может наступить раскаяние в своих преступлениях. Каким бы ни было наказание, преступление, избавляющее общество от «недостойного» человека, воспринимается как исполненное во благо. Такой предстает еще одна грань деструктивного, искаженного социального идеала.

Образ мыслей Базарова и Раскольников отражал мнение определенной части общественности второй половины XIX в., их личности были продуктами деятельности в том числе революционных демократов. Целью гражданина с активной социальной позицией этого периода стало «расчищение места», в том числе и от «лишних» людей: апробация теории о «твари дрожащей». Причем эта цель представлялась многим оправдывающими любые средства. Примечательно, что будущее, судьба человека и человечества, очевидно, несильно волновали такого гражданина. Для него был важнее сам факт проверки теории, становящейся самоцелью. Социальный идеал уходил все дальше от традиционных гуманистических ценностей, признаваемых для современного общества бесполезными.

Самым радикальным и общественно опасным движением XIX в. стало революционное народничество (общества «Земля и воля», «Народная воля»), возникшее как реакция на реформы второй половины века. Оплотом революционной мысли продолжала быть литература, теперь – нелегальная публицистическая пропагандистского характера, издаваемая уже не только и не столько для образованной интеллигенции, сколько для среднего класса и простых рабочих.

Вдохновителями «первого состава» народовольцев стали А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, издававшие в эмиграции первую революционную газету «Колокол». Передовая молодежь снова стала собираться в тайные кружки, расширяя свои революционные интересы. В каком-то смысле повторялась история 20-х гг. XIX в. Русская интеллигенция по социальному составу «становилась все более разночинной, следовательно, демократической» [5, с. 121]. Очевидной стала необратимость процесса: революция проникала все глубже в народ. Агитация, пусть неуспешная, проводилась и среди деревенского населения. Действия революционеров стали более масштабными, решительными, со временем обретая террористический характер. Развернулась «охота» на представителей власти. По замечанию Р.Э. Карла, «народовольцы своими террористическими ударами потрясли основы самодержавия, и последующие поколения революционеров не теряли надежду на повторение такого успеха <...> пример самоотверженной борьбы народовольцев с самодержавием вдохновлял следующие поколения революционеров и внушал им, что отказ от революционной деятельности будет предательством памяти народовольческих мучеников» [4, с. 26].

Деструктивизм превратился в идеологию. Идеалом новых революционеров стал отчаянный «патриот», одержимый идеей царубийства, уничтожения самодержавия. Подвигом стало считаться покушение на любого представителя царской власти. Сдерживать нарастающую революционную силу становилось все сложнее. Стремительность, беспредельность распространения крамольных идей приводила в смятение более либерально настроенных революционных деятелей. Как отмечает Б. П. Куликов, «"деревенская" фракция "Земли и воли" была в ужасе от быстрого роста терроризма, от того, что не могла поставить ему предел. Террор из средства самозащиты стал превращаться в средство нападения, и то, что должно было быть всего лишь частью дела, непомерно выросло и стремится превратиться в главное, основное» [5, с. 123]. Царское правительство было вынуждено давать все более жесткий отпор террористам, чем вызывало яростные реакции. В результате в обществе постепенно начинало формироваться всеобщее ложное представление о жестокости, беспринципности правительства по отношению к простому народу (чего и добивались ярые революционеры). Аресты, ссылки стали повсеместными, цензура свирепствовала. Несмотря на то, что все это были вынужденные меры, предпринимаемые в попытке

обуздать революционную стихию, стремительно выходящую из-под контроля, общественность уже вынесла царской власти окончательный приговор.

В 1875 г. в газете «Вперед» вышла «Рабочая Марсельеза» П.Л. Лаврова, впоследствии ставшая гимном Февральской революции:

*...Не довольно ли вечного горя!
Встанем, братья, отсюду за раз!
От Днепра и до Белого моря,
И Поволжье и Дальний Кавказ,
На воров, на собак, на богатых,
Да на злого вампира-царя!
Бей, дави их, злодеев проклятых!
И зажгись лучшей жизни заря!.. [16, с. 5]*

В ней, в отличие от примеров более ранней революционной поэзии, содержался открытый призыв к восстанию, масштаб которого можно было бы признать общенародным. Восстание здесь представлялось делом «братским», ведущим к «лучшей жизни» через «раздавливание злодеев проклятых» – «воров», «богатых», «вампира-царя». Поэтические образы, метафоры опрощались для более легкого восприятия, запоминания. Целью такой поэзии была, несомненно, не только пропаганда освободительной революции, но и поддержание как можно более негативного образа царя, способствующее укреплению ассоциативной связи между тягостями жизни и личностью самодержавного правителя. Именно так, на наш взгляд, выражался деструктивный социальный идеал: в духовном и физическом единении ради истребления, признающего благом.

Апогей революционного движения пришелся на стык двух веков. На базе народнических организаций возникали революционные политические партии (анархисты, эсеры). Теоретиками, идейными вдохновителями новых антиправительственных организаций стали М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский. Их деятельность возродила поэзию как один из эффективных способов воздействия на общественные умы. Посредством поэтического творчества формулировались политические постулаты, проходила всенародная агитация, воспитывалось языковое сознание нового революционера. Популярность набирали революционные песни, роднившие революционный стих с народным фольклором, сближая выходцев из разных социальных страт. Литература снова стала незаменимым каналом передачи информации, связав тысячи людей по всей стране.

С начала XX в. революция стала массовым, народным явлением. В отличие от 70-х гг. предыдущего века, когда простой народ, занятый житейскими проблемами послереформенного времени, все еще оставался глух к призывам революционно настроенной интеллигенции, период начала следующего века ознаменовался подъемом народных масс. Крестьянин, настроенный против самодержавия, был убежден в том, что все его беды происходят лишь от того, что им правит царь.

Однако проблема состояла не в желании народа достичь равенства и справедливости. Причина крылась в том, что передовые революционные идеи зачастую были лишены здравого смысла, способы достижения поставленных целей – доведены до крайности. Террор, убийство, разрушение, уничтожение, кровопролитие стали символом построения нового мира. Простому человеку внушили мысль о том, что неревolutionного пути не существует, система его нравственных ценностей строилась на искаженных представлениях о счастье и благополучии.

Поэзия этого периода была сосредоточена на одной-единственной идее: необходима расправа с существующим режимом, всеми его приспешниками. Каждое стихотворение

было проникнуто мыслью об угнетении русского человека, за которое следует мстить. Приведем фрагмент из «Первомайской песни» эсера-террориста И.П. Каляева:

*...Рухнет пред нами бесследно
Дряхлый насилия строй:
Знайте ж, тираны, убийцы,
Сбудется праведный суд:
Сгинут цари-кровопийцы,
Пышные троны падут...
<...>
Грянем мы сомкнутым строем,
Царство насилия снесём:
Всё на земле перестроим,
Всё на свой лад заведём* [18, с. 40–41].

В нем использованы языковые единицы, призванные вызвать у читателя, слушателя чувство ненависти и отвращения к существующему общественно-политическому режиму: «дряхлый насилия строй», «цари-кровопийцы», «царство насилия». Особенно примечательны лексемы «дряхлый» и «сгинут», наделенные крайней степенью образности, экспрессивности, демонстрирующие неизбежность, неотвратимость свершения физического и духовного обновления. Деструктивизм наиболее ясно проявляется в последних строках, свидетельствующих о намерении лирического героя-революционера разрушить до оснований «старый» мир, чтобы возвести на его обломках новый.

Таким образом, развитие революционной поэзии приводит к романтизации деструктивного социального идеала, укреплению его в языковом сознании носителей русского языка, а значит, к его влиянию на русский менталитет.

Заключение. Подводя итог, подчеркнем следующее. Большинство теоретиков, работавших над программами революционных сообществ XIX – начала XX вв., имело благую цель, искренне заботилось о судьбе русского народа, однако брало за основу искаженные ценности, пренебрегая гуманизмом. Так или иначе они пропагандировали насилие, оправдывая его стремлением к построению лучшего мира. В этом крылась первая причина складывающегося рокового положения русского общества на рубеже веков.

Вторая причина состояла в том, что политические трактаты писались людьми образованными, разбирающимися в политике, истории, праве, тогда как их идеи претворялись в жизнь теми, кто не всегда понимал, что для чего он делает и к чему это приведет. Многие террористические группировки возникали как бы «заодно», на революционной волне, были созданы и действовали потому, что их участники «ненавидели царскую семью», «царскую власть», сословную элиту, мечтали о том, чтобы «как в Европе», не осознавая при этом особого положения собственной страны, не похожей ни на одну европейскую. Цивилизационное самоопределение как явление им было незнакомо, они не знали истинной заботы о судьбе своей страны. Тотальное уничтожение прежних порядков казалось достаточной мерой для достижения лучшей жизни. Однако единственно важный вопрос о судьбе России и русского народа так и оставался открытым.

Таким образом, внешне «спокойный» XIX в. (по сравнению с XX в.) ознаменовался подготовкой важнейших перемен в судьбе России. Десятилетиями назревал коренной перелом в народном мировоззрении. В языковом сознании появились ложные представления о крестьянской утопии, построенной на кровавых «обломках самовластья». Сформировался деструктивный тип социального идеала, который и сегодня продолжает оказывать влияние на языковое сознание русского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вершинин С.Е. Концепция социальной деструктивности Франкфуртской школы / С.Е. Вершинин, Г.А. Борисова // Антиномии. – 2005. – №. 6. – С. 78–87.
2. Герцен А.И. Литература и общественное мнение после 14 декабря 1825 года. Пятая глава работы «О развитии революционных идей в России» / А.И. Герцен // Русская эстетика и критика. – 1982. – С. 40–50.
3. Исаченко Н.Н. Феномен социальной деструктивности / Н.Н. Исаченко // Политика и общество. – 2016. – №. 11. – С. 1576–1582.
4. Карл Р.Э. Победы и поражения политического терроризма в Российской империи / Р.Э. Карл // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. – 2024. – №. 2 (54). – С. 18–30.
5. Куликов Б.П. Русские писатели и народовольческое движение / Б.П. Куликов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. – 1995. – №2. – С. 121–136.
6. Маркович В.М. И.С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30-50-е годы) / В.М. Маркович. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1982. – 208 с.
7. Прокудин Б.А. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» и формирование разночинного сословного сознания / Б.А. Прокудин // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2022. – №67. – С. 173–189.
8. Растимешина Т.В. Идеологи революционного демократизма в России (В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов) / Т.В. Растимешина, А.И. Пирогов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2020. – №4 (28). – С. 119–131.
9. Тарасова М.В. Дialeктика взаимодействия культурных и социальных идеалов / М.В. Тарасова, В.И. Кудашов // Идеи и идеалы. – 2015. – Т. 2. – №2 (24). – С. 70–77.
10. Трубников Н.Н. О категориях «цель», «средство», «результат» / Н.Н. Трубников. – М. : Высшая школа, 1968. – 148 с.
11. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм ; пер. с нем. Э.М. Телятниковой. – М. : АСТ, 2015. – 618 с.
12. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Библихина. – М. : Ad Marginem. – 1997. – 452 с.
13. Stonequist E.V. The marginal man: A study in personality and culture conflict / E.V. Stonequist. – 1937. – 228 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

14. Иван Платонович Каляев. [1877-1905 Сборник] / Партия социалистов-революционеров. – Б.м. : Тип. Партии социал-революционеров, 1905. – 48 с.
15. Красный песенник : Сборник новых и старых революционных песен и стихов: рабочих, крестьянск., красноармейск., комсомольск., песен старых революционеров и др. – М. : Красная новь, 1924. – 46 с.
16. Одоевский А.И. Полное собрание стихотворений / Вступ. статья, с. 5–44, подготовка текста и примеч. М.А. Брискмана. – Л. : Сов. писатель. [Ленингр. отд-ние], 1958. – 244 с.
17. Поэты-декабристы / Вступ. статья, с. 5–64, подготовка текста и примеч. И.М. Семенко. – Л. : Сов. писатель. [Ленингр. отд-ние], 1960. – 436 с.
18. Свободная песнь : Russian Songs of Freedom : Сборник революционных песен и стихотворений. – New York : Maisel, 1925. – 159 с.
19. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. – М. : Русский язык. Курсы, 2018. – 496 с.
20. Тургенев И.С. Отцы и дети / И.С. Тургенев. – М. : Издательство АСТ, 2024. – 288 с.
21. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М. : Гардарики, 2004. – 1072 с.

REFERENCES

1. Vershinin S.E., & Borisova G.A. (2005). Konceptsiya social'noj destruktivnosti Frankfurtskoj shkoly [The Frankfurt School's Concept of Social Destructiveness]. Antinomies, (6), 78–87 (In Russian).
2. Herzen A.I. (1982). Literatura i obshchestvennoe mnenie posle 14 dekabrya 1825 goda. Pyataya glava raboty «O razvitií revolyucionnyh idej v Rossii» [Literature and public opinion after December 14, 1825. The fifth chapter of the work "On the development of revolutionary ideas in Russia"]. Russian aesthetics and criticism, 40–50 (In Russian).
3. Isachenko N.N. (2016). Fenomen social'noj destruktivnosti [The Phenomenon of Social Destructiveness]. Politics and Society, (11), 1576–1582 (In Russian).

4. Karl R.E. (2024). [Pobedy i porazheniya politicheskogo terrorizma v Rossijskoj imperii]. Victories and defeats of political terrorism in the Russian Empire. Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Historical Sciences, (2 (54)), 18–30 (In Russian).
5. Kulikov B.P. (1995). Russkie pisateli i narodovol'cheskoe dvizhenie [Russian writers and the Narodnaya Volya movement]. Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 7, Literary criticism: Abstract journal, (2), 121–136 (In Russian)
6. Markovich V.M. (1982). I S Turgenev i russkij realisticheskij roman XIX veka: 30–50-e gody. [I. S. Turgenev and the Russian realistic novel of the 19th century: 30–50s] (In Russian).
7. Prokudin B.A. (2022). Roman I.S. Turgeneva "Otcy i deti" i formirovanie raznochinного сословного сознания. [I.S. Turgenev's novel "Fathers and Sons" and the formation of the raznochintsy class consciousness]. Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science, (67), 173–189 (In Russian).
8. Rastimeshina T.V., & Pirogov A.I. (2020). Ideologi revolyucionnogo demokratizma v Rossii (V.G. Belinskij, N.G. Chernyshevskij, N.A. Dobrolyubov) [Ideologists of revolutionary democracy in Russia (V.G. Belinsky, N.G. Chernyshevsky, N.A. Dobrolyubov)]. Economic and social-humanitarian studies, (4 (28)), 119–131 (In Russian).
9. Tarasova M.V., & Kudashov V.I. (2015). Dialektika vzaimodejstviya kul'turnyh i social'nyh idealov. [Dialectics of interaction of cultural and social ideals]. Ideas and Ideals, 2(2 (24)), 70–77 (In Russian).
10. Trubnikov N.N. (1967). O kategoriyah «cel'», «sredstvo», «rezul'tat» [On the categories "goal", "means", "result"]. (In Russian).
11. Fromm E. (2015). Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti. [Anatomy of Human Destructiveness]. (In Russian)
12. Heidegger M. (1997). Bytie i vremya: perevod s nem. V.V. Bibikhina. [Being and Time: translation from German by V.V. Bibikhin]. Moscow: Ad Marginem (In Russian).
13. Stonequist E.V. (1937). The marginal man: A study in personality and culture conflict (In English).

Поступила в редакцию 03.04.2025 г.

DESTRUCTIVE SOCIAL IDEALS IN THE RUSSIAN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF THE XIX–EARLY XX CENTURIES

A. A. Sokolovskaya

The article deals with the phenomenon of the destructive social ideal in the Russian linguistic consciousness of the 19th – early 20th centuries. The relevance of the study is accounted for by the need to investigate the causes of the emergence of destructive thinking among native Russian speakers, which led to the formation of distorted values that influence modern society as well. The purpose of the article is to consider the process of formation of the destructive social ideal in the Russian linguistic consciousness of the stated period, as well as the ways of its personification and material embodiment through the analysis of literary texts. The main reasons for the emergence of destructive behaviour models in Russian society have been identified. The features of their perception by representatives of various social strata, the consequences of their permeation into all social strata, their influence on the formation of the Russian mentality have been considered. In the course of the poetic texts analysis, the vocabulary is revealed that directly reflects the worldview of native Russian speakers. It has been formed under the influence of the destructive social ideal.

Key words: Russian language, linguacultural analysis, destructive social ideal, linguistic consciousness, linguistic personality, text.

Соколовская Алена Александровна.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация.

Студент, магистрант кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета.

ORCID: 0009-0007-5808-8999.

E-mail: sokolovskayav2001@mail.ru.

Sokolovskaya Alena Aleksandrovna.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation.

Master student of Faculty of Philology, Department of Russian as a Foreign Language.

ORCID: 0009-0007-5808-8999.

E-mail: sokolovskayav2001@mail.ru.

ПСИХОЛОГИЯ

Обзорная статья

УДК 159.923

DOI: 10.5281/zenodo.15305339

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К ПРОБЛЕМЕ УСПЕХА

© 2025 И.Ф. Муханова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького» Минздрава Российской Федерации
ORCID 0000-0003-3666-4581

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье анализируются концепции отечественных и зарубежных ученых по проблеме успеха личности с точки зрения междисциплинарного анализа существующих научных подходов, проводится экскурс в этимологию понятия «успех», показано многообразие его синонимичного ряда в междисциплинарных исследованиях. В процессе исследования данной проблемы были использованы методы теоретического анализа отечественных и зарубежных научных источников (анализ, синтез, обобщение). Теоретический анализ проблемы показывает, что концепт «успех» является объектом изучения многих наук и, как показывает анализ осмысления его теоретических и прикладных аспектов, остается много вопросов для научных дискуссий, открывая перспективы как для психологии, так и для социогуманитарных наук, таких как лингвистика, философия, социология, педагогика. Сформулированы выводы о том, что понимание успеха зависит от области знаний и сферы деятельности, в которых он рассматривается или достигается, поэтому смысл, вкладываемый в него, крайне динамичен, его трактовка противоречива и неоднозначна. Однако, на сегодняшний день проблема понимания и интерпретации феномена успеха остается актуальной темой при целостном изучении концепта.

Ключевые слова: успех, успешность, удача, жизненный успех, социальный успех, междисциплинарный подход, образ успешного человека.

Для цитирования: Муханова И.Ф. Междисциплинарный анализ научных подходов к проблеме успеха / И.Ф. Муханова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2025. – № 3. – С. 156–174. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15305339>.

Введение. В современных научных исследованиях наблюдается повышение внимания к различным аспектам личностного благополучия. Одним из таких аспектов является феномен успеха, который представляет собой сложное, многогранное и интересное поле для дальнейшего научного анализа. Несмотря на достаточно значительное количество исследований успеха, можно отметить, что его четкого, единого определения не существует. Подобная ситуация отчасти объясняется тем, что категориальный ряд понятий, с помощью которых обозначается феномен успеха, особенно жизненного успеха, относятся к числу наиболее противоречивых понятий. Их значение и критерии использования постоянно открыты для обсуждений и пересмотра, их содержание не определено и, возможно не поддается определению в принципе.

Однако такая констатация не уменьшает *актуальности* и необходимости дальнейших научных познаний с целью построения концептуальной модели успеха.

В связи с тем, что успех – многоплановый, интересный объект для научного осмысления, который ассоциируется с активностью человека и невозможен без его деятельности, выраженной через акт творения, достижения или завоевания, многие психологи, философы, лингвисты, социологи исследовали его природу. В их числе К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, М. Аргайл, А. Атkinson, В.В. Бабушкин, А. Бандура, И.В. Бондарева, Ф. Бэкон, Л. Витгенштейн, Г.В. Гегель, Г.Е. Гудим-Левкович, Р. Декарт, А.И. Дементий, М.С. Жамкочьян, И.А. Ильин, З. Зиглар, Л.П. Карсавин, Е.А. Климов, Д. Колесов, И.С. Кон, Л.Н. Лабунская, К. Левин, В.А. Лекторский, А.Ф. Лосев, Н.О. Лосский, Д. Мак-Клелланд, М.М. Мамардашвили, Т.И. Ойзерман, Г. Олпорт, А.Н. Панкратов, П. Рикер, Н.В. Розенберг, В.М. Розов, В.П. Серкин, И.М. Смирнов, В. Соловьев, В.С. Степин, Г.Л. Тульчинский, Л. Фестингер, С.Л. Франк, М. Хайдеггер, В. Хоппе, Р.М. Шамянов, Н. Юкнат, К.Г. Юнг, А.И. Ярема и др.

Материалы и методы исследования. В исследовании были использованы: интерпретационно-аналитический метод, метод теоретического обобщения, – на основе которых осуществлялись изучение и анализ зарубежных и отечественных трудов по проблеме.

Основная часть. Понятие успеха носит комплексный характер и по своей сути является междисциплинарным. Его изучению посвящено значительное количество работ по психологии, философии, лингвистике, социологии, педагогике, управленческой деятельности и др.

В современной науке исследования проблемы успеха многоплановы и включают работы следующих направлений.

Первое направление связано с изучением успеха в русской языковой картине мира. Особое место здесь занимают работы А. Вежбицкой, В.М. Живова, В.Н. Топорова, А.В. Юдина, которые детально исследуют этимологию, семантику успеха и его синонимический ряд.

Второе направление охватывает философско-этические концепции, освещающие проблематику целей и способов достижения успеха. Сюда относятся положения «философии эвдаимонизма» (Аристотеля, Ф. Бэкона, Дж. Локка, Платона); «модели американской этики успеха» (Д. Карнеги, Э. Карнеги, С. Керр, Р. Хубер) и «русской традиции» успеха, счастья, благополучия (А. Гельман, И.М. Клямкин, А.С. Панарин, Г.Л. Тульчинский). Следует отметить, что каждое из этих направлений вносит уникальный вклад в понимание феномена успеха как сложного и многослойного явления.

Третье направление представлено работами отечественных и зарубежных ученых, в которых исследуются психологические проблемы феномена «успех»:

- понятийный аспект рассматривается в работах И.В. Бондаревой, М.С. Жамкочьян, Л.Н. Лабунской, М. Мольца, А.Н. Панкратова;

- изучение составляющих «жизненного успеха»: структурный аспект представлен в трудах А. Адлера, Г.Е. Гудим-Левкович, З. Зиглара; концепции «социального успеха»: исследования профессиональной успешности И.П. Лотовой, О.Н. Родиной, Н.В. Самоукиной; концепции «личного успеха»: исследование счастья и субъективного благополучия М. Аргайла, Д. Колесова, Р.М. Шамянова и др.;

- изучение факторов достижения успеха представлено в работах В. Атkinson, З. Зиглара, М. Мольца, Н.В. Самоукиной, Ю.Г. Фроловой;

- функциональный аспект успеха исследовали А. Бандура, Н.А. Батурин, В.Н. Панкратов, Р.М. Шамионов;
- проблема определения критериев успеха изучена Г.Е. Гудим-Левкович, Р.М. Шамионовым;
- механизмы достижения успеха рассмотрены Р. Винером, А.А. Гостевым, Б. Скиннером, Д. Янkelович.

Четвертое направление представлено работами, основанными на психосемантическом подходе к изучению образной сферы личности (Е.Ю. Артемьева, В.Ф. Петренко, В.В. Петухов, А.О. Прохоров, В.П. Серкин, М.А. Холодная, А.Г. Шмелев), способствовавшие изучению психосемантических особенностей содержания образа успешного мужчины, успешной женщины.

Проанализировав значительный объем литературы, посвященной проблеме успеха, мы собрали немало дефиниций данного понятия. Понятие успеха пришло к нам из зарубежной культуры, о чем свидетельствует тот факт, что в русских словарях до начала XX века данное слово не встречается. Однако данное понятие имеет древнерусские корни. Слово *успех* происходит от глагола *спеть*, у которого были следующие значения: 1) спешить, торопиться; 2) готовить что-то к определенному сроку, заготавливать; 3) помогать кому-то, делать добро; 4) созреть [17].

В словаре русского писателя, этнографа и лексикографа В.И. Даля дается определение: «Успевать – успеть в чем, иметь успех, удачу, достигать желаемого; успех, успешка, спорина в деле, в работе; удача, удачное старанье, достижение желаемого» [31].

Впервые данное слово появляется в словаре советского лингвиста, лексикографа, профессора С.И. Ожегова, в котором выделяются следующие значения *успеха*: ‘1) удача в достижении чего-нибудь, что, по сути, означает достижение какой-либо цели; 2) хорошие результаты в работе, учебе; 3) общественное признание’ [34].

Синонимичный ряд составляют такие понятия, которые фиксируют отдельные стороны такого многомерного явления, как успех: *удача, слава, благополучие, лавры, достижение, признание, победа, счастье, триумф, вершина, фурор* и др.

Очевидно, что идеи об успехе и образе успешного человека имеют глубокое происхождение в русской культуре. Ярким примером этого служат различные аспекты нашей исторической памяти: народные обряды, традиции, суеверия, а также устное народное творчество, включая сказания, притчи и песни. В пословицах и поговорках заключен значительный социокультурный и психологический опыт. Вопрос успеха в *лингвокультурном* наследии русского народа можно рассмотреть лишь опосредованно, анализируя содержание различных языковых единиц.

Эти единицы составляют систему лексем, среди которых выделяются ключевые: *святость, праздник, благодать, успение*. Мы можем проанализировать эти понятия в свете двух славянских традиций – язычества и христианства.

Анализ работы лингвиста, культуролога, слависта А.В. Юдина «Русская традиционная народная духовность» позволяет сделать вывод о том, что тема успеха в русской языковой картине мира непосредственно связана с темой святости [29]. Святость была духовной доминантой русской народной культуры на протяжении многих веков. Современное понимание святости ориентировано, прежде всего, на идеальные ценности, на сферу духовного.

В.И. Даль описывает понятие «святой» как ‘духовно и нравственно непорочный, чистый, совершенный; все, что относится к Божеству, к истинам веры, предмет высшего почитания, поклонения нашего, духовный, божественный, небесный... Святым зовут вообще все заветное, дорогое, связанное с истиною и с благом’ [31, с. 161].

Современные толкования этого термина также акцентируют внимание на наличии божественной благодати, заветности, истинности, величия и важности.

Так, российский филолог В.М. Живов утверждает, что основной смысл понятия святости (греч. *ἁγιότης*, лат. *sanctitas*) «состоит в причастности человека Богу, его обоженности (то есть проникнутости Божественными энергиями и соединенности с Богом), в его преображении под действием благодати Божией [33, с. 90].

Российский лингвист и филолог В.Н. Топоров, анализируя содержание святости в язычестве, рассматривает ее как энергию, заставляющую двигаться, расти, умножаться, энергию перехода от мертвого хаоса к живому космосу [19].

Как было отмечено выше, понятие «успех» имеет древнерусские корни и происходит от глагола *успѣти* «спеть» и имеет несколько значений. Со временем содержание слова стало меняться, и некоторые значения перешли от глагола *спеть* к одной из его произвольных форм *спешить*, а более узкие синонимы вытеснили другие значения. Это сокращение многообразия смыслов повлияло на трансформацию самого существительного, которое стало тесно связано с глаголом *спешить*.

В древнерусском языке слово *спех* охватывало широкий спектр значений: '1) поспешность, быстрота; 2) усердие, стремление; 3) успех, достижение цели, счастье'. С течением времени и развитием языковых форм основным осталось значение 'удача, удачное достижение цели' [17].

Таким образом, в XVII веке семантическая связь слов *спех*, *спешный* и *спеть*, а также глагол *успеть*, с одной стороны, и *успех*, *успешный*, с другой стороны, ослабевает. Лексикографические источники отмечают, что центральная часть концепта включает: достижение цели; общественное признание, репутацию; удачу.

Второстепенные аспекты данного понятия расширяют его границы, охватывая такие компоненты: положительные результаты; успевание к определенному сроку; другие аспекты: успехи в учебе; прогресс; процветание; совершенствование; счастье; победа.

Слово *success* восходит к латинскому корню. Глагол был образован при помощи приставки *sub(suc)*, что означает «почти, спустя» и корня *cedere* «двигаться, идти».

Рассмотрим значения глагола *succedere*:

'1) поступать на чье-либо место, следовать, быть преемником:

а) в должности;

б) вступать в права и обязанности наследодателя, преемствовать в имущественных правах умершего, как в одном целом;

в) занимать место предыдущего залогопринимателя, вступать в его права;

г) делаться ближайшим наследником;

2) подвергаться' [32].

С течением времени часть значений отпала, и к XVI веку остались только два значения: '1) последствие, результат 2) поступательное движение' – и появился дополнительный признак 'достижение поставленной цели' [35].

В настоящее время *success* в англоязычной американской культуре имеет три группы значений:

'1) успех, удачу;

2) процветание, благосостояние;

3) тот, кто или то, что пользуется успехом, признанием'.

Следует отметить, что здесь уже появляется новый аспект в понимании понятия *успех*, а именно: отождествление его с благосостоянием и процветанием, что требует наличия определенных доказательств достижения успеха.

Согласно английским толковым словарям, «*success*» имеет два основных значения (Oxford, Webster): ‘тот факт, что вы достигли чего-то, чего хотите и пытались сделать или получить; достижение высокого социального положения’ [36].

Слово *success* связано с более чем 30 схожими терминами, среди которых выделяются «экономические», такие как *gaining, prospering, making a fortune, benefiting*.

Концепция понимания успеха в русской и западной культурах похожа в ряде признаков, но и имеет свои особенности. К универсальным признакам можно отнести достижение материального успеха, известности, власти, признание заслуг и карьерного роста социумом, самореализация и внутреннее удовлетворение.

Среди особенностей понимания успеха в американской и русской культурах выделяют следующие. Первая особенность: в западной культуре успех связывается, прежде всего, с достижением материальной независимости, богатства и с продвижением вверх по карьерной лестнице, а в русской культуре он связан с победой в бою, с достижениями в познаниях, завоеванием симпатий.

Вторая особенность: русские участливо и сострадательно относятся к менее успешным и не столь удачливым людям. Американцы, если и не испытывают презрения, то не проявляют ни капли сострадания к «неудачникам». В их понимании успех зависит от усилий самого человека, который должен самостоятельно преодолевать возможные трудности и неудачи, не демонстрируя своего разочарования и не ожидая сочувствия от окружающих, полагаясь только на себя. Найти человека, который искренне разделяет радость твоему успеху, – именно это является наибольшей сложностью.

Важно отметить, что в русском понимании успеха изначально не были затронуты деньги, а в западной культуре успех напрямую измеряется объемом достигнутых богатств. Здесь успех достигается усилиями человека, его каждодневным трудом во имя своего честолюбия.

В зарубежной лингвистике феномен «успех» изучается как фемининная/маскулинная характеристика (M.S. Kimmel, K. Newlin), а также в рамках понятий «американская мечта» и «*self-made man*» (J. Adair, F. Douglass, H. Paul). В отечественной лингвистике «успех» рассматривается, прежде всего, как концепт на материале английского, немецкого и русского языков (И.В. Адонина, Т.Н. Гордиенко, Н.Д. Паршина, Е.Н. Хрынина, Н.Р. Эренбург), как фрейм на материале русского языка (В.И. Карасик, О.В. Рябуха), а также в геронтологическом аспекте (И.А. Бельцова, В.Н. Мерзлякова). Сопоставительный анализ языковой репрезентации феномена успеха с позиций гендера в русской и американской лингвокультурах не проводился [22].

В 1832 г. Генри Клей, американский политический и государственный деятель, впервые употребил понятие *self-made man* (буквально – ‘человек, сделавший себя сам’), которое мгновенно начали использовать в рекламных текстах и биографиях. Провозглашенный французским политическим деятелем Алексисом де Токвилем индивидуализм поставил окончательную точку в понимании мужского успеха как личного богатства и всеобщего признания. В итоге понятие *self-made man*, носящее маскулинный характер, стало ключевой составляющей достижения успеха в американской культуре. Вместе с тем, по замечанию американской писательницы, историка Стефани Кунц, культ «*self-made man*» требовал культа «*true woman*» (верной женщины) [30]. Первоначально образ успешного человека как «*self-made man*» был закреплён исключительно за мужчинами европейского происхождения. Деньги и доминирование были определяющими характеристиками успешных мужчин. Женщинам путь к достижению успеха был фактически закрыт: они были хранительницами

домашнего очага и ассоциировались с моралью, культурой, альтруизмом и привязанностью, то есть с исключительно духовными понятиями.

Что касается России, то следует обратить внимание на исследования российского филолога И.М. Смирнова, который обобщил результаты интерпретативного анализа 30 статей российской электронной версии журнала «Cosmopolitan» и 30 статей российской электронной версии журнала «GQ». Отбор статей проводился по представленности в тексте лексемы *успешный* без учета морфологии. Выбор данных изданий обусловлен их наибольшей популярностью среди женской и мужской половины населения России (согласно рейтингу Рамблер.ТОП100, основанному на индексе популярности) [30].

По результатам проведенного анализа, успешная женщина прилагает усилия для достижения внутренней гармонии, уверена в себе, умеет налаживать контакты с другими людьми и позитивно воспринимает окружающий мир. В начале своей карьеры она соглашается на любую работу. Успешная женщина преодолевает свои страхи, любит свою работу и усердно трудится, не сдается в случае провала и развивает себя. Она мечтает и черпает вдохновение из окружающего мира, ставит четкие цели на будущее, понимая, что деньги – это не главное.

Успешный мужчина – это заслуживающий уважения и популярный человек, получающий множество наград за свою деятельность и известный не только в России, но и за рубежом. Он настроен на победу и превосходство, дружит с известными личностями, самосовершенствуется, создает более удачные проекты по сравнению с аналогичными проектами конкурентов и удачно вкладывает заработанные деньги. При этом успешный мужчина пренебрегает своей известностью и упоминанием в СМИ, игнорируя негативное мнение окружающих, если таковое присутствует [30].

Таким образом, при сопоставлении образа успешного мужчины в текстах российских СМИ с описанным выше образом успешного человека в США с учетом формулы «self-made man» можно заметить определенное сходство: признание и стремление к победе, решающая роль денег. Рассматривая образ успешной женщины в проанализированных текстах российских СМИ и образ американской женщины, мы также можем проследить определенное сходство, а именно духовную ориентацию женщин. Конечно, возможности современных женщин для самореализации намного выше, но направленность российских женщин на душевную гармонию перекликается с американской моделью.

Как отмечают работы современных исследователей (И.Н. Бельцова, В.Н. Мерзлякова и др.), гендерный подход представляется перспективным в процессе лингвистического анализа текстов в рамках дискурса успешности. Проведенные лингвокультурологические гендерные исследования позволяют обозначить культурно-специфические и общие черты образов успешной женщины и успешного мужчины как на кросскультурном, так и интракультурном на уровнях.

Итак, концепт «успех/success» прошел определенный путь в своем развитии как с точки зрения лингвистики и культуры, так и в историческом контексте. Концепты «успех» в русской культуре и «success» в англоязычной американской различаются по нескольким признакам, которые обусловлены особенностями культурных реалий, национального поведения и трудовой этики двух народов. В настоящее время проблема понимания и интерпретации феномена успеха остается актуальной для целостного изучения этого концепта.

Актуальность изучения успеха в *философии* на современном этапе просматривается в трех ключевых направлениях.

1) Историко-философская реконструкция, которая позволяет переосмыслить эволюцию понятий *успех*, *успешное действие* и *успешная деятельность*. Это напрямую влияет на формирование представлений о коллективном субъекте получения знания в различных сферах (обыденной жизни, научного знания), расширяя методологические подходы к целеполаганию.

2) Социокультурный анализ успеха выдвигает необходимость синтеза социальных и гносеологических аспектов. Важным становится выбор приоритетной теоретической модели успеха, определение характера межсубъектной сферы коммуникации, легитимирующей тот или иной образ успеха.

3) Понятие *успех* часто сводится к его обыденным смыслам, тогда как философское осмысление феномена тесно связано с проблемой самоидентификации и самооценки личности. Это ставит под вопрос традиционные представления о сути успеха.

Таким образом, потребность в глубоком философском анализе успеха обусловлена его многослойностью, влиянием на личностное развитие и социальную динамику.

Несмотря на кажущуюся простоту смыслового наполнения, категория «успех» и ее сущностное изучение, остается недостаточно изученной в философии. Как социально-философское понятие успех вообще специально не рассматривался.

Философско-психологическое понимание природы успеха и успешности личности можно проследить через категории деятельности, воли к достижению, самооценки, установки, идентичности, самосознания и др. Следует отметить, что как социально-философское понятие успех специально не изучался и в отечественных философских справочниках данный термин отсутствует.

Российский философ В.Г. Тульчинский акцентирует внимание на том, что успех как социальное признание занимает важное место в системе мотивации и осмысления человеком самой себя, своих поступков и жизнедеятельности в общем, формировании личности. Он выделяет различные формы успеха, в которых реализуется ориентация личности на жизненные, профессиональные, творческие достижения. Среди них следующие: успех-популярность – общественное признание способностей человека, степени его таланта; успех – признание авторитетными другими – самосознание личности проявляется в избирательной значимости успеха или неуспеха для нее самой, в среде значимых других; успех-преодоление, самопреодоление – разрешение проблем и противоречий в жизни, затрудняющим реализацию намеченных целей самотворчество; успех-призвание – получение удовольствия от достижения успеха [26, с. 124–136].

Согласно мнению Ю.В. Андреевой и В.Л. Бенина [2], философские учения рассматривают успех с точки зрения пяти основополагающих аспектов.

1. *Успех как разновидность счастья*. Данное понимание успеха характерно для гуманистической этики Аристотеля. Само счастье здесь представлено как высшее благо, конечная цель всей человеческой жизни. Оно включает в себя и наслаждение, и удачу, и богатство, и почести. Именно почести в античной философии определяли меру успеха и служили внешним выражением счастья.

2. *Успех как форма удачи*. Отечественными философами В.И. Бакштановским, Ю.В. Согомоновым, В.А. Чуриловым со ссылкой на словарь В. Даля дано определение удачи как того, что «само далось». Ими была высказана мысль о том, что удача есть везение как таковое, что она представляет собой результат, не зависящий от целенаправленных действий человека [5]. По мнению Аристотеля, удача всегда есть то, «что нам не подчинено, в чем мы не властны и чего сами сделать не в силах» [3, с. 358]. Мудрые греки изображали её с длинной челкой и выбритым затылком. Надо успеть схватить удачу за чуб, когда она повернулась к вам лицом.

3. *Успех как характеристика деятельности человека.* Успех может стать целью деятельности. Так, если у Аристотеля успех – это цель, осуществленная в поступке, то современные отечественные философы (В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов, В.А. Чурилов) считают, что успех включает в себя не только цель, но и мотив, а также результат деятельности и средства его достижения [5]. В понимании Г.Л. Тульчинского успех – это оценка результата. Причем, она может выступать в виде адекватной самооценки или позитивной социальной оценки индивидуальных заслуг личности [26].

4. *Успех как социальный статус человека и материальный уровень его жизни.* В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов и В.А. Чурилов также считают сосредоточие добродетелей «необходимым условием достижения успеха» [5]. Р. Хубер, вслед за Сократом, Платоном, Аристотелем, в качестве фундаментальных добродетелей выдвигает мудрость, волевою энергию мужества, благоразумие и справедливость, считая, что путь к успеху лежит через развитие новых добродетелей: трудолюбия, бережливости, решительности, инициативности, умеренности, пунктуальности, уверенности в своих силах, честности, в любом из достойных занятий они обязательно приведут к успеху. Тогда как «пренебрежение добродетелями приводит к неудаче» [27, с. 66–71]. С этих позиций успех выступает как приобретение добродетели – самоуважения, социального статуса и престижа наряду с достижением определенного уровня дохода и карьеры. Человек может стремиться к успеху не только для получения материальных благ, но и ради этико-психологического удовлетворения, уважения окружающих и внутреннего морального комфорта.

5. *Успех как форма самореализации личности* рассматривается отечественными (К.А. Абульханова-Славская, С.С. Гиль, К.В. Паталаха), так и зарубежными авторами (А. Адлер, Дж. Дьюи, Д. Карнеги, А. Маслоу, К. Роджерс). А. Маслоу, например, трактовал самореализацию как желание человека самоосуществиться. Самореализация представляет собой процесс раскрытия своего потенциала, развития способностей и достижения целей, которые важны для самого человека. С.С. Гиль считает самореализацию средством достижения успеха. Подход к успеху как к форме самореализации личности примечателен тем, что причиной успеха выступает сам человек, его способности в достижении результата. Сегодня в контексте самореализации личности успех нередко рассматривается как критерий эффективности адаптации человека к окружающей среде.

Философские работы, затрагивающие вопросы успеха, касаются таких категорий как активность, воля, деятельность, личность. Человеческая активность, рассматриваемая в философии как особое личностное свойство, связанное с жизненным путем, самоорганизацией и самоосуществлением. Многие философы (Р. Декарт, Г.В. Гегель, Э. Гуссерль, Б.М. Кедров, Г. Лейбниц, П. Рикер, А.Г. Спиркин, В.С. Степин, М. Хайдеггер, Т. Шарден и др.) рассматривали активность как универсальную категорию и видели в ней свойство не только духа, но и материи, способной к самоорганизации. Хотя активность является фундаментальной основой успеха, ее одной недостаточно для достижения поставленных целей. К.А. Абульханова-Славская подчеркивает, что понятие активности дало возможность рассмотреть «как личность объективирует себя в деятельности» [1].

Категория деятельности – одна из наиболее изученных в философии. Деятельность формируется за счет следующих основополагающих компонентов: цель-мотив-способ-результат. Каждый из них играет ключевую роль для достижения успеха. С чисто внешней точки зрения о степени успешности деятельности в целом судят по результатам, а через них и о личности. Ряд философов (Н.Н. Трубников, Э.Г. Юдин и др.) выявили проблему

несовпадения цели и результата деятельности, причину которого они связывают с невозможностью учесть в целеполагании все реальные последствия, которые порождает осуществление конкретной цели. С точки зрения деятельностного подхода, успех рассматривается как максимальное совпадение заданной цели и результата. Однако с точки зрения личностного подхода, подобное определение недостаточно, в связи с тем, что в нем фактически отсутствует личностное отношение человека к достигнутому результату. Многие ученые, в частности К.А. Абульханова-Славская [1], вводят в теорию деятельности понятие удовлетворенности-неудовлетворенности, характеризующее как личность реализует себя в жизни, «цену» (трудность) деятельности и общения и представляющее собой форму обратной связи личности со способами её объективации в жизни. Исследования К. Левина и Н. Хоппе показали, что притязания, достижения и удовлетворенность человека достигнутыми результатами имеют четкое соотношение, зависящее от его индивидуальных особенностей [10].

Немецкая классическая философия, американская, восточная (индийская) и русская философии внесли значительный вклад в понятие активности и воли, составляющие необходимую и важнейшую предпосылку успеха. Немецкая философия (Г. Гегель, И. Кант, Ф. Ницше, И. Фихте, М. Шелер, А. Шопенгауэр) привнесла в теорию успеха подробный анализ природы субъекта как человеческого, так и божественного, исследование онтологии воли, метафизики волевого действия, виталической природы активности людей. Американская философия (Д. Дьюи, У. Джемс, Ч.С. Пирс, Б. Франклина) связала активность с пользой, а волю с методом достижения цели, разработав инструментально-технологические аспекты успеха. Восточная философия показала неотделимость человеческой воли от воли Абсолюта. Русская философия (Н.Н. Бердяев, С.Н. Булгаков, Б.Л. Вышеславцев, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, Н.Н. Федоров) акцентировали внимание на рассмотрении активности с точки зрения единства материального и духовного начала. Особенно ярко этот подход проявился в работах С.Н. Булгакова (прежде всего в его учении о софиологии и в работе «Философия хозяйства»), где он утверждал, что успех хозяйственной деятельности возможен только при единстве материи и духа как гаранта софийности – мудрости. Мудр тот хозяйственник, который в своей деятельности соблюдает это единство [8].

Теснейшим образом переплетается с понятием успеха категория личности. В отечественной науке тема личности больше всего разрабатывалась в трудах С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева, А.Г. Асмолова, В.Н. Мясищева, В.С. Мерлина, В.И. Ковалева, А.И. Щербакова, К.К. Платонова, А.Г. Спиркина. Именно личность, не только действует и достигает поставленной цели, но и оценивает собственную деятельность, либо как успешную, либо как неуспешную.

В последние десятилетия проблема успеха все чаще становится предметом исследований в *психологии* из-за острой потребности нашего времени установить фундаментальные механизмы, определяющие личностное благополучие и внутреннюю гармонию человека. Исследователи стремятся понять ряд вопросов: каковы ключевые факторы успешной реализации личности; какие эмоционально-ценностные связи формируют основу этого процесса; каким образом эти элементы взаимодействуют для регуляции поведения индивида; и, наконец, как наиболее эффективно поддерживать личностную динамику в направлении достижения жизненного успеха. Особую сложность представляет задача систематизации разнородных подходов к пониманию успешности: отсутствие единой теории с четко определенным центральным понятием о природе успеха усложняет анализ. Тем не менее, в рамках психологической науки

существуют многогранные концепции и категории, охватывающие как когнитивную, так и аффективно-поведенческую сферы человека при рассмотрении феномена успешности.

Российские ученые В.Н. Панкратов, А.Н. Панкратов, Вл.Н. Панкратов утверждают, что «успех есть удачное достижение желаемой цели» [20]. Это определение можно назвать идентичным тому, что предложил американский лексикограф, языковед Н. Вебстер, который отметил, что «...человек от природы существо, постоянно направленное на какую-то цель. И поскольку человек создан именно таким, он не может быть счастлив, если не функционирует так, как ему определено природой, то есть целенаправленно. Таким образом, подлинный успех и истинное счастье не только идут рука об руку, но дополняют и усиливают друг друга» [18].

В рамках отечественной науки выдвигается концепция успеха через призму четырех ключевых понятий: 1) *достижение* – это не просто процесс движения к цели, а уже свершившееся преодоление конкретного барьера и завершение начатого, что порождает глубокое удовлетворение, которое, в свою очередь, и закрепляет ощущение успеха; 2) *цель* – осознаваемая человеком условная высота, которую ему необходимо преодолеть; 3) *желаемая* цель подразумевает, что человек осознает не просто значимость цели и приоритетность ее по отношению к другим, а ее исключительность; 4) присутствие в успехе *удачи*, но не доминирования ее. Фортуна помогает лишь тому, кто «выпрыгивает» ей навстречу [20].

Американский лектор и консультант, мотивационный спикер З. Зиглар структурирует успех через семь ключевых компонентов: финансовое благополучие, физическое здоровье, интеллект, духовную зрелость, личностное развитие, семья, карьера [11].

Российский психолог и философ, коуч, публицист С.Ю. Ключников считает, что «успех – это реальная живая энергия, которой человек владеет, с помощью которой он притягивает к себе других людей, создавая вокруг себя некий вихрь обстоятельств, возможностей, препятствий и способов их разрешения» [13]. Автор рассматривает понятие успеха как многомерное явление, включающее в себя не только общепринятые внешние атрибуты успешной жизни как материальное и социальное благополучие человека (хорошие деньги, хорошая работа, хорошие жизненные обстоятельства, интересный круг общения, карьера, слава), но и как внутреннее психологическое состояние человека, его общую удовлетворенность жизнью, ощущение гармоничности своей жизни, удовлетворенность от обладания приобретенными благами, позитивное мировосприятие.

Определенной специфики определение успеха приобретает в зависимости от научных подходов. В частности, М.О. Батулин рассматривает успех как когнитивно-аффективные оценочно-самооценочные комплексы с несколькими значениями. Первое из них связано с объективной оценкой результата деятельности другого человека, который равен определенному нормативному уровню или социальному стандарту, или выше их. Второе значение относится к субъективному оцениванию человеком своих результатов по сравнению с тем, чего он ожидал сам от себя. И третье значение отражает эмоциональное состояние, которое возникает в условиях значимого для человека достижения [6].

В социально-психологической литературе приводятся разные дефиниции понятия успеха, и во многих из них отражается тенденция к разделению успеха на «внешний» и «внутренний» [4; 24; 25].

«Внешний» успех определяют как обретение социального признания и популярности в контексте оценки результатов деятельности «значимыми другими» [26], «субъективную оценку результатов собственных усилий» [4, с. 295].

«Внутренний» успех описывается, например, как «достижение значимой цели с учетом преодоления препятствий на её пути» [25, с. 224] или как «характеристика переживания индивидом результата собственных действий» [24, с. 92].

Но чаще всего можно встретить дефиниции, стремящиеся объединить внешнюю и внутреннюю стороны успешного результата. Так, российский психолог Е.М. Корж называет успехом «достижение поставленных целей в жизни, имеющих значение для общества и группы, которые обеспечивают определенный уровень положения, положительного отношения со стороны окружающих и личное удовлетворение» [15, с. 32].

Оригинальное дополнение к концептам внешнего и внутреннего успеха делает российский ученый, психолог Т.Ю. Тодышева [25], говоря о существовании стремления к так называемому аксиологическому успеху – соотносению внешних результатов деятельности и внутренней удовлетворенности с общественно-нравственными идеалами.

Психолог Ю.В. Артамошина указывает, что «в психологии понятие "успех" понимается, с одной стороны, как особая оценка человеком результата действий и усилий, а с другой – как показатель своеобразного его положения в обществе, что, соответственно, задает специфику его социальных связей и отношений» [4, с. 212].

Российский ученый, психолог В.В. Левченко отмечает, что истинный успех – это не только возможность удовлетворения базовых потребностей, но и личностный рост и развитие [16, с. 12].

О.И. Ефремова и В.А. Лабунская считают, что достижение успеха – это единый процесс самореализации личности (процесс) и её самоутверждения в социуме (результат). Успех, по их мнению, можно определить как положительный результат деятельности субъекта по достижению значимых для него целей, отражающих ориентиры общества. Успех выступает формой самореализации субъекта, обеспечивает его саморазвитие и предполагает оценку со стороны общества в форме одобрения или признания [23].

А.Р. Тугушева и Р.М. Шамянов отмечают, что успех связан с социальной природой человека. Нормальное психическое развитие человека возможно при равновесии двух взаимосвязанных аспектов его жизни: быть единственным с обществом и одновременно выделиться, быть замеченным в своих действиях, признанным. Противоречие между этими тенденциями задает главные социально-психологические характеристики проблемы успеха [28].

Л.И. Дементий подчеркивает необходимость различать понятия *успех* и *успешность*. Под успехом автор понимает объективные достижения в конкретной деятельности, а успешность «отражает субъективное переживание достигшего успеха и связывается с результативностью собственной деятельности, с производительностью усилий» [9, с. 49].

Успех чаще всего связывают с единичным актом, а успешность чаще рассматривают как динамическую характеристику. Успех соотносится с результатом деятельности, а успешность – с личностью и ее свойствами. Например, И.Л. Кордубан и Л.А. Лазаренко определяют успешность как «социально-психологическую характеристику личности, предполагающую наличие социально признанных достижений, направленность на успех, собственную удовлетворенность процессом и результатами своей жизни» [14].

Успешность может рассматриваться как результат эффективной деятельности, предстающий в качестве оценки со стороны самого индивида и окружающих. Она является важным фактором психологического благополучия и может служить источником мотивации для дальнейшего развития и достижения новых целей.

Образ успешной личности как общественно принятый образец («внешний» критерий) и как индивидуальная субъективная составляющая Я-концепции («внутренний» критерий) – это динамическая переменная. В частности, субъективная составляющая имеет свойство модифицироваться в течение жизни в зависимости от конкретной ситуации, в которой находится человек. Например, в проблемных ситуациях она представляет собой подструктуру, зависящую от текущего уровня адаптированности личности. Об этом говорят данные, полученные в современных исследованиях психолога Э.И. Бегловой: у женщин с разной социальной и психологической адаптированностью субъективный образ «успешной личности» меняется в зависимости от текущей жизненной ситуации (наличие трудоустройства, семейное положение, материальный статус и пр.) [7].

Итак, успешность как понятие также имеет объективный и субъективный аспекты. В отличие от успеха, успешность – это неоднократно верифицированный опыт. Субъективный компонент успешности определяется эмоционально окрашенным состоянием переживания лицом собственного успеха. Объективный компонент связан с оценкой человека и результатов его деятельности как успешных на основе представлений об успешности, присущих конкретной социально-культурной среде.

Возникает также необходимость развести понятия *удача* и *успех*, которые имеют значительные отличия. Если успеха (пехота, пешком) добиваются, за него борются, путь к нему, как правило, долог и непрост, то *удача* (дача) – это то, что дается, а не сам дошел пешком. Ее не добиваются, а ждут, надеются, что она сама придет. Успех связан с личными качествами, способностями, ответственностью, целеустремленностью, волевыми усилиями трудом. А удача представляет собой случайный фактор, который может наградить человека без каких-либо предварительных усилий с его стороны. Успех не приходит к кому угодно, удача – дело случая, его игры. Она онтологически случайна, не поддается планированию.

Успех ведет к личностному росту, ожидание удачи может привести человека к пассивности, когда люди полагаются на случай, а не на свои способности и действия. Это приводит к повышенной социальной мобильности современного общества, постоянной смене рода занятий, места жительства, брачных партнеров. Можно заметить, что общество, ориентированное на успех, будет более склонно к развитию, инновациям и сотрудничеству. В то время как общество, в котором преобладает культура удачи, может характеризоваться неопределенностью, попаданием в зависимость от везения и, как следствие, большей криминализацией сознания, стремлением к легким путям достижения успеха.

Удача асоциальна: чтобы ее ждать, не нужно что-либо знать или уметь. Удачу ждут в одиночку, для этого никто не нужен. Поэтому удача разобщает, а успех, напротив, может быть общим, на него вполне можно работать сообща, командой, группой, нацией, даже человечеством. Успех требует веры, а удача – нет, поскольку веру сменяет суеверие: приметы, гороскопы и т.д.

Для отечественной науки тема везения является неразработанной, однако на популярном уровне она воплощена в жанре советов по достижению удачи в каком-либо виде деятельности, а также прямой «агитации» через биографии наиболее удачливых и преуспевающих людей.

Итак, успех как понятие в психологии рассматривается в нескольких аспектах:

- достижение определенного ожидаемого результата, который определяется человеком как значимый;
- общественное признание достижений человека;

- как развитие и преодоление собственных границ;
- как показатель положения в обществе.

В *социологии* успех рассматривается как многостороннее понятие, которое объединяет в себе как личные достижения и удовлетворенность результатами своих действий, так и социальное положение индивида относительно других людей. С одной стороны, успех может быть интерпретирован как субъективное переживание индивидом результатов своих усилий и действий. С другой стороны, успех также отражает специфику социальных связей и отношений, в которых находится индивид. Таким образом, успех в социологии представляет собой сложное и противоречивое явление, объединяющее личные достижения и социальное положение индивида. Это делает его важным объектом исследования в социологии, требующим комплексного подхода.

Основополагающими социологическими работами по исследованию успеху являются труды М. Вебера, П. Бурдьё, А.Г. Здравомислова, В. Зомбарта и К. Мангейма. Г.Л. Тульчинского, В.А. Чурилова, В.А. Ядова.

На современном этапе в социологии наблюдается многообразие теорий успеха: каждая предложенная концепция не только расширяет границы понимания данного явления, но и акцентирует его взаимосвязь с социальным окружением и генетическими предпосылками индивида. Они едины в признании того, что успех человека определяется как совокупностью врожденных задатков (склонностей к различным видам трудовой и творческой деятельности), так и реакцией на внешние условия. Успех или безуспешность деятельности фиксируется в обществе как признание или отсутствие достижений у личности. С одной стороны, успех выступает продуктом целеустремленного поведения индивида в соответствии со своей природной предрасположенностью; с другой – это результат успешности преодоления препятствий и противоречий, возникающих на пути реализации его потенциала.

Требуются критерии, «показатели» реализации усилий личности, маркеры значительности достигнутых на этом пути результатов. О критериях успешности можно говорить как о стратификационных критериях или факторах, определяющих неравенство людей в обществе. Немецкий социолог М. Вебер рассматривал богатство, власть и социальный авторитет, как факторы социального неравенства. Французский социолог, этнолог, философ П. Бурдьё относил к ним экономический, символический, культурный и социальный виды капитала. В современном западном мире к взаимосвязанным показателям успешности можно отнести материальный уровень жизни человека, объем его собственности, степень его политического, культурного влияния, уровень образования, профессиональную компетентность и престижность профессии.

Цивилизационный подход к проблеме успеха позволяет учитывать и иные типы ценностных ориентаций. Так, социолог, культуролог и педагог П.А. Сорокин выделяет идеациональный (религиозный), чувственный (материалистический) и идеалистический (комбинированный) социокультурный типы. Безусловно, понимание успеха в религиозной социокультурной системе будет отличаться от его трактовки в системе материалистической и комбинированной.

Французский социолог Р. Арон предложил стадийный подход, который позволяет выделить несколько этапов развития общества (примитивное, традиционное, индустриальное и постиндустриальное) на основе ряда параметров. Этот подход помогает понять, как менялись представления об успехе на протяжении истории. В примитивном обществе ещё не существовало представлений об успехе, так как социальная структура только начинала формироваться и имела родоплеменную форму. Человек в этом обществе был носителем не индивидуального, а социального «Я».

В традиционном обществе социальные связи становятся более динамичными, появляется механизм общественного признания, меняется структура личности. Начинает складываться представление о том, что человек может изменять социальную реальность и добиваться успеха благодаря выдающимся личностным качествам. Однако успех не был одной из основных общественных ценностей.

В индустриальную эпоху показателем успеха становится существенная вертикальная мобильность. Достижение успеха облегчается благодаря тому, что различия между экономическими статусами распределяются более равномерно по сравнению с традиционным обществом. Однако в индустриальном обществе успешность определяется скорее внешними параметрами, нивелируя внутренний, психологический фактор деятельности. Благо, достижением которого меряется успех, отождествляется с утилитарной пригодностью и пользой.

В постиндустриальном обществе успех в значительной степени определяется символическим капиталом, который включает в себя не только наличие информации, но и способность эффективно ею управлять. Этот аспект становится особенно важным в условиях быстроменяющегося мира, где гибкость, инициативность и готовность брать на себя ответственность становятся важнейшими качествами индивидов.

Согласно вышеизложенному определению, успех по своему содержанию – универсальный феномен. Универсальность его проявляется в его пространственно-временной инвариантности. Данный феномен существует независимо от конкретно-исторических условий, видоизменяются лишь формы его проявления.

С точки зрения концепции успеха как рационального выбора, предложенной Д. Фридманом и М. Хетчером [21, с. 318–319], успех определяется не только самим процессом достижения целей, но и рядом факторов, формирующих предпочтения личности. Социальные институты влияют на эти предпочтения, задавая рамки для действий и формируя контекст, в котором происходит выбор. В результате успех становится многофакторным процессом, зависящим от индивидуальных характеристик и социальных условий.

В теории обмена американского социолога Дж. Хоманса [21, с. 321–328] процесс достижения успеха (рассматривается как деятельность) состоит из трёх фаз: действие, вознаграждение за результат действия и повторение первоначального действия. Чем чаще действие приводит к получению вознаграждения, тем более вероятно повторение этого действия.

Понятие *успех* рассматривается и в теории рисков (З. Гидденс, У. Бек). В основе этой теории – представление о том, что современность является переходом от классического индустриального общества к обществу риска. Модернизация, технология порождают новое общество, а значит, и новую среду, в которой главным вопросом является вопрос о рисках и их предотвращении. Успешный человек в обществе риска – это человек, усвоивший новые модели поведения и умеющий управлять рисками.

Успех можно рассматривать как по объективному критерию (социальный успех, измеряемый в категориях общественного признания соответствующих результатов), так и по субъективным показателям (личностный, индивидуальный успех, который проявляется в чувственном переживании субъекта успеха). Два этих показателя могут сосуществовать как интеграционно, так и отдельно.

В научной литературе выделяют несколько оснований для типологизации успеха [12]. Одним из них является характер соотношения интересов личности и общества.

В зависимости от степени совпадения или пересечения интересов личности и общества можно выделить три типа успеха:

- *конформный успех*, при котором личность достигает успеха за счет подчинения своих личных интересов интересам общества;

- *адаптационный успех*, при котором интересы личности и общества совпадают после процесса незначительной «притирки». О таких людях говорят, что они родились в «свое время», поскольку их способности актуальны в сложившейся социальной реальности;

- *трансформационный успех*, основой которого является встречная активность личности по отношению к обществу, изменение общественных ценностей в результате индивидуальных усилий по утверждению своей ценностной системы.

Еще одним основанием для типологизации успеха является время его достижения. В зависимости от времени достижения успеха можно выделить три модели:

- *поступательный успех* – это достижение успеха постепенно, в несколько этапов;
- *стремительный успех* – это мгновенный успех, который приходит без видимых усилий;

- *отложенный успех* – это успех, который возникает спустя значительный промежуток времени после окончания деятельности и получения результатов (признание заслуг и достижений часто к гениальным людям приходит после их смерти) [12].

Также успех можно типологизировать на основе соотнесения внешних и внутренних обстоятельств, приводящих к успеху. В зависимости от этого выделяют три модели:

- *успех-удача* – это результат благоприятного стечения обстоятельств, когда затруднительно определить решающий фактор успеха;

- *успех-содействие* – это достижение результата при поддержке со стороны социального окружения или социальной группы;

- *успех-преодоление* – это успех, достигнутый благодаря персональным усилиям вопреки неблагоприятным обстоятельствам [12].

На наш взгляд, последнюю типологизацию можно считать оптимальной, поскольку позволяет равно учитывать личностное и социальное измерения успеха, отражает соотношение интересов личности и общества и является гендерно нейтральной.

В современном обществе модель «успех-преодоление» наиболее соответствует социокультурным условиям. Истинный успех возможен, когда человек создаёт благоприятные условия для себя, влияя на своё социальное окружение и становясь центром социальной активности. Успешный человек преобразует общество, преодолевая препятствия и организуя социальную среду вокруг себя. В этой модели гармонично сочетаются индивидуальное и социальное начала: индивидуальная активность невозможна без социального поля для реализации личностных качеств, а социальное окружение не может изменяться без таких полюсов активности.

Несмотря на разнообразие подходов, определяющих успех человека, ключевые концепции указывают на то, что успех любого человека детерминирован социальной средой и его природной предрасположенностью, т.е. врожденными задатками и склонностями человека к различным сферам деятельности. В обществе оценка успеха или неуспешности сводится к наличию либо отсутствию признанных достижений у личности.

Заключение. В эпоху глубинных социально-экономических и политических преобразований общества проблема успеха отдельной личности приобретает особую актуальность. В такие периоды отдельная личность остается как бы покинутой и забытой общественными институтами, более того, она испытывает чувство растерянности, апатию, потерю ориентиров, и, как следствие, – нарушение внутренней гармонии и равновесия в душе.

При таких реалиях чрезвычайно важно понимание глубин природы человеческого существа, понимание его судьбоносного призвания, конгруэнтных стремлений и определяющих ценностей, а также способности к ее реализации. Поэтому перед учеными, практиками и представителями различных направлений гуманитарного знания стоит задача исследования различных аспектов взаимодействия человека и социума, среди которых и проблема успеха и успешности личности в различных сферах ее жизни, деятельности, общения в современных условиях. На основе анализа философско-этической, социологической, психологической литературы сущность успеха как сложного многопланового явления можно представить через взаимодополнение его содержательных трактовок. Другими словами, разбивая содержание понятия на составные части, мы интегрируем их и представляем успех как целостное явление.

Проведенный анализ междисциплинарного подхода успеха может стать новым основанием для переосмысления подходов к изучению его функций, факторов, механизмов, критериев достижения личностью успеха и разработки новых инструментов для его измерения, а также построения теоретической модели успеха.

Тема данной работы сложна, многопланова и требует дальнейших исследований. Поэтому перспективами дальнейших исследований может быть углубленное экспериментальное изучение личностной концепции успеха в структуре жизненных перспектив; исследование влияния представлений личности об успехе и способах его достижения на конструирование жизненных перспектив личности в условиях изменяющегося мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 299 с.
2. Андреева Ю.В. Пять трактовок успеха в философии образования: теоретические и прикладные аспекты / Ю.В. Андреева, В.Л. Бенин // Образование и наука. Известия УрО РАО. – 2004. – № 2(26). – С. 19–29.
3. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель. – М.; Берлин : Директ-Медиа, 2020. – 222 с.
4. Артамошина Ю.В. Особенности представлений женщин о жизненном успехе / Ю.В. Артамошина // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2007. – № 4 (48). – С. 211–215.
5. Бакштановский В.И. Этика политического успеха : научно-публицистическая монография / В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов, В.А. Чурилов. – Тюмень-М. : Центр прикладной этики, 1997. – 747 с.
6. Батурин Н.А. Психология успеха и неудачи : учеб. пособие / Н.А. Батурин. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 1999. – 100 с.
7. Беглова Э.И. Субъективный образ «успешной личности» у женщин с разной социальной и психологической адаптированностью / Э.И. Беглова // Вестник ТГПУ. Казань, 2010. – № 2 (20). – С. 298–303.
8. Воробьева К.И. Психология успеха : монография / К.И. Воробьева. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2011. – 118 с.
9. Дементий Л.И. Ответственность: типология и личностные основания : монография / Л.И. Дементий. – Омск : Ом. Гос. Ун-т, 2001. – 192 с.
10. Зейгарник Б.В. Теория личности К. Левина / Б.В. Зейгарник. – М. : Изд-во МГУ, 1981. – 117 с.
11. Зиглар З. Умение добиваться успеха для «чайников» / З. Зиглар; пер. с англ. – М. : Вильмас, 2000. – 224 с.
12. Караханян Е.В. Понятие успеха в российской культуре / Е.В. Караханян // Вестник БГУ (Уфа). Сер. Философия, социология, политология и культурология. – 2008. – Т. 13, № 2. – С. 362–365.
13. Ключников С.Ю. Фактор успеха: Новая психология саморазвития / С.Ю. Ключников. – М. : Беловодье, 2002. – 480 с.
14. Кордубан И.Л. Психологическая характеристика феноменов успех и успешность / И.Л. Кордубан, Л.А. Лазаренко // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2007. – № 5. – С. 94–119.

15. Корж Е.М. Некоторые критерии оценки достижения жизненного успеха / Е.М. Корж // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. – 2008. – № 1. – С. 31–47.
16. Левченко В.В. Секреты успеха и успешности современного человека : монография / В.В. Левченко. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 259 с.
17. Мирошина Е.Ю. Феномен успеха: лингвистический, философский и социально-экономический аспекты / Е.Ю. Мирошина, О.Н. Мишук, М.Л. Гельфонд // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. Т. 31. – С. 416–420.
18. Мольц М. Я – это Я, или Как стать счастливым / М. Мольц. – М.: Прогресс, 1991. – 84 с.
19. Муханова И.Ф. Успех личности и жизненные перспективы: междисциплинарный аспект исследования : монография / И.Ф. Муханова. – Донецк : ФЛП Халиков Р.Х., 2022. – 248 с.
20. Панкратов В.Н. Психология успеха : практ. рук. для деловых людей / В.Н. Панкратов, А.Н. Панкратов, Вл.Н. Панкратов. – М.: Роспедагентство, 1997. – 80 с.
21. Ритцер Дж. Современные социологические теории: 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
22. Смирнов И.М. Образ успешного человека в русской и американской лингвокультурах: гендерный аспект (на материале текстов СМИ) : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / И.М. Смирнов. – Пятигорск, 2018. – 229 с.
23. Социальная психология личности в вопросах и ответах : учеб. пособие для студентов вузов / С.А. Беличева и др.; под ред. В.А. Лабунской. – М.: Гардарики, 1999. – С. 321–338.
24. Теплинских М.В. Концептуальные подходы к проблеме определения успешности профессиональной деятельности специалистов социальной сферы / М.В. Теплинских // Сибирский психологический журнал. – 2007. – № 25. – С. 92–97.
25. Тодышева Т.Ю. К вопросу об успешности профессиональной деятельности менеджеров / Т.Ю. Тодышева // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. СПб., 2008. – № 23 (54). – С. 221–227.
26. Тульчинский Г.Л. Разум, воля, успех: о философии поступка / Г.Л. Тульчинский. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 216 с.
27. Хубер Р. От «этики характера» к «этике личности» / Р. Хубер // Этика успеха. – 1994. – Вып. 1. – С. 66–71.
28. Шамионов Р.М. Представления о социальной успешности и самоопределении молодежи [Электронный ресурс] / Р.М. Шамионов, А.Р. Тугусева // Психологическая наука и образование. – 2009. – Том 1. – № 3. – Режим доступа: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2009_n3/Shamionov_Tugusheva (дата обращения: 20.12.2024).
29. Юдин А.В. Русская традиционная народная духовность : пособие для учащихся 10-11-х классов / А.В. Юдин. – М.: Фирма «Интерпракс», 1994. – 395 с.
30. Coontz S. The Way We Never Were: American Families and the Nostalgia Trap / S. Coontz. – N.Y.: Basic Books, 1992. – 432 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

31. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т.4 / В. Даль. – СПб.-М.: Тип. М.О. Вольфа, 1882. – С. 528.
32. Дыдынский Ф.М. Латинско-русский словарь к источникам римского права / Ф.М. Дыдынский. – 2-е изд., испр. и доп. – Варшава : тип. К. Ковалевского, 1896. – 466 с.
33. Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов краткое содержание / В.М. Живов – М.: Гнозис, 1994. – 113 с.
34. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. проф. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1982. – 816 с.
35. Фокин Н.И. Экономико-этимологический словарь [Электронный ресурс] / Н.И. Фокин. – Режим доступа: <http://dictionary-economics.ru/art-131> (дата обращения: 20.12.2024).
36. Oxford Dictionary of Idioms. – N.Y.: Oxford University Press. 2004. – 288 p.

REFERENCES

1. Abul'hanova-Slavskaja K.A. (1991). Strategija zhizni [Strategy of life]. M.: Mysl', 299 p. (In Russian).
2. Andreeva J.V., & Benin V.L. (2004). Pjat' traktovok uspeha v filosofii obrazovanija: teoreticheskie i prikladnye aspekty [Five interpretations of success in the Philosophy of education: theoretical and applied aspects] in Obrazovanie i nauka. Izvestija UrO RAO [Education and Science. Education and science. Izvestiya UrO RAO], 2(26), pp. 19–29 (In Russian).

3. Aristotel' (2020). Nikomahova `etika [Nicomachean ethics]. Moskva; Berlin : Direkt-Media, 222 p. (In Russian).
4. Artamoshina Ju.V. (2007). Osobennosti predstavlenij zhenshin o zhiznennom uspehe [Features of women's ideas about life success] in Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija «Gumanitarnye nauki» [Bulletin of Tambov University. The series "Humanities"], 4 (48), pp. 211–215 (In Russian).
5. Bakshtanovskij V.I., Sogomonov Ju.V., & Churilov V.A. (1997). Etika politicheskogo uspeha: Nauchno-publitsisticheskaja monografija [Ethics of political success: A scientific and journalistic monograph]. Tjumen'-Moskva: Tsentr prikladnoj etiki, 747 p. (In Russian).
6. Baturin N.A. (1999). Psihologija uspeha i neudachi: ucheb. Posobie [Psychology of success and failure: textbook]. Cheljabinsk: Izd-vo JuUrGU, 100 p. (In Russian).
7. Beglova E.I. (2010). Sub'ektivnyj obraz «uspešnoj lichnosti» u zhenshin s raznoj sotsial'noj i psihologicheskoj adaptirovannost'ju [The subjective image of a "successful personality" in women with different social and psychological adaptations] in Vestnik TGGPU [Bulletin of the TGGPU]. Kazan', № 2 (20). pp. 298–303 (In Russian).
8. Vorob'eva K.I. (2011). Psihologija uspeha : monografija [Psychology of success : a monograph]. Habarovsk: Izd-vo DVGUPS, 118 p. (In Russian).
9. Dementij L.I. (2001). Otvetstvennost': tipologija i lichnostnye osnovanija: monografija [Responsibility: typology and personal foundations: a monograph]. Omsk: Om. Gos. Un-t, 192 p. (In Russian).
10. Zejgarnik B.V. (1981). Teorija lichnosti K. Levina [Levin's theory of personality]. M.: Izd-vo MGU, 117 p. (In Russian).
11. Ziglar Z. (2000). Umenie dobivat'sja uspeha dlja «chajnikov» [Ability to achieve success for «dummies»]. M.: Vil'mas, 224 p. (In Russian).
12. Kljuchnikov S.J. (2002). Faktor uspeha: Novaja psihologija samorazvitiya [Factor of success: New psychology of self-development]. M.: Belovod'e, 480 p. (In Russian).
13. Karahanjan E.V. (2008). Ponjatie uspeha v rossijskoj kul'ture [The concept of success in Russian culture] in Vestnik BGU (Ufa). Ser. Filosofija, sotsiologija, politologija i kul'turologija [Bulletin of the BSU (Ufa). Ser. Philosophy, sociology, political science and cultural studies], 13 (2). pp. 362–365. (In Russian).
14. Korduban I.L., & Lazarenko L.A. (2007). Psihologicheskaja harakteristika fenomenov uspeh i uspešnost' [Psychological characteristics of success and success phenomena] in Sbornik nauchnyh trudov SevKavGTU. Serija «Gumanitarnye nauki» [Collection of scientific papers of SevKavGTU. The series «Humanities»], 5, p. 94–119 (In Russian).
15. Korzh E.M. (2008). Nekotorye kriterii otsenki dostizhenija zhiznennogo uspeha [Some criteria for assessing the achievement of life success] in Sovremennaja sotsial'naja psihologija: teoreticheskie podhody i prikladnye issledovanija [Modern social psychology: theoretical approaches and applied research], 1, pp. 31–47 (In Russian).
16. Levchenko V.V. (2014). Sekrety uspeha i uspešnosti sovremennogo cheloveka: monografija [Secrets of success and success of modern man: a monograph]. M.: FLINTA, 259 p. (In Russian).
17. Miroshina E.Ju., Mischuk O.N., & Gel'fond M.L. (2017). Fenomen uspeha: lingvisticheskij, filosofskij i sotsial'no-ekonomicheskij aspekty [The phenomenon of success: Linguistic, philosophical and socio-economic aspects] in Nauchno-elektronnyj zhurnal «Kontsept» [Scientific and methodological electronic journal «Concept»], 31, pp. 416–420 (In Russian).
18. Mol'ts M. (1991). Ja `eto Ja, ili Kak stat' schastlivym [I am Me, or How to become happy]. M.: Progress, 84 p. (In Russian)
19. Muhanova I.F. (2022). Uspeh lichnosti i zhiznennye perspektivy: mezhdistsiplinarnyj aspekt issledovanija: monografija [Personal success and life prospects: an interdisciplinary aspect of research: a monograph]. Donetsk: FLP Halikov R.H., 248 p. (In Russian)
20. Pankratov V.N., Pankratov A.N., & Pankratov V.I.N. (1997). Psihologija uspeha: prakt. ruk. dlja delovyh ljudej [Psychology of success: a practical guide for business people]. M.: Rospedagentstvo, 80 p. (In Russian)
21. Rittser Dzh. (2002). Sovremennye sotsiologicheskie teorii: 5-e izd. [Modern sociological theories: 5th ed.]. SPb.: Piter, 688 p. (In Russian)
22. Smirnov I.M. (2018). Obraz uspeshnogo cheloveka v russkoj i amerikanskoj lingvokul'turah: gendernyj aspekt (na materiale tekstov SMI) [The image of a successful person in Russian and American linguistic cultures: the gender aspect (based on media texts)] (Candidate dissertation). Pjatigorsk, 229 p. (In Russian)
23. Labunskaja (ed.) (1999) Sotsial'naja psihologija lichnosti v voprosah i otvetah: Ucheb. posobie dlja studentov vuzov [Social psychology of personality in questions and answers: A textbook for university students]. M.: Gardariki, pp. 321–338 (In Russian)

24. Teplinskih M.V. (2007). Kontseptual'nye podhody k probleme opredelenija uspešnosti professional'noj dejatel'nosti spetsialistov sotsial'noj sfery [Conceptual approaches to the problem of determining the success of professional activity of social sphere specialists] in *Sibirskij psihologičeskij žurnal* [Siberian Psychological Journal], № 25, pp. 92–97 (In Russian).

25. Todysheva T.Ju. (2008). K voprosu ob uspešnosti professional'noj dejatel'nosti menedžerov [On the question of the success of professional activity of managers] in *Izv. RGPU im. A.I. Gertsena. Aspirantskie tetradi* [Izv. RSPU named after A.I. Herzen. Postgraduate notebooks]. SPb., 23 (54), pp. 221–227 (In Russian).

26. Tul'chinskij G.L. (1990). Razum, volja, uspeh: o filosofii postupka [Conceptual approaches to the problem of determining the success of professional activity of social sphere specialists]. L.: Izd-vo LGU, 216 p. (In Russian)

27. Huber R. (1994). Ot «etiki haraktera» k «etike lichnosti» [From «ethics of character» to «ethics of personality»] in *Etika uspeha* [Ethics of success], 1, pp. 66–71 (In Russian).

28. Shamionov R.M., & Tugusheva A.R. (2009). Predstavlenija o sotsial'noj uspešnosti i samoopredelenii molodezhi [Ideas about social success and self-determination of youth] in *Psihologičeskaja nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 1 (3) (In Russian).

29. Judin A.V. (1994). Russkaja traditsionnaja narodnaja duhovnost': posobie dlja učaschihsja 10-11-h klassov [Russian Traditional Folk Spirituality: a handbook for students in grades 10-11]. M.: Firma «Interpraks», 395 p. (In Russian).

30. Coontz S. *The Way We Never Were: American Families and the Nostalgia Trap*. N.Y.: Basic Books, 1992. 432 p. (In English).

Поступила в редакцию 29.12.2024 г.

INTERDISCIPLINARY ANALYSIS OF SCIENTIFIC APPROACHES TO PROBLEM OF SUCCESS

I.F. Mukhanova

The article deals with domestic and foreign scholars' views on the problem of personal success in terms of the interdisciplinary analysis of the existing approaches. The etymology of the concept of "success" is provided. The diversity of its synonymic sets in the interdisciplinary research is considered. In the course of the problem study, methods of theoretical analysis of domestic and foreign scientific sources have been used, with analysis, synthesis, and generalization being among them. The theoretical analysis of the problem shows that the concept of "success" is an object of study in many sciences. According to the analysis results, there are many questions for scientific discussions in understanding its theoretical and applied aspects, which opens up prospects for both psychology and socio-humanitarian sciences such as linguistics, philosophy, sociology, pedagogy. The conclusions are made that the understanding of success depends on the field of knowledge and the field of activity, in which it is considered or achieved. Therefore, the meaning put into it is extremely dynamic and its interpretation is contradictory and ambiguous. However, today the problem of understanding and interpreting the phenomenon of success remains an urgent topic in the holistic study of the concept.

Key words: success, successfulness, luck, life success, social success, interdisciplinary approach, the image of a successful person.

Муханова Ирина Федоровна.

Кандидат психологических наук.

Донецкий государственный медицинский университет им. М. Горького, г. Донецк, Российская Федерация.

Доцент кафедры философии и психологии.

ORCID 0000-0003-3666-4581.

E-mail: mukhanovai@mail.ru

Mukhanova Irina Fedorovna.

Candidate of Psychology.

Donetsk State Medical University named after M. Gorky, Donetsk, Russian Federation.

Associate Professor of Philosophy and Psychology Department.

ORCID 0000-0003-3666-4581.

E-mail: mukhanovai@mail.ru

Научная статья

УДК 159.9.07

DOI: 10.5281/zenodo.15305378

СВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ САМОРЕГУЛЯЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У ЛИЦ С ПОГРАНИЧНЫМИ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

© 2025 К.Р. Саитгалиева¹, Ю.Ю. Ковтун²

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

ORCID¹: 0009-0002-1632-1899

ORCID²: 0000-0002-7770-4191

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Исследование посвящено проблеме связи уровня развития психологических ресурсов саморегуляции и психологического благополучия личности. Исследовательская работа проводилась на базе ОГКУЗ «Белгородская областная клиническая психо-неврологическая больница». Общее количество человек, прошедших исследование – 61, из них 32 респондента страдают пограничными психическими расстройствами, а 29 – психически здоровые лица. Были получены данные, свидетельствующие о том, что лица с пограничными психическими расстройствами значительно отличаются от здоровых лиц по уровню развития ресурсов саморегуляции, которые, в свою очередь, связаны с переживанием психологического благополучия. Использование этих данных будет полезно при разработке более результативных методов психологической помощи и коррекции, нацеленных на активизацию личностных ресурсов саморегуляции у пациентов с пограничными психическими расстройствами.

Ключевые слова: психологический ресурс, пограничные психические расстройства, благополучие, ресурсы саморегуляции, ресурсы личности

Для цитирования: Саитгалиева К.Р. Связь психологических ресурсов саморегуляции и психологического благополучия у лиц с пограничными психическими расстройствами / К.Р. Саитгалиева, Ю.Ю. Ковтун // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 3. – С. 175–185. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15305378>.

Одним из факторов, провоцирующих распространение инвалидизации и увеличение уровня ранней смертности среди трудоспособного населения, является некорректируемое неблагополучие психического здоровья [5]. Так, согласно статистике, около 20–25% граждан, проживающих на территории РФ, нуждаются в оказании медицинской помощи по факту нарушений психического здоровья [1].

Согласно концепции, разработанной К. Рифф, психологическое благополучие – это системное качество человека или группы, построенное на взаимовлиянии физических, психологических, социальных, культурных и духовных факторов. В таком ключе психологическое благополучие включает восприятие и оценку человеком уровня своей самореализации в соотношении с потенциальными возможностями [18]. Исследованиями феномена психологического благополучия занимались такие зарубежные авторы, как Н. Брэдберн, Э. Диннер, А. Вотерман, К. Рифф, М. Райан. В

отечественной психологии существует соответствующее направление, появившееся и продолжающее развиваться на почве исследований К.А. Абульхановой, Р.М. Шамяникова, Б.В. Ломова. Существуют различные мнения относительно того, стоит ли разделять между собой понятия «психологическое благополучие», «субъективное благополучие», «эмоциональное благополучие», однако в данном исследовании мы придерживаемся их единого значения, а именно общего показателя психологического благополучия личности. В таком случае психологическое неблагополучие характеризуется чувством дискомфорта, внутреннего напряжения, неполноценности, нереализованности; низкой степенью развития психологических ресурсов, слабыми адаптационными механизмами.

Согласно Э. Диннеру, важнейшим предиктором субъективного благополучия являются показатели личностных ресурсов [16]. Начиная с работ Хобфолла, под психологическим ресурсом понимается то, что имеет центральную значимость для человека, помогает адаптироваться в тяжелых жизненных обстоятельствах или дает возможность достичь ценных результатов (социальный статус, престиж, материальное благополучие) [14]. Исследованием психологических ресурсов в науке занимались Э. Динер, Р. Лазарус, С. Фолкман, С. Мадди, Д.А. Леонтьев, Н.Е. Водопьянова, О.А. Конопкин, А.Б. Леонова, В.И. Моросанова. Существует два основных подхода к исследованию ресурсов. Первый из них фокусируется на переменных, таких как диспозиции, личностные черты и характеристики окружения, рассматриваемых как ресурсы личности. В этом случае анализируется конкретный результат взаимодействия факторов, увеличивающих и уменьшающих риск, с учетом временного аспекта процесса. Второй подход – это личностно-ориентированный, или типологический, который подразумевает сравнение испытуемых на разных этапах развития или с различными возможностями адаптации [11].

Причиной возникновения пограничных психических расстройств принято считать нарушение механизмов психической адаптации и следующую за данным процессом дезадаптацию личности: так, согласно Ю.А. Александровскому, «адаптированная психическая деятельность является важнейшим фактором, обеспечивающим человеку состояние здоровья» [2, с. 18]. Из данного высказывания следует, что «нормальность» психического функционирования индивида измеряется его адаптированностью, то есть для сохранения психического благополучия личности ее способности адаптации должны соответствовать или превосходить уровень, заданный активным процессом жизнедеятельности. Также, согласно Ю.А. Александровскому, «при любом психотравмирующем воздействии, обуславливающим возникновение психических расстройств – невротического, невротоподобного состояний или декомпенсацию поведения у психопатических личностей, – прежде всего происходит нарушение наиболее сложных форм социально-детерминированного адаптированного и относительно стабильного стереотипа реагирования человека на окружающее» [2, с. 20].

Современные клинические исследования позволяют сделать вывод, что для преодоления психотравмирующих ситуаций, а также выхода из жизненных кризисов или разрешения конфликтов важнейшую роль играет процесс саморегуляции [3; 4; 9]. В своей работе мы придерживаемся концепции Д.А. Леонтьева, который рассматривает саморегуляцию с точки зрения психологических ресурсов – потенциала психики по сохранению здоровья и благополучия личности на всех уровнях ее жизнедеятельности [15]. Д.А. Леонтьев характеризует саморегуляцию как иерархическую систему, состоящую из взаимосвязанных уровней, а также вводит такое понятие, как «ресурсы саморегуляции» – «психологические переменные, отражающие устойчивые, но выбранные из ряда альтернатив стратегии саморегуляции как способа

построения динамического взаимодействия с обстоятельствами жизни» [9, с. 23]. На рис. 1 представлены качественные характеристики и перечень психологических феноменов, отнесенных Д.А. Леонтьевым к ресурсам саморегуляции [9, с. 23].

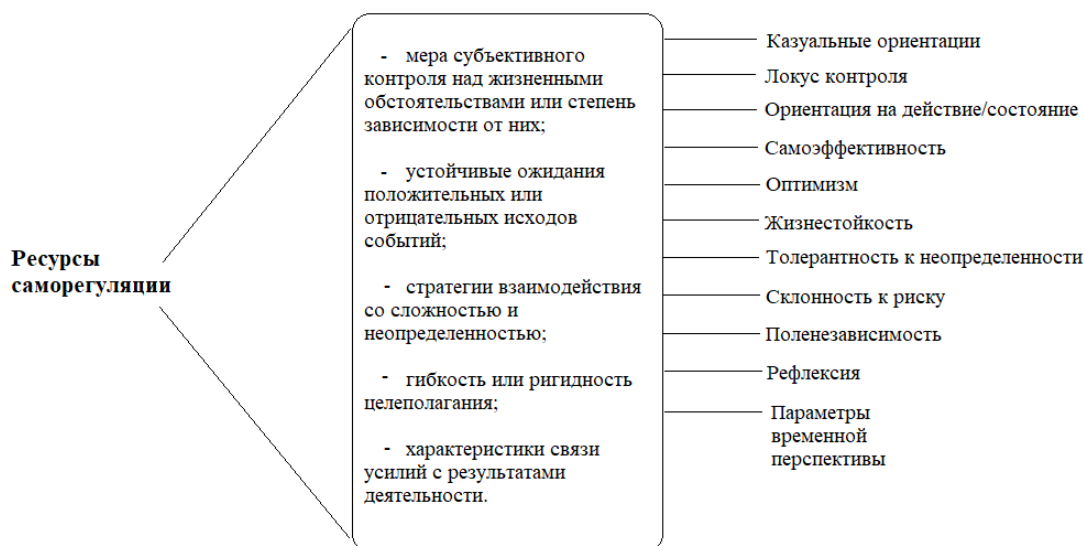

Рисунок 1. Качественные характеристики и перечень ресурсов саморегуляции

Клинические исследования позволяют связать определенные типы психических расстройств с нарушениями разных уровней и переменных личностной саморегуляции:

- 1) Нарушение саморегуляции на уровне смысловых личностных структур было обнаружено у лиц, страдающих пограничными психическими расстройствами [3; 6; 8];
- 2) Нарушение саморегуляции в аффективной сфере выявлено у лиц с расстройствами депрессивного круга [7];
- 3) Определенная специфика саморегуляции в сфере телесности отмечается у больных психосоматическими заболеваниями [10; 11; 12].

Однако проблема выявления роли ресурсов саморегуляции в формировании психологического благополучия при ППР исследована недостаточно и потому актуальна для дальнейшей научной и практической разработки.

Концептуальная модель исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составили модель субъективного благополучия Э. Динер; концепция психологического благополучия К. Рифф; концепция ресурсов саморегуляции Д.А. Леонтьева; классификация и модель пограничных психических расстройств Ю.А. Александровского.

Рисунок 2. Схема концептуальной модели исследования.

В представленной на рисунке концептуальной модели рассматривается механизм адаптации к сложным, стрессовым ситуациям в зависимости от уровня сформированности психологических ресурсов саморегуляции, которые связаны с показателями психологического благополучия личности.

Согласно современным представлениям, состояние здоровья индивида напрямую зависит от успеха его психической адаптации к внешним стрессовым воздействиям. Психологическое благополучие – качество, приобретаемое человеком в процессе ежедневной активности и характеризующее объективную меру соответствия его характеристик и стратегий функционирования оптимальному уровню жизнедеятельности, – важнейшее из условий, необходимых для поддержания полноценного процесса психической адаптации.

Психическая адаптация как система функционирует благодаря механизмам сознательной саморегуляции – процессов, координирующих интеллектуальные активности человека, направленные на выбор стратегий деятельности. Эмоционально-волевые качества характера, объем и специфика полученных человеком знаний, его интересы и моральные установки в совокупности создают внутренние условия реагирования на внешние особенности среды и неблагоприятные психические факторы, если таковые встречаются в процессе активности. Благодаря психической адаптации личность способна активно взаимодействовать и преобразовывать среду, в которой она пребывает.

В возникновении ППР ведущую роль играют так называемые психогенные факторы – объективные психологические условия, такие как стресс, беспокойство, депрессия, травмы, – приводящие к дезорганизации адаптивного функционирования личности. Так, при психопатических расстройствах часто наблюдаются нарушения функционирования высших уровней системы саморегуляции, негативные изменения в стратегиях приспособительного поведения и нарушения стабильного стереотипа реакций на окружающую действительность. Эти признаки выступают симптомами запущенного процесса психической дезадаптации, неизбежно влекущей нарушение социальных связей индивида, лишенного возможностей гибкого функционирования. По этой причине в реабилитации больных с ППР особую роль отводят способам мобилизации собственных ресурсов пациентов как на физиологическом, так и на психическом уровнях, а также формированию активной позиции личности, способствующей «оздоровлению» процессов саморегуляции. Как правило, в рамках психологической помощи, оказываемой пациентам с ППР, терапевт оказывает воздействие на ресурсы саморегуляции – переменные устойчивого выбора стратегий способа построения отношений с окружающей действительностью, включая борьбу со стрессом и переживания травматических событий.

Ресурсы саморегуляции составляют часть системы личностных ресурсов, выступающих фактором «смягчения» зависимости психологического благополучия от специфики окружающей среды. Так, человек с высоким уровнем личностных ресурсов более устойчив к негативным воздействиям извне, в то время как низкий уровень личностных ресурсов способствует развитию уязвимости перед стрессом и потере психологического благополучия.

Таким образом, низкий уровень развития ресурсов саморегуляции выступает причиной формирования психологического неблагополучия. В условиях воздействия психогенных стрессов низкий уровень развития ресурсов саморегуляции также может привести к нарушению психической адаптации и возникновению или декомпенсации пограничных психических расстройств.

Материал и методы. Исследовательская работа проводилась на базе ОГКУЗ «Белгородская областная клиническая психо-неврологическая больница». Общее количество человек, прошедших исследование, – 61, из них 32 респондента страдают пограничными психическими расстройствами, а 29 – психически здоровые лица.

В соответствии с диагностическими рубриками (МКБ-10), у 8 пациентов были диагностированы аффективные расстройства, у 14 пациентов – невротические, связанные со стрессом, и соматоформные расстройства, у 10 пациентов – расстройства личности и поведения в зрелом возрасте.

Цель исследования: выявить особенности связи ресурсов саморегуляции и психологического благополучия у пациентов с ППР.

В состав диагностического портфеля вошли следующие методики: «Шкала субъективного благополучия», «Шкала общей самооффективности, GSE», «Шкала локуса контроля Роттера», «Опросник временной перспективы Зимбардо, ZTPI», «Опросник Дифференциальный тип рефлексии (ДТР)», «Опросник рефлексивности Карпова», «Опросник атрибутивного стиля, ASQ», «Новый опросник толерантности к неопределенности».

Результаты и обсуждение. Среди разнообразия переменных, которые относятся к психологическим ресурсам саморегуляции, необходимо было выделить те, которые взаимосвязаны с психологическим благополучием, чтобы в перспективе обнаружить факторы психологического благополучия у лиц с ППР.

Исследование было разделено на несколько этапов.

На первом этапе исследования (июль 2024 года) было исследовано 27 респондентов, из которых 14 имели психиатрический диагноз и находились на стационарном лечении, а 13 являлись группой сравнения и не имели психических расстройств. Мы использовали следующую батарею методик: «Шкала субъективного благополучия», «Шкала общей самооффективности, GSE», «Шкала локуса контроля Роттера», «Опросник временной перспективы Зимбардо, ZTPI».

Нами был проведён статистический анализ полученных данных, направленный на поиск значимых корреляций между уровнем субъективного благополучия и ресурсами саморегуляции, такими как локус контроля, временная перспектива и самооффективность. Для данной задачи был использован критерий корреляции Спирмена. Результаты, полученные в ходе данного анализа, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Связь субъективного благополучия и ресурсов саморегуляции.

Ресурсы саморегуляции	Субъективное благополучие	
	г-значение	р-значение
Негативное прошлое	0.620***	<.001
Самооффективность	-0.776***	<.001
Интернальность	-0.671***	<.001
Экстернальность	0.671***	<.001

Из анализа результатов следует, что существуют определенные связи между ресурсами саморегуляции и психологическим благополучием, а именно:

Существует сильная прямая связь между субъективным благополучием, негативным прошлым ($p < 0,01$) и экстернальностью ($p < 0,01$). В связи с тем, что шкала «субъективное благополучие» обратная (шкала отражает субъективную оценку собственной благополучности респондентом, и повышение ее показателей свидетельствует о наличии симптомов неблагополучия разной степени выраженности), можно сделать вывод о том, что, переживание субъективного благополучия тем выше, чем ниже неприятие своего

прошлого и склонность воспринимать события как результат влияния обстоятельств. Также была обнаружена сильная обратная связь между субъективным благополучием, самооффективностью и интернальностью, что говорит о том, что субъективно неблагополучные люди также склонны не верить в собственный успех, личную эффективность, стремятся избегать брать на себя ответственность за свою жизнь.

Результаты сравнения группы здоровых лиц с лицами, имеющими психические заболевания с помощью критерия Манна–Уитни представлены в таблице 2. Были получены статистически значимые различия по шкалам «Субъективное благополучие» ($p<0,01$) «Самооффективность» ($p<0,05$) и «Негативное прошлое» ($p<0,01$), из чего следует, что респонденты, имеющие психическое расстройство, переживают более выраженное субъективное неблагополучие, склонны не верить в собственную эффективность и успех, имеют в целом негативный, пессимистический взгляд на свое прошлое.

Таблица 2. Сравнительный анализ показателей ресурсов саморегуляции и субъективного благополучия в группах здоровых лиц и лиц, страдающих ППР.

Показатели ресурсов саморегуляции и субъективного благополучия	Здоровые респонденты (ср. знач.)	Лица с ППР (ср. знач.)	U, p-значение
Субъективное благополучие	4,54	8,08	U=11, $p<.001$
Самооффективность	29,15	23,5	U=31, $p=0.011$
Негативное прошлое	3,77	2,66	U=11, $p<.001$

Возвращаясь к плану, опишем результат второго этапа нашего исследования (август 2024 года): были набрано 2 группы респондентов, состоящие из 18 человек, имеющих психическое расстройство и находящихся на лечении в стационаре, и 16 человек, не имеющих психических заболеваний. Были использованы следующие диагностические инструменты: «Шкала субъективного благополучия», «Опросник Дифференциальный тип рефлексии (ДТР)», «Опросник рефлексивности Карпова», «Опросник атрибутивного стиля, ASQ», «Новый опросник толерантности к неопределенности».

Нами был проведён статистический анализ полученных данных, направленный на поиск значимых корреляций между субъективным благополучием и ресурсами саморегуляции, такими как рефлексивность, толерантность к неопределенности и оптимистический атрибутивный стиль. Для данной задачи был использован критерий корреляции Спирмена. Результаты, полученные в ходе данного анализа, представлены в таблице 3:

Таблица 3. Связь субъективного благополучия и ресурсов саморегуляции.

	Субъективное благополучие	
	г-значение	p-значение
Интроекция	0.755***	<.001
Толерантность	-0.359*	0.040
Межличностная толерантность	0.557***	<.001
Время неудачи	0.416*	0.014
Время успеха	-0.407*	0.014
Широта неудачи	-0.358*	0.037
Я-успешность	-0.366*	0.008
Итог: неблагоприятность	0.466**	0.008
Итог: благоприятность	-0.478**	0.004
Общий показатель оптимизма	-0.561***	<.001

Из анализа полученных данных следует, что существуют определенные связи между ресурсами саморегуляции и психологическим благополучием. Далее рассмотрим их подробнее.

Существует сильная прямая связь между субъективным неблагополучием, интроспекцией ($p<0,01$), межличностной интолерантностью ($p<0,01$); а также значимая прямая связь между субъективным неблагополучием, восприятием неудач ($p<0,05$) и ожиданием неблагоприятного исхода событий ($p<0,01$). Из этого следует, что переживание выраженного дискомфорта в неопределенных отношениях с окружающими, сосредоточенность на собственном состоянии и переживаниях, восприятие неудач как постоянных, устойчивых и длительных, ощущение беспомощности взаимосвязаны с переживанием субъективного неблагополучия. Была выявлена сильная обратная связь между субъективным неблагополучием и общим показателем оптимизма ($p<0,01$); а также значимая обратная связь между субъективным неблагополучием, толерантностью к неопределенности ($p<0,05$), восприятием успеха и своего участия в нем (время успеха $p<0,05$; я-успешность $p<0,05$), ожиданием благоприятного исхода событий ($p<0,01$). Это говорит о том, что субъективно благополучным людям свойственно верить в положительный и желаемый исход событий, принимать окружающий мир и трансформировать его негативные проявления, стойко переносить условия неопределённости и быть готовыми продуктивно функционировать в них.

Результаты сравнения групп с помощью критерия Манна-Уитни представлены в таблице 4. Были получены статистически значимые различия по шкалам: «Интроспекция» ($p<0,05$), «Интолерантность» ($p<0,05$), «Межличностная интолерантность» ($p<0,05$), «Время неудачи» ($p<0,05$), «Широта неудачи» ($p<0,05$), «Итог неблагоприятность» ($p<0,01$) и «Общий показатель оптимизма» ($p<0,01$), из чего следует, что респондентам, имеющим психиатрическое расстройство, свойственно более выраженное, в сравнении со здоровыми респондентами, переживание фрустрации в ситуациях неопределенности и неспособность действовать в них; стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях, дискомфорт в случае неопределенности отношений с другими; сосредоточение на собственном состоянии и переживаниях; восприятие неудач как постоянных и длительных, устойчивое ощущение беспомощности; негативное отношение и недоверие к жизни и миру.

Таблица 4. Сравнительный анализ показателей ресурсов саморегуляции и субъективного благополучия в группах здоровых лиц и лиц, страдающих ППР.

Показатели ресурсов саморегуляции и субъективного благополучия	Здоровые респонденты (ср. знач.)	Лица с ППР (ср. знач.)	U, p-значение
Интроспекция	19,38	26,06	U=76, p=0.019
Интолерантность	62,31	69,06	U=80,5, p=0.046
Межличностная интолерантность	32,75	38,35	U=76,5, p=0.033
Время неудачи	2,44	4	U=75, p=0.014
Широта неудачи	2,25	3,89	U=75, p=0.017
Итог неблагоприятность	10,38	14,17	U=51,5, p=0.001
Общий показатель оптимизма	-1,56	-7,39	U=57,5, p=0.003

Заключение. Исследование особенностей связи психологических ресурсов саморегуляции и психологического благополучия у людей с пограничными психическими расстройствами позволило нам сделать вывод, что недостаточный уровень этих ресурсов имеет связь с возникновением психологического дискомфорта.

В условиях воздействия стрессовых факторов окружающей среды низкие показатели развития ресурсов саморегуляции могут стать причиной нарушения психической адаптации, а также возникновения или обострения пограничных психических расстройств.

В своем исследовании мы опирались на концепцию психологических ресурсов как неотъемлемого компонента личностного потенциала, предложенную Д.А. Леонтьевым. Наша основная гипотеза основывалась на предположении, что ресурсы саморегуляции выступают в качестве смягчающего фактора, влияющего на зависимость психологического благополучия от внешних обстоятельств. Лица с высокими показателями личностных ресурсов оказываются более устойчивыми к негативному влиянию среды, в то время как дефицит этих ресурсов делает человека уязвимым к стрессовым ситуациям и снижению психологического благополучия.

Исходя из этого, актуализация ресурсов саморегуляции способствует повышению психологического благополучия людей с пограничными психическими расстройствами, что, в свою очередь, улучшает их шансы на восстановление.

Эмпирическое исследование, посвященное изучению взаимосвязи между психологическими ресурсами саморегуляции и психологическим благополучием у лиц с пограничными психическими расстройствами, позволило нам получить статистически значимые результаты, подтверждающие нашу гипотезу.

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что лица с пограничными психическими расстройствами значительно отличаются от здоровых лиц по уровню развития ресурсов саморегуляции, которые, в свою очередь, связаны с переживанием психологического благополучия.

1) Люди, страдающие пограничными психическими расстройствами, переживают более выраженное субъективное неблагополучие, склонны не верить в собственную эффективность и успех, имеют в целом негативный, пессимистический взгляд на свое прошлое. Им свойственно более выраженное, в сравнении со здоровыми респондентами, переживание фрустрации в ситуациях неопределенности и неспособность действовать в них; стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях, дискомфорт в случае неопределенности отношений с другими; сосредоточение на собственном состоянии и переживаниях; восприятие неудач как постоянных и длительных, устойчивое ощущение беспомощности; негативное отношение и недоверие к жизни и миру.

2) С переживанием субъективного неблагополучия связаны такие факторы, как неприятие своего прошлого, склонность воспринимать события как результат влияния обстоятельств, отсутствие веры в собственные успех и эффективность, склонность к избеганию ответственности, переживание выраженного дискомфорта в неопределенных отношениях с окружающими, сосредоточенность на собственном состоянии и переживаниях, восприятие неудач как постоянных, устойчивых и длительных, ощущение беспомощности. Респондентам с более высоким показателем субъективного благополучия свойственно верить в положительный и желаемый исход событий, принимать окружающий мир и трансформировать его негативные проявления, стойко переносить условия неопределенности и быть готовыми продуктивно функционировать в них.

Итак, среди всех переменных ресурсов саморегуляции нам удалось выделить те, которые взаимосвязаны с психологическим благополучием, чтобы в перспективе обнаружить факторы психологического благополучия у лиц с ППР. Далее мы видим такой прогноз развития рассматриваемых вопросов:

—на основании полученных результатов, необходимо отобрать те переменные ресурсов саморегуляции, которые имеют наиболее выраженные связи с психологическим благополучием;

—провести формирующий эксперимент, в котором отобранные переменные будут являться мишенями коррекции;

—доказать или опровергнуть предположение о влиянии ресурсов саморегуляции на психологическое благополучие.

Полученные данные могут быть использованы для разработки эффективных методов психологической помощи, нацеленных на активизацию личностных ресурсов саморегуляции у пациентов с пограничными психическими расстройствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александровский Ю.А. Социально-стрессовые расстройства : клинико-социальная оценка и терапевтические возможности / Ю.А. Александровский // РМЖ : Русский медицинский журнал. – 1996. – Т.3, №11 – С. 689–694.
2. Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства / Ю.А. Александровский – М. : ГОЭТАР-МЕДИА, 2021. – 552 с.
3. Берток Н.М. Жизненные стереотипы больных истерией как особая форма нарушения саморегуляции : автореф. дис. канд. психол. наук / Н.М. Берток. – М., 1988. – 28 с.
4. Василюк Ф.Е. Психология переживания / Ф.Е. Василюк – СПб. : Питер, 2024 – 288 с.
5. Глебов В.В. Формирование психического здоровья нации как основа демографического роста населения России / В.В. Глебов, Г. Аракелов // Демографическая безопасность России : материалы форума под ред. В.Б. Зотова – М. : Издательский дом НПИ, 2007. – С. 88–91.
6. Зейгарник Б.В. Саморегуляция поведения в норме и патологии / Б.В. Зейгарник, А.Б. Холмогорова, Е.С. Мазур // Психол. журн. – 1989. – № 2. – С. 122–132.
7. Зейгарник Б.В. Опосредование и саморегуляция в норме и патологии / Б.В. Зейгарник // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Психология. – 1981. – № 2. – С. 9–15.
8. Кулыгина М.А. Психологические факторы эмоциональной регуляции поведения при депрессии : автореф. дис. канд. психол. наук / М.А. Кулыгина. – М., 1992. – 28 с.
9. Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал / Д.А. Леонтьев // Сибирский психологический журнал. – 2016. – № 62. – С. 18–37.
10. Мазур Е.С. Роль личностной саморегуляции в процессе психотерапии психической травмы у пациентов с пограничными психическими расстройствами / Е.С. Мазур // Российский психиатрический журнал. – 2010. – № 6. – С. 58–63.
11. Николаева В.В. Клинико-психологические проблемы психологии телесности / В.В. Николаева, Г.А. Арина // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24, № 1. – С. 119–126.
12. Рупчев Г.Е. Психологическая структура внутреннего телесного опыта при соматизации: на модели соматоформных расстройств : дис. канд. психол. наук / Г.Е. Рупчев. – М., 2001 – 128 с.
13. Тихоненко В.А. Проблемы реабилитации больных с пограничными психическими расстройствами / В.А. Тихоненко // Нелекарственные методы реабилитации больных с пограничными психическими расстройствами : Сб. науч. тр. / Под ред. проф. В.А. Тихоненко. – М., 2005. – С. 6–16.
14. Хазова С.А. О методах исследования психических ресурсов субъекта / С.А. Хазова, Е.А. Дорьева // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2012. – № 4. – С. 29–33.
15. Цветкова Л.А. Концептуальные основы изучения и измерения здоровья и благополучия человека с позиций психологической науки / Л.А. Цветкова, Н.А. Антонова, Р.Г. Дубровский // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Тематический блок: фундаментальные проблемы в исследованиях психического здоровья человека и общества. – 2019. – № 4 (104). – С. 23–25.
16. Diener E. Resources, personal strivings, and subjective well-being: A nomothetic and idiographic approach / E. Diener, F. Fujita // Journal of Personality and Social Psychology. – № 68. – P. 926–935.
17. Hobfoll S.E. Social and Psychological resources and adaptation / S.E. Hobfoll // Review of general psychology. – vol. 6, no. 4. – 2002. – P. 307–324.
18. Ryff C.D. Psychological well-being / C.D. Ryff, J.E. Birren // Encyclopedia of gerontology: age, aging, and the aged. – San Diego, CA : Academic Press. – 1996. – P. 142–170.

REFERENCES

1. Alexandrovsky Yu.A. (1996). Socialno-stressovye rasstroistva : kliniko-socialnaya ocenka i terapevticheskie vozmojnosti [Social stress disorders : clinical and social assessment and therapeutic possibilities]. RMG : Rossiyskiy medicinskiy gurnal [RMG : Russian Medical Journal], pp. 689–694 (In Russian).
2. Alexandrovsky Yu.A. (2021). Pogranichnie psihicheskie rasstroistva [Borderline mental disorders] (552 p.). Moscow : GOETAR-MEDIA (In Russian).
3. Bertok N.M. (1988). Jiznennye stereotipy bolnih isteriey kak osobaya forma narusheniya samoregulyacii [Life stereotypes of patients with hysteria as a special form of violation of self-regulation] Aftoreferat dissertacii kandidata psihologicheskikh nauk [Abstract of the dissertation of the candidate. Psychological Sciences] (28 p.). Moscow (In Russian).
4. Vasilyuk F.E. (2024). Psihologiya perejivaniya [Psychology of experience] (228 p.). St. Petersburg: Peter (In Russian).
5. Glebov V.V., Arakelov G. (2007) Formirovanie psihicheskogo zdorovia natsii kak ocnova demograficheskogo rosta naseleniya Rossii [Formation of the nation's mental health as the basis for demographic growth of the Russian population]. In V.B. Zotov (Ed.). Demograficheskaya bezopasnost Rossii : materialy foruma [Demographic security of Russia: materials of the forum edited] (pp. 88–91). Moscow : Izdatelskiy dom NP [NP Publishing House] (In Russian).
6. Zeigarnik B.V., Kholmogorova A.B., Mazur E.S. (1989). Samoregulyaciya povedeniya v norme i patologii [Self-regulation of behavior in norm and pathology]. In Psychology. Journal, No. 2 pp. 122–132 (In Russian).
7. Zeigarnik B.V. (1981). Oposredovaniye i samoregulyaciya povedeniya v norme i patologii [Mediation and self-regulation in norm and pathology]. Vestn. Moscow. un-ta. Ser. Psychology, pp. 9–15 (In Russian).
8. Kulygina M.A. (1992). Psihologicheskie faktori emocionalnoy regulyacii povedeniya pri depressii [Psychological factors of emotional regulation of behavior in depression]. Aftoreferat dissertacii kandidata psihologicheskikh nauk [Abstract of the dissertation of the cand. Psychological sciences] (28 p.). Moscow (In Russian).
9. Leontiev D.A. (2016). Samoregulyaciya, resursy i lichnostnyi potencial [Self-regulation, resources and personal potential]. Siberian Psychological Journal, No. 62, pp. 18–37 (In Russian).
10. Mazur E.S. (2010) Rol' lichnostnoy samoregulyacii v processe psihoterapii psihicheskoy travmy u pacientov s pogranichnymi psihicheskimi rasstroystvami [The role of personal self-regulation in the process of psychotherapy of mental trauma in patients with borderline mental disorders]. Russian Psychiatric Journal. No. 6, pp. 58–63 (In Russian).
11. Nikolaeva V.V., Arina G.A. (2003) Kliniko-psihologicheskie problemi psihologii telesnosti [Clinical and psychological problems of the psychology of physicality]. Psychological journal, Vol. 24, No. 1, pp. 119–126 (In Russian).
12. Rupchev G.E. (2001) Psihologicheskaya structura vnutrennego telesnogo opyta pri somatizacii: na modeli comatomorfnyh rasstroistv [Psychological structure of internal bodily experience during somatization: on the model of somatoform disorder]. (Candidate dissertation). Moscow, 128 p. (In Russian).
13. Tikhonenko V.A. (2005) Problemy reabilitacii bolnyh s pogranichnymi psihicheskimi rasstroystvami [Problems of rehabilitation of patients with borderline mental disorders]. Nelekarstvennye metody reabilitacii bolnyh s pogranichnymi psihicheskimi rasstroystvami : sbornik nauchnyh trudov [Non-medicinal methods of rehabilitation of patients with borderline mental disorders : Collection of scientific papers]. Moscow, pp. 6–16 (In Russian).
14. Khazova S.A., Doryeva E.A. (2012) O metodah issledovaniya psihicheskikh resursov subyecta [On methods of studying the mental resources of a subject]. Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. No. 4, pp. 29–33 (In Russian).
15. Tsvetkova L.A., Antonova N.A., Dubrovsky R.G. (2019) Konceptualnye osnovy izucheniya i izmereniya zdorovia i blagopoluchiya chelovekas pozitsiy psihologicheskoy nauki [Conceptual foundations of the study and measurement of human health and well-being from the standpoint of psychological science]. Vestnik Rossiyskogo fonda fundamentalnyh issledovaniy. Tematicheskij blok: fundamentalnye problem v issledovaniyah psihicheskogo zdorovya cheloveka i obschestva [Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Thematic block: fundamental problems in the research of mental health of man and society], № 4 (104), pp. 23–25 (In Russian).
16. Diener E., Fujita F. (1996) Resources, personal aspirations and subjective well-being: a nomothetic and idiographic approach, (pp. 926–935). Journal of Personality Psychology and Social Psychology, No. 68 (In English).
17. Hobfall S.E. (2002) Socio-psychological resources and adaptation. Review of general psychology, Vol. 6, No. 4, pp. 307–324 (In English).
18. Riff K.D., Birren J.E. (1996) Psychological well-being. Encyclopedia of Gerontology: age, aging and the elderly (pp. 142–170). San Diego, California: Academic Press (In English).

Поступила в редакцию 13.12.2024 г.

K.R. Saitgaleeva, Y.Y. Kovtun

RELATIONSHIP BETWEEN PSYCHOLOGICAL RESOURCES OF SELF-REGULATION AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING IN PEOPLE WITH BORDERLINE MENTAL DISORDERS

The study deals with the problem of the relationship between the level of development of psychological resources of self-regulation and psychological well-being of the individual. The research work was carried out on the basis of the Belgorod Regional Clinical Psycho-Neurological Hospital. The total number of people who completed the study is 61, of which 32 respondents suffer from borderline mental disorders, and 29 are mentally healthy individuals. The data obtained indicate that individuals with borderline mental disorders differ significantly from healthy individuals in terms of the level of development of self-regulation resources, which, in turn, are associated with the experience of psychological well-being. The application of these data will be useful in the development of more effective methods of psychological correction assistance aimed at activating personal self-regulation resources in patients with borderline mental disorders.

Keywords: psychological resource, borderline mental disorders, well-being, self-regulation resources, personality resources.

Сайтгалеева Ксения Руслановна.

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород
Российская Федерация.
ORCID 0009-0002-1632-1899.
Студент.
E-mail: saitgaleevak@gmail.com.

Saitgaleeva Ksenia Ruslanovna.

Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russian Federation.
ORCID 0009-0002-1632-1899.
Student.
E-mail: saitgaleevak@gmail.com.

Ковтун Юлия Юрьевна.

Кандидат психологических наук.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород
Российская Федерация.
Доцент кафедры общей и клинической психологии.
ORCID 0000-0002-7770-4191.
E-mail: kovtun@bsuedu.ru.

Kovtun Yulia Yurevna.

Candidate of Psychology.
Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russian Federation.
Associate Professor, Department of General and
Clinical Psychology.
ORCID 0000-0002-7770-4191.
E-mail: kovtun@bsuedu.ru.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящихся к следующим отраслям наук:

5.9. Филология:

5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.3. Теория литературы;

5.9.5. Русский язык. Языки народов России;

5.9.6. Языки народов зарубежных стран;

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;

5.9.9. Медиакommunikации и журналистика.

5.3. Психология:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии;

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

2. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, а также статьи, не соответствующие редакционным требованиям или тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В журнале публикуются исключительно актуальные, написанные в год подачи в редколлегию материалы.

3. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных статей, за исключением случаев явного недоразумения. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов. Корректур статей авторам не высылаются.

4. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

5. На адрес редколлегии (vi.terkulov@mail.ru) во вложениях к письму присылаются следующие документы:

5.1. **Электронный текст статьи** (в формате WORD или RTF и параллельно в формате pdf), не превышающий диапазона **7-15** страниц (от **20000** до **40000** знаков). Список литературы, список источников, references, сведения об авторе и перевод аннотации в объем текста исследования не включаются. **Название файла электронного текста статьи:** «(Фамилия автора)_статья», например, «Дьякова_статья».

5.2. **Текст для оглавления.** В отдельном файле и на отдельном листе подаются фамилия и инициалы автора, а также название статьи на русском и английском языках. При этом фамилия и инициалы автора набираются курсивом через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт). Точка в конце текста не ставится (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Дьякова_для_оглавления»).

Образец

Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского

Diakova T.A. Historicisms as Linguistic Realias with Sociocultural Component in Works by Mikhail Matusovsky

5.3. **Согласие на обработку данных** (высылается автору после приема статьи к публикации).

6. **ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:**

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчеркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе воздвиг нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо, можно, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «... "..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделенное пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

7. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Перед УДК отдельной строкой слева указывают тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– Текст DOI: (индекс DOI присваивается редколлегией).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов); в случае, если необходимо привести благодарность или указание на источник финансирования статьи, это делается в пристраничной сноске к названию.

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии)

– На следующей строке: полное официальное название организации (курсив).

– На следующей строке ORCID автора.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования. Ключевые слова:** (это словосочетание – полужирным курсивом) (8–15 слов).

– Через строчку: Для цитирования (10 кегль, в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»).

Образец оформления начала статьи:

Научная статья

УДК 81:112

DOI:

**ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО**

© 2024 *Т.А. Дьякова*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

ORCID 0000-0002-8440-7806

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда

и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалья, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Для цитирования: Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 202X. – № X. – С. XX-XX. – <https://doi.org/>

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение. Каждый из указанных разделов должен быть озаглавлен (не курсив, выделение полужирным).

Введение. Постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Материалы и методы исследования. Описание используемых материалов с указанием их точных характеристик, в том числе количественных и статистических, обоснованием репрезентативности выборки; описание методов исследования с изложением их значимых инструментов и процедур.

Основная часть. Основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, представление пути решения, анализ результатов.

Заключение. Констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (10 кегль без абзацного отступа). Списком литературы считается список научных работ, на которые ссылается автор, а Списком источников – список источников иллюстративного материала (словари, источники примеров: художественные произведения, тексты СМИ, тексты из национального корпуса русского языка и т.д.). Список источников приводится только в том случае, если в тексте есть примеры из словарей, национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы и т.п.

Список литературы и список источников приводятся общим списком (со сквозной нумерацией) после Заключения в алфавитном порядке на языке оригинала (сначала – работы на русском языке, затем – на иностранных) в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть DOI, его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки.

Ссылка на источник дается в тексте в квадратных скобках и оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Ссылки допускаются только на опубликованные работы.

Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации. Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, – 10.

Словосочетания **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньева М. Г. О тождестве слова / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович // Научные доклады высшей школы: филологические науки. – 1965. – № 2. – С. 59-68.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
3. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
4. Богданова Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах : этнолингвистический аспект : дисс. канд. филол. наук : 10.02.01 Русский язык / Богданова Елена Александровна ; ВГУ. – Воронеж, 2019. – 324 с.
5. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2024).
6. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
7. Николаева Т.А. Социокультурный аспект гендерной маркированности якутских фразеологизмов / Т.А. Николаева, Л.М. Готовцева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2024. – Вып. 1 (43). – С. 20-31. – <http://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-1-20-31>.
8. Теркулов В.И. Парадигматика сложносокращенного слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений / В.И. Теркулов // Русистика. – 2023. – Т. 21. № 1. – С. 79–96. – <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-79-96>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

9. Ипатова О. Золотая жрица Ашвинов О. Ипатова / О. Ипатова // Ольгердово копьё: романы. – Минск: Беллитфонд, 2002. – С. 3–299.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепеничь / Гл. ред. Ф.П. Филин. – Л. : Наука, Ленинградское отд., 1972. – 370 с.

После Списка источников или Списка литературы (в случае, если список источников отсутствует) дается список **References**, в котором используется формат АРА с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Слово **REFERENCES** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца. Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате АРА. Дублировать следует только рубрику **Список литературы**. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после нее. Примеры оформления:

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scytho-Sarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznanii. Drevneiranskii iazyki* [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)
 2. Berezovich, E. L. (2007). Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)
 3. Blasco Ferrer, E. (1993). Tracce indeuropee nella Sardegna nuragica? [Indo-European Traces in Nuragic Sardinia?]. *Indogermanische Forschungen*, 98, 177–185. <http://doi.org/10.1515/9783110243390.177> (In Italian)
- Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from <http://www.dwds.de/>. (In German).

4. Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), *Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names* (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.
5. Harvalík, M. (2004). Synchronní a diachronní aspekty české onymie [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech).
6. Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When A Proper Name Takes An Article: The Case of Metonymic Proper Names]. *Journal of French Language Studies*, 2, 185–205. (In French).
7. Koznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)
8. Lysova, E. V. (2002). *Ornitoniimiia Russkogo Severa* [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg. (In Russian)
9. Pharies, D. (2002). The Origin and Development of the Spanish Suffix -azo. *Romance Philology*, 56 (1), 41–50. <http://doi.org/10.1484/J.RPH.2.304495> (In English).
10. Room, A. (1988). *Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles*. London: Bloomsbury.
11. Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). *Berestiane gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g.* [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 4, 3–11. (In Russian)

– После курсивом (10 кегль, выравнивание по правой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по левому краю, без абзаца),
- через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание ***Key words:*** – полужирный курсив) – выравнивание по ширине, с абзацем 1 см.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T.A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание левой стороне, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (**без всяческих ФГБОУ ВО** и без выделения).
- Должность (без выделения).
- ORCID
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Дьякова Татьяна Алексеевна.
Кандидат филологических наук, доцент.

Diakova Tatiana Alekseevna.
Candidate of Philology, Associate Professor.

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, Российская Федерация, г. Луганск.

Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky, The Russian Federation, Lugansk.

Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

8. Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имен собственных и других сведений.

10. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: vi.terkulov@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, заведующий кафедрой клинической психологии Донецкого государственного университета (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

.

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2025. – № 3

На русском и английском языках

Технический редактор: Д.И. Борозенец